

12 12
to describe the conditions here, but I'm writing this now
to tell you a little, and will wait it later when
we are told we can.

НИКОЛАУС ВАХСМАН

НОМИНИРОВАНА НА ПРЕМИЮ

«НАЦИОНАЛЬНАЯ КНИГА ИЗРАИЛЯ»

В КАТЕГОРИИ **ХОЛОКОСТ**

Geheime Staatspolizei
Staatspolizeistelle Weimar

II E 2 - B.Nr. 121/42

Bitte in der Antwort vorstehendes Geschäftsgeld
und Datum angeben

Postzensurstelle

Aufschw. 16.3.44

ИСТОРИЯ НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ

Лучшая книга 2015 года по версии

Wall Street Journal

Лучшая историческая книга 2015 года по версии

Kirkus Reviews

Ullrich
Kanzlei • Angestellte

Николаус Вахсман

История нацистских концлагерей

«Центрполиграф»

2015

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Вахсман Н.

История нацистских концлагерей / Н. Вахсман —
«Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-227-07301-3

Известный историк, профессор Бирбек-колледжа Лондонского университета Николаус Вахсман исследовал и представил полную историю нацистских концентрационных лагерей с 1933 по 1945 год. Основываясь на подлинных документальных материалах о лагерях Освенцим, Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Флоссенбюрг, Равенсбрюк и многих других (двадцать два крупных лагеря и более тысячи лагерей-спутников опутали Германию и Европу), автор представил историю создания, цели, принципы, структуру и систему управления этой чудовищной человеконенавистнической машиной по уничтожению людей, обратив особое внимание на невероятные по жестокости условия содержания в них узников. Заклучая свой колоссальный труд, автор высказывает мысль о том, что «система концлагерей была великим извратителем ценностей, является историей бесчеловечных мутаций совести, сделавших нормой насилие, пытки и убийства». И настаивает: современный мир не имеет права об этом забывать. В приложении приведены данные о заключенных лагерей, начиная с 1935 по 1945 год.

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-227-07301-3

© Вахсман Н., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Пролог	7
Прецеденты и перспективы	11
История и память	15
Подходы	23
Источники	27
Структура	30
Глава 1. Первые лагеря	31
Кровавая весна и лето	34
Террор против левых	35
Массовые аресты и задержания	38
СА и лагеря СС	42
Охранники СА и СС	46
«Выбор объектов издевательств»: «важные шишки» и евреи	49
Координация	54
«Превентивное заключение» в Пруссии	54
Лагерь Эмсланда: взгляд изнутри	57
Образцовый лагерь Гиммлера	60
Дахау под давлением	64
Корни нацистских лагерей	68
Открытый террор	72
Очевидцы и слухи	72
Реакция немцев	75
Реакция за рубежом	78
Нацистская пропаганда	81
Борьба «со слухами о злодеяниях»	84
Глава 2. Лагерная система СС	87
Постоянство перемен	91
Инспекция концентрационных лагерей	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Николаус Вахсман

История нацистских концлагерей

© 2015 by Nikolaus Wachsmann

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Заметит ли мир хоть каплю, толику того трагического мира, в котором мы жили?

Из письма Залмана Градовского от 6 сентября 1944 года, найденного после освобождения, во фляге, зарытой на территории крематория Освенцим-Бжезинка

Пролог

Дахау, 29 апреля 1945 года

Еще не наступил полдень. Американские части сил союзников, стремительно продвигавшихся по Германии, готовясь сокрушить последние остатки Третьего рейха¹, приближались к одиноко стоящему на рельсах товарному составу в районе огромного объекта СС под Мюнхеном. Подойдя ближе, солдаты увидели нечто ужасное: вагоны заполнены трупами, их наверняка не меньше 2 тысяч. Это мужчины, женщины и даже дети. Исхудалые, искривленные, изувеченные, окровавленные конечности сцепились между собой среди соломы, тряпья, экскрементов. Несколько солдат, с посеревшими от потрясения лицами, отвернулись, разрыдались, кое-кого вырвало. «Это вызвало у нас страшную тошноту, мы просто обезумели, единственное, на что были способны, – так это сжать кулаки», – писал на следующий день один из офицеров. Потрясенные солдаты по мере продвижения в эсэсовский лагерь одну за другой обнаруживали группы узников – их было около 32 тысяч. Эти 32 тысячи, люди самых разных национальностей, народностей, религиозных и политических убеждений, уцелели, выжили, – граждане почти 30 европейских стран. Шатаясь, еле двигаясь, они брели навстречу своим избавителям. А многие так и лежали в переполненных, грязных и зловонных бараках, не в силах выбраться. Взоры солдат повсюду натывались на трупы – бездыханные тела лежали между бараками, ими были завалены канавы, подле лагерного крематория трупы были сложены будто бревна. Ну а тех, кто повинен во всем этом смертоубийстве, здесь давно уже не было, они успели унести ноги, в своем большинстве это кадровые офицеры СС. В лагере осталась лишь горстка подонков из нижних чинов охраны, от силы пара сотен². Картины этого ужаса вскоре облетели весь мир, впечатались в коллективное сознание. И по сей день концентрационные лагеря, такие как Дахау, нередко воспринимают по кинокадрам, сделанным освободителями: все те же, ставшие знакомыми миллионам траншеи, заполненные телами, горы трупов и костей, изможденные лица оставшихся в живых, глядящие в камеры. Но какое бы сильнейшее впечатление ни производили эти фильмы, они, однако, не в состоянии поведать нам все о Дахау. Ибо у этого лагеря история долгая и ее последний, адский круг завершился только под последние залпы Второй мировой войны³.

Дахау, 31 августа 1939 года

Заключенные поднимаются затемно, и так каждое утро. Никто из них пока что не знает, что на следующий день вспыхнет Вторая мировая война, но она их не затронет никак, все так и будут следовать обычному лагерному распорядку. После безумной давки – первым добежать до уборной, потом наскоро проглотить пайку хлеба, потом уборка бараков, – печатая шаг, узники уже следуют на лагерную площадь на построение для переключки. Почти 4 тысячи человек в полосатой арестантской форме, коротко или наголо остриженные, застыв по стойке смирно, со

¹ В западной части Германии и Австрии. На востоке Германии, а также на территории Чехословакии и Австрии (не считая подавления других очагов сопротивления вермахта в глубоком тылу советских войск) сокрушала основные силы боровшихся до конца германских вооруженных сил Красная армия, вынесшая на себе вплоть до последних дней войны основную тяжесть вооруженного противостояния с Германией и ее сателлитами. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных, отмеченные цифрой и звездочкой, – примеч. ред.*)

² Dann, Dachau, цит. по 22; Zarusky, «Erschießungen»; Abzug, Inside, 89–92; DaA, DA 20202, F. Sparks, «Dachau and Its Liberation», March 20, 1984; Greiser, Todesmärsche, 70, 502–503; KZ-Gedenkstätte Dachau, Gedenkbuch, 10; Marcuse, Legacies, 51; Weiß, «Dachau», 26–27, 31–32; «Dachau Captured by Americans Who Kill Guards, Liberate 32,000», *New York Times*, May 1, 1945. См. также снимки из собрания USHMM. Поезд смерти отправился 7 апреля 1945 г. из Бухенвальда; число узников – 4500–5 тысяч человек.

³ Hannah Arendt уже обращала внимание на нечто подобное вскоре после окончания Второй мировой войны; Brink, Ikonen, 78. Обобщенно, см.: Weiß, «Dachau»; NCC, ix.

страхом дожидались начала очередного изнурительного дня. За исключением группы чехов, все здесь немцы или австрийцы, хотя нередко единственное, что их друг с другом связывает, – так это язык. Разноцветные треугольники на полосатой форме служат здесь знаками различия – политических заключенных, асоциальных элементов, преступников, гомосексуалистов, свидетелей Иеговы или же евреев. Позади выстроившихся в ряд заключенных тоже рядами расположились одноэтажные бараки. Каждый из 34 специально сооруженных для содержания заключенных барак имел около 35 метров в длину. Внутри надраенные полы, аккуратнейшим образом заправленные койки. Побег практически невозможен: барачный сектор – 200 метров в длину и 100 в ширину – окружен рвом и бетонной стеной, сторожевыми вышками с пулеметчиками и оцеплен колючей проволокой, по которой пропущен ток высокого напряжения. За ограждениями – огромная зона СС с более чем 220 зданиями, включая складские помещения, цеха, жилые помещения и даже бассейн. Она предназначена примерно для 3 тысяч человек эсэсовцев-охранников из подразделения добровольцев, объединенных общей идеей – пропускать заключенных через прекрасно отлаженную систему издевательств и пыток. Смертельные случаи здесь относительно редки – но в августе четырех узников не стало. Маловато, конечно, чтобы подумывать о строительстве крематория, пока что насущной необходимости в нем у эсэсовцев нет⁴. Пока СС ограничиваются лагерями как средством управляемого террора, а не убийства – огромное отличие от разнузданной вакханалии смерти последних дней весны 1945 года, впрочем, как и от убогих первых попыток превратить Дахау в концлагерь весной 1933 года.

Дахау, 22 марта 1933 года

Первый лагерный день близится к концу. Холодный вечер пару месяцев спустя после назначения рейхсканцлером Адольфа Гитлера, проторившего Германии путь к нацистской диктатуре. Только что доставленные заключенные (им даже не успели выдать лагерную робу) ужинают хлебом с колбасой, запивая их чаем, в здании бывшего заводууправления фабрики по производству боеприпасов. Здание за несколько дней наспех приспособили под импровизированный лагерь, отгородив его от фабричного пустыря с разваливающимися корпусами, грудами щебенки и запущенными проездами. Всего здесь 100, может, 120 политических заключенных, в основном местных коммунистов из Мюнхена. Когда их совсем недавно привезли сюда на открытых грузовиках, охранники – 54 крепких субъекта – объявили, что всех арестованных будут «содержать под стражей для обеспечения их же безопасности». Нелегко было тогдашним немцам понять, что сие означало. Но – как бы то ни было – пока что все было вполне переносимо: охранники не из нацистских штурмовиков, а дружелюбно настроенные полицейские: запросто болтают с заключенными, раздают им сигареты и даже спят в одном и том же здании. На следующий день заключенный Эрвин Кан написал длинное письмо жене, чтобы рассказать, что все в Дахау хорошо. И еда, и обращение, хотя он ждет не дожидается, когда же его выпустят. «Интересно, сколько еще все это продлится». Несколько недель спустя Кан был убит, застрелен эсэсовцами, принявшими от полиции охранные функции заключенных. Он был одним из первых почти 40 тысяч узников Дахау, погибших там начиная с весны 1933 года и по весну 1945 года⁵.

⁴ DaA, ITS, Vorläufige Ermittlung der Lagerstärke (1971); BArchB, R 2/28350, Chronik der SS-Lageranlage Dachau, March 1, 1938; Zämechnik, *Dachau*, 86–90, 99–105; Neurath, *Gesellschaft*, 23, 38–41, 44–48; Burkhard, *Tanz*, 83, 86–89; Steinbacher, *Dachau*, 90; OdT, vol. 1, 102–104; Там же, 2, 248; Pressac, *Krematorien*, 8. 30 из 34 барак Дахау использовались для размещения обычных заключенных. СС планировали возвести здание крематория в Дахау к 1937 г., но план так и не был осуществлен; Comite, *Dachau* (1978), 166.

⁵ Seubert, «Vierteljahr», 63–68, 89–90, цит. по 90; Richardi, *Schule*, 40–55; Dillon, «Dachau», 27, 153; Tucheit, *Konzentrationslager*, 123–125; Zämechnik, *Dachau*, 22–25; KZ-Gedenkstätte Dachau, Gedenkbuch, 9, 13; DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», лето 1934 г., 2–3; Там же, 3.286; C. Bastian, «22. März 1933», in *Mitteilungsblatt der Lagergemeinschaft Dachau*, April 1965; BArchB, R 2/28350, Chronik der SS-Lageranlage Dachau, March 1, indd.

Три дня Дахау, три разных мира. Всего лишь за 12 лет лагерь изменился до неузнаваемости. Менялись заключенные, охранники, условия пребывания – казалось, решительно все стало другим. Совершенно по-другому выглядела и территория лагеря – в конце 1930-х годов старые фабричные здания снесли, заменив их на сборно-щитовые бараки. Кто-либо из побывавших здесь весной 1933 года теперь не узнал бы ничего⁶. Итак, почему все-таки Дахау столь разительно переменялся с марта 1933 года? Почему он подвергался непрерывным изменениям вплоть до катастрофического завершения Второй мировой войны? Что это означало для его заключенных? Что было известно об этом лагере людям на воле? Ответы на эти и другие вопросы следует искать в сердце нацистской диктатуры, и расспрашивать нужно не только о Дахау, а о системе концентрационных лагерей в целом⁷.

Дахау был первым из многих концентрационных лагерей СС. Созданные в Германии в первые годы правления Гитлера, лагеря эти по мере захвата нацистами Европы с конца 1930-х распространялись и на Австрию, Польшу, Францию, Чехословакию, Нидерланды, Бельгию, Литву, Эстонию, Латвию⁸ и даже на британский островок Олдерни в водах пролива Ла-Манш. Всего СС за период существования Третьего рейха создали 27 крупных лагерей и свыше 1100 лагерей помельче, хотя число это колебалось: постоянно исчезали старые лагеря и появлялись новые; один только Дахау просуществовал все 12 лет правления нацистов⁹.

Концентрационные лагеря как никакое другое учреждение Третьего рейха воплотили в себе дух нацизма¹⁰. Они сформировали особую систему доминирования, со своей собственной организацией, правилами, штатом, и даже породили аббревиатуру – в официальных документах и в обиходной речи их нередко упоминали как «Ка-цет» (сокращение от нем. Konzentrationslager)¹¹. Управляемые главой СС Генрихом Гиммлером, главным подручным Гитлера, концлагеря стали отражением маниакальных идей нацистской верхушки, таких как создание унифицированного национального сообщества посредством исключения политических, социальных и расовых аутсайдеров, как принесение индивидуума в жертву на алтарь расовой гигиены и смертоносной науки, как использование принудительного труда во славу фатерланда, как установление власти над всей Европой, как избавление Германии от ее заклятых врагов путем массового их истребления и, наконец, как решимость погибнуть, но не сдаться. В течение долгого времени все эти навязчивые идеи и формировали систему концлагерей как систему геноцида. Примерно 2,3 миллиона мужчин, женщин и детей прошли через концентрационные лагеря СС в период с 1933 по 1945 год. Большинство из них (свыше 1,7 миллиона) погибли. Почти миллион евреев умертвили в одном только Освенциме, единственном из концлагерей, которому нацисты отвели главную роль в осуществлении того, что они называли «окончательным решением», – систематического истребления евреев Европы во время Второй мировой войны, ныне известного как холокост. С 1942 года, когда СС стали направлять туда евреев целыми составами со всех концов Европейского континента, концлагерь Освенцим стал единственным в своем роде сочетанием лагеря труда и лагеря смерти. Приблизительно

⁶ DaA, 9438, A. Hübsch, «Insel des Standrechts» (1961), 95.

⁷ О термине «порядок террора» см.: Sofsky, *Ordnung*. Работа Софски начинается с противопоставления Дахау образцу 1933 и 1945 гг.

⁸ Литва, Латвия и Эстония в 1940 г. после открытых демократических выборов были, по просьбе избранных народами этих стран высших органов власти, приняты в состав СССР на праве союзных республик.

⁹ Цифры основываются на OdT, vols. 2–8, то есть число лагерей согл. IKL и WVHA. Автор не включил особый лагерь СС Хинцерт, а также женский лагерь Моринген.

¹⁰ О первых обсуждениях вопроса о централизации концлагерей см.: Arendt, *Origins*, 438.

¹¹ Термин «концлагерь» («KL») оставался основным, принятым в СС сокращением для наименования концентрационных лагерей в Третьем рейхе. О менее официальных их названиях см.: *The Times*, January 24, 1935, NCC, doc. 277. Узники также использовали этот термин, сохранившийся в Германии и в послевоенные годы (Kamifiski, *Konzentrationslager*, 51; Kautsky, *Teufel*, 259; Kogon, *SS-Staat*, 1946, 4). В данной книге термин «концлагерь» означает эсэсовские лагеря, подчинявшиеся IKL (с 1934 г.) и WVHA (с 1942 г.); иногда автор использует и обобщающее понятие «лагеря».

200 тысяч евреев были отобраны сразу же по прибытии для рабского труда вместе с другими обычными заключенными. Остаток – приблизительно 870 тысяч евреев – мужчин, женщин и детей – нацисты сразу же направили на смерть в газовых камерах, даже не дав себе труда зарегистрировать их как заключенных лагеря¹². Несмотря на свою уникальную роль, Освенцим оставался концентрационным лагерем со всеми присущими такого рода учреждениям особенностями – в качестве примеров можно привести Эльрих, Кауферинг, Клоога, Редль-Ципф и многие другие, в том числе и ныне позабытые. Все они занимали особое место в Третьем рейхе, как средоточие террора, породившее и отточившее наиболее бесчеловечные формы нацистского правления.

¹² В 1945 г. в концлагерях насчитывалось 4500 заключенных (глава 11) плюс еще примерно 100 тысяч узников, отпущенных из концлагерей в период с 1933 по 1944 г. Цифры смертности см.: таблица 2, приложения; Piper, *Zahl*, 143, 167. Небольшое число прибывших в Освенцим евреев умерло до отравления в газовых камерах (глава 9). Краткое пояснение в отношении терминологии: СС подразделяли заключенных на категории в соответствии с характером совершенных ими (предположительно) преступлений. Упомянутые категории определяли всю массу заключенных, что отражено и в настоящей книге. Однако следует отметить, что многие заключенные рассматривали себя иначе. Например, часть заключенных-евреев не считали себя таковыми (по всяком случае, до ареста). Также принятое в СС обобщающее название «русский заключенный» (который автор предпочел заменить более широким термином «советский заключенный») нередко применялось без разбора национальности и к украинцам, и к русским, и к белорусам и даже к некоторым полякам.

Прецеденты и перспективы

В апреле 1941 года немецкие зрители стекались в кино, чтобы увидеть напичканный кинозвездами художественный фильм, якобы основанный на действительных событиях и широко распропагандированный нацистскими властями. Кульминационный момент фильма разыгрывался на необычном фоне – в концентрационном лагере. Никаких хеппи-эндов для голодавших и больных заключенных не предусматривалось, всем им суждено было стать невинными жертвами убийственного режима: неустрашимый пленник повешен, его жена расстреляна, а остальных замучили зловерные похитители, в финале – одни лишь могильные холмы. Жуткие сцены обнаруживали странное сходство с концентрационными лагерями СС того периода (был запланирован даже специальный показ фильма охранникам лагеря Освенцим). Но пресловутый фильм никак не был драмой на тему концлагерей СС. Сюжет его основывался на южноафриканской войне, а злодеями решили избрать британских империалистов. «Ом Крюгер» – так назывался фильм – составил важный элемент германской пропаганды во время войны с Великобританией, отразив сказанное несколькими месяцами ранее Адольфом Гитлером в одном из выступлений: «Концентрационные лагеря не были изобретены в Германии, – так заявил он. – Англичане их изобрели, чтобы сломать хребет народам других стран»¹³.

Знакомая песня. Гитлер никак не желал претендовать на пальму первенства в том, что касалось авторства этих узилищ, он решил признаться своим родным немцам, что, дескать, ничего подобного не изобретал, а просто все скопировал у проклятых англичан (но никак не их злодеяния)¹⁴. В первые годы национал-социализма все речи и статьи, как правило, возвращались все к тем же британским лагерям периода войны в Южной Африке (1899–1902), вызвавшей тогда бурю возмущения в Европе, а также указывали на то, что, мол, и сейчас повсюду концлагерей хватает, в том числе в таких странах, как, например, Австрия, где томятся активисты национал-социалистического движения. Главная задача упомянутой пропаганды – то, что лагеря СС не исключение, – никак не могла быть понята двояко, но глава СС Генрих Гиммлер все же решил разжевать ее еще раз во время речи по германскому радио в 1939 году. Дескать, концентрационные лагеря – «освященное веками учреждение» во всем мире, рассуждал он, добавив, что родная немецкая их версия куда гуманнее зарубежной¹⁵.

Подобные попытки убедить всех в том, что все, мол, относительно в этом мире, включая и лагеря СС, имели мало успеха, по крайней мере за пределами Германии. Однако в узколобой нацистской пропаганде присутствовала и капля правды. «Лагерь» как место содержания под стражей действительно был широко распространенной международной практикой. За десятилетия до того, как в Германии воцарились нацисты, лагеря как средство массовой изоляции политических противников – наряду с обычными тюрьмами – возникали в Европе, да и не только в Европе, как правило, в периоды войн и политических переворотов. Подобные лагеря процветали и после краха Третьего рейха, склоняя отдельных исследователей к рассмотрению всей новейшей истории как «эпохи лагерей»¹⁶.

Первый такой лагерь возник в период колониальных войн в конце XIX – начале XX столетия и был жестким ответом на партизанскую войну. Колониальные державы стремились победить местных повстанцев путем массовых интернирований гражданского населения в деревнях, городах или на специально отведенных участках территории – в лагерях. Такая практика

¹³ Цит. в Hitler speech, January 30, 1941, in Domarus, *Reden*, vol. 4, 1658. См. также: Welch, *Propaganda*, 229–235; Fox, *Film*, 171–184; Langbein, *Menschen*, 324; Evans, *Third Reich at War*, 145.

¹⁴ Hitler speech, January 30, 1940, in Domarus, *Reden*, vol. 3, 1459.

¹⁵ Цит. в Himmler speech on the Day of the German Police, January 29, 1939, NCC, doc. 274. Также см.: Moore, «What Concentration Camps».

¹⁶ Bauman, «Century». См. также: Kotek, Rigoulot, *Jahrhundert*; Wormser-Migot, *L'ère*.

широко использовалась испанцами на Кубе, Соединенными Штатами на Филиппинах и британцами в Южной Африке (оттуда и пошел термин «концентрационный лагерь», получивший столь широкое распространение). Полнейшее равнодушие к судьбам заключенных и ограниченность колониальных властей вызвали массовый голод, эпидемии и гибель тысяч людей в местах интернирования. Впрочем, вряд ли их с полным правом можно считать прототипами будущих лагерей СС, поскольку они сильно от них отличались и по функциям, и по внешнему виду, и по назначению¹⁷. То же самое относится и к лагерям в германской Юго-Западной Африке (ныне Намибия), управляемой колониальными властями с 1904 по 1908 год во время жесточайшей войны против местного населения. Многие тысячи людей из племен гереро и нама бросили в тюрьмы и в учреждения, иногда называемые концентрационными лагерями, и приблизительно половина из них, как говорят, погибла из-за пренебрежения и презрения к ним их германских церберов. Эти лагеря отличались от других колониальных лагерей, поскольку необходимость их диктовалась не столько военной стратегией, сколько стремлением наказать непокорных, обрекая их на принудительный труд. Но даже на статус весьма «грубой модели» для лагерей СС они никак не тянули, как нередко утверждают те, кто всерьез считает их прототипами Дахау или Освенцима; подобные попытки явно не имеют под собой почвы¹⁸.

Истинным началом эры лагерей можно считать Первую мировую войну, когда чисто колониальная лагерная модель благополучно перекочевала в Европу. В дополнение к лагерям военнопленных, где содержались миллионы солдат, многие воюющие государства, обуреваемые идеями всеобщей мобилизации, радикального национализма и социальной гигиены, открывают исправительно-трудовые лагеря, лагеря беженцев и гражданские лагеря интернирования. Такие лагеря легко было создавать и охранять благодаря недавним инновациям, таким как пулеметы, дешевая колючая проволока и передвижные сборно-щитовые бараки массового производства. В Центральной и Восточной Европе условия содержания узников были хуже некуда: систематический принудительный труд, разгул насилия, произвол администрации. В результате несколько сотен тысяч заключенных умерло. К концу Первой мировой войны Европа была перенасыщена лагерями, и память о них оставалась еще долгие годы после их упразднения. В 1927 году, например, немецкая парламентская комиссия все еще продолжала осуждать злоупотребления военного периода, выпавшие на долю немецких заключенных в «концентрационных лагерях» Франции и Великобритании¹⁹.

Большое число лагерей появились и в 1920-х и 1930-х годах XX века, они возникали по мере того, как часть европейских стран отказывалась от демократических принципов. Тоталитарные режимы, с их манихейским разделением мира на друзей и врагов, прочно удерживали пальму первенства по числу лагерей, используемых ими как средство изоляции и террора против потенциальных противников. Именно эти учреждения и послужили предтечей концлагерей, унаследовав от них некоторые, самые характерные особенности. Можно говорить даже о непосредственных связях. Лагерная система франкистской Испании, например, охватившая сотни тысяч заключенных, брошенных туда в ходе гражданской войны и по ее завершении, наверняка вдохновила нацистов на создание подобных институций и в самой Германии²⁰.

¹⁷ Smith and Stucki, «Colonial». См. также: Sutton, «Reconcentration».

¹⁸ О германских колониальных лагерях см.: Hull, *Destruction*, 70–90 (в них содержалось свыше 33 тысяч пленников-африканцев); Kreienbaum, «Vernichtungslager». В частности, см.: Madley, «Africa», цит. по 446. Также см.: Zimmerer, «War», 58–60; Kotek and Rigoulot, *Jahrhundert*, 32. Критика данного тезиса – см.: Wachsmann and Goeschel, «Before Auschwitz», 526–528. Более аргументированная критика происхождения эсэсовских лагерей от прежних, колониальных см.: Gerwarth and Malinowski, «Hannah Arendt's Ghosts».

¹⁹ Цит. в Bell, *Völkerrecht*, 723. From a German perspective, см.: Hinz, *Gefangen*; Stibbe, *Civilian Prisoners*; Jones, *Violence*. More generally, см.: Kramer, «Einleitung», 17–20, 29–30; Büggeln and Wildt, «Lager», 168–169.

²⁰ Overy, «Konzentrationslager». On Spain, см.: Rodrigo, «Exploitation», особенно с. 557. For a visit by Spanish police officials to Sachsenhausen in 1940, Ley and Morsch, *Medizin*, 390–391. For a visit by Himmler to Franco's camps in 1940, Preston, *Holocaust*, 494–495. О концентрационных лагерях в фашистской Италии см.: Guerrazzi, di Sante, «Geschichte».

Вероятно, самый близкий зарубежный сородич концентрационных лагерей СС находился в Советском Союзе при Сталине²¹. Используя накопленный за годы Первой мировой войны опыт, большевики использовали лагеря (иногда называемые «концентрационными лагерями») начиная с революции [1917 года]. К 1930-м годам они образовали гигантскую систему принудительной изоляции под названием ГУЛАГ, включавший трудовые лагеря, колонии, тюрьмы и так далее. В исправительно-трудовых лагерях одного только Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) на начало января 1941 года насчитывалось приблизительно 1,5 миллиона заключенных, во много раз больше, чем даже в эсэсовских концлагерях. Как и нацистские, так и советские концлагеря создавались на основе бредовых утопий создания идеального общества посредством устранения его врагов. Все лагеря эволюционировали по одной и той же схеме: от единичных мест содержания под стражей к необозримой сети централизованно управляемых лагерей, от арестов политически неблагонадежных до изъятия из общества других социальных и этнических аутсайдеров, от перевоспитания на раннем этапе существования лагерей до заведомо обрекавшего узников на гибель принудительного труда в дальнейшем²².

Возникновение советской системы и сталинских лагерей склонило часть исследователей предположить, что, дескать, нацисты вульгарно заимствовали систему концентрационных лагерей у Советов. Утверждение это вводит в заблуждение многих, причем оно далеко не ново, как и сами лагеря СС²³. Существует две специфических проблемы. Во-первых, системы сталинских и нацистских лагерей были в корне отличны друг от друга. Хотя смертность в советских лагерях первоначально была куда выше, чем в нацистских, последние по прошествии времени наверстали свое, превратившись в лагеря смерти и достигнув пика на примере Освенцима, не имевшего равных ни в СССР, ни где-либо еще. У заключенных лагерей НКВД вероятность выйти на свободу была все же выше, нежели умереть, тогда как для заключенных периода войны в концентрационные лагеря СС картина была диаметрально противоположной. В общей сложности приблизительно 90 % узников ГУЛАГа выжили; в концлагерях же число выживших было, вероятно, наполовину меньше. Согласно утверждениям философа Ханны Арендт, чье исследование тоталитаризма можно считать первой попыткой в этом направлении, советские лагеря служили чистилищем, нацистские – адом в чистом виде²⁴. Во-вторых, мало убедительных доказательств тому, что нацисты слепо копировали Советы. Безусловно, верхушка СС присматривалась к репрессиям Советов, к ГУЛАГу, особенно после немецкого вторжения летом 1941 года: нацистское руководство рассматривало возможность перенять кое-что от «концентрационных лагерей русских», как они выражались. Был даже разослан отчет об организации и условиях содержания в советских «концентрационных лагерях», адресованный их собственным комендантам концлагерей²⁵. Если говорить в общем, террор большевиков в Советском Союзе, как подтвержденный документально, так и принятый во внимание со слов очевидцев, служил в Третьем рейхе постоянным ориентиром, своего рода контрольной точкой. В Дахау служащие СС приказали в 1933 году своим первым эсэсовским охранникам действо-

²¹ Это отражено в книгах о концентрационных лагерях обеих систем; Todorov, *Facing-*, Kaminski, *Konzentrationslager*, Armanski, *Maschinen*.

²² Khlevniuk, *History*, figures on 328; Applebaum, *Gulag-*, Overy, «Konzentrationslager», 44–50; Kramer, «Einleitung», 22, 30; Wachsmann, «Comparisons». О так называемых особых поселениях см.: Werth, *Cannibal*.

²³ О появившейся одновременно версии см.: «Life in a Nazi Concentration Camp», *New York Times*, February 14, 1937. В 80-х гг. XX в. в Германии появилась провокационная версия историка Эрнста Нольте о том, что ГУЛАГ создал прецедент для будущего Освенцима, вызвавшая бурные так называемые исторические дискуссии; Nolte, «Vergangenheit»; Evans, *Hitler's Shadow*.

²⁴ Arendt, *Origins*, 445. О данных по погибшим и выжившим в лагерях НКВД см.: Khlevniuk, *History*, 308; Snyder, *Bloodlands*, xiii; Arch Getty et al., «Victims», 1041; Kramer, «Einleitung», 24. О других отличиях между лагерями СС и Советов см.: Wachsmann, «Comparisons».

²⁵ Цит. в Aly, «*Endlösung*», 274; Ereignismeldung UdSSR Nr. 59, August 21, 1941, Anlage I, «Das Verschickungs- und Verbannungswesen in der UdSSR», in Boberach, *Regimekritik*, doc. rkl204. См. также: the recollections of Rudolf Höss in Broszat, *Kommandant*, 209.

вать с той же жестокостью, как ЧК (Чрезвычайная комиссия) в СССР. Несколько лет спустя в Освенциме лагерные сатрапы СС окрестили один из самых страшных пыточных инструментов «сталинской вешалкой»²⁶.

Но в целом интерес к террору Советов и его влияние не следует переоценивать. Нацистский режим не был вдохновлен ГУЛАГом, и трудно предположить, что история концентрационных лагерей СС существенно отличалась бы, если бы сталинского ГУЛАГа вообще не существовало. Концлагеря были в основном изданием германским, в точности так же, как и ГУЛАГ был прежде всего продуктом правления Советов. Споры нет, между ними имелись кое-какие черты сходства, но различий было куда больше – у каждой из этих лагерных систем были своя собственная форма и функции, сформированные и определявшиеся чисто национальной спецификой, целями и прецедентами. Сравнительный анализ аналогичного международного опыта, разумеется, перспективен и полезен, однако лежит за пределами данной книги. Читателю предстоит столкнуться с историей концентрационных лагерей СС, хотя автор позволяет себе время от времени бросить взгляд туда, куда нацисты так и не дотянулись.

²⁶ StAMü, Staatsanwaltschaften Nr. 34479/1, Bl. 93–97: Lebenslauf H. Steinbrenner, n.d. (c. late 1940s), here 95; StANü, EE by G. Wiebeck, February 28, 1947, ND: NO-2331, цит. по 5.

История и память

«В будущем, как мне представляется, люди, услышав термин «концентрационный лагерь», подумают, что речь идет о гитлеровской Германии, и только о ней». Эти слова взяты из дневника Виктора Клемперера. Автор записал эту фразу осенью 1933 года, спустя всего несколько месяцев после того, как первые заключенные прибыли в Дахау, и задолго до того, как лагеря СС превратились в орудие массовых убийств²⁷. Клемперер, немец еврейского происхождения, преподаватель филологии в Дрездене, либерал по убеждениям, был одним из самых проникательных аналитиков нацистской диктатуры, и время подтвердило его предсказание. В наше время концлагерь действительно синонимичен «концентрационному лагерю». Более того, эти лагеря стали символом Третьего рейха в целом, заняв достойное место в истории мирового позора. Это словосочетание не утратило актуальности и в последние годы – мы слышим его в фильмах, художественных и документальных, мы читаем его в бестселлерах и комиксах, в мемуарах и академических монографиях, мы сталкиваемся с ним в компьютерных играх и в произведениях искусства – попробуйте забить в поисковик слово «Освенцим», и получите перечень в 7 миллионов источников²⁸.

Потребность в осознании того, чем были концентрационные лагеря, пробудилась уже давно. Они были в центре внимания в первые послевоенные годы, начиная с наступления сил союзников в апреле – мае 1945 года. Советская пресса уделила не так много внимания факту освобождения [Красной армией] Освенцима, случившегося несколькими месяцами ранее [27 января 1945 года], – именно поэтому лагерь смерти первоначально оставался не самой обсуждаемой из тем. Только освобождение Дахау, Бухенвальда и Берген-Бельзена западными союзниками обеспечило этим географическим названиям место на первых страницах почти всех печатных изданий Великобритании, Соединенных Штатов и других стран мира. В одном из выпусков новостей в апреле 1945 года австралийское радио назвало Германию «страной-концлагерем». Было множество радиопередач, выпусков кинохроники, журналов, газет, брошюр, выставок и речей на тему нацистских концлагерей. И хотя им явно недоставало исторической перспективы, все эти отзывы сумели передать масштаб злодеяний. В одном обзоре в мае 1945 года простые американцы узнали о том, что в концлагерях погибло около миллиона узников.

Разумеется, публикации в СМИ полной неожиданностью не были. Репортажи о творимых в концлагерях злодеяниях время от времени появлялись за границами рейха еще в первые годы нацистского режима. Их авторами были оказавшиеся в изгнании бывшие заключенные или же близкие погибших узников, да и солдаты союзных армий воочию убеждались в зверствах гитлеровцев в ходе войны. Но на самом деле все оказалось намного страшнее, чем можно было предположить. Будто в попытке восполнить явный недостаток воображения, командование сил союзников направляло журналистов, солдат и политиков осматривать освобожденные лагеря. И надо сказать, лагеря доказали абсолютную справедливость войны. «Дахау дает ответ на то, почему и за что мы сражались», – говорилось в листовке армии США в мае 1945 года, повторив слова генерала Эйзенхауэра. Кроме того, союзники использовали лагеря для того, чтобы в глазах мира сделать население Германии соучастником творимых нацистами преступлений, тем самым начав кампанию по перевоспитанию немцев, продолжавшуюся в первые месяцы после войны и усиленную первыми судебными процессами по делу эсэсовских военных преступников²⁹.

²⁷ Klemperer, LTI, 42.

²⁸ Цифры верны на июль 2014 г.

²⁹ К данному и предыдущему параграфу см.: Zelizer, *Remembering*, в частности 63–154; Reilly, *Belsen*, 29–33, 55–66; Abzug, *Inside*, 30, 129–140; Frei, «Wir waren blind»; Gallup, *Gallup Poll*, 472, 504 (цифра в 1 миллион погибших – усредненная); Chamberlin, «Todesmühlen». См. также об освобождении Освенцима: Weckel, *Bilder*, 45–47; Brink, *Ikonen*, 25. Цит. в О. White,

В то же время сами оставшиеся в живых узники способствовали привлечению внимания общественности к концентрационным лагерям. Они не утратили дар речи от пережитого, как часто утверждают³⁰. Напротив, после освобождения зазвучал многоголосый хор обвинений. Узники считали, что вынесенное ими дает им полное право выступить свидетелями. Некоторые из них даже тайно вели дневники. Один из таких, немец, политический заключенный Эдгар Купфер, был, вероятно, самым прилежным летописцем Дахау. Воспользовавшись уединением (Купфер занимался в лагере конторской работой), он тайно, начиная с последних месяцев 1942 года, написал свыше 1800 страниц. Еще до ареста в 1940 году за критические высказывания в адрес нацистского режима не пожелавший стать безмолвным приспособленцем Купфер, в свое время работавший гидом, и книгу свою представил в виде продолжительной экскурсии по Дахау. Он понимал, что эсэсовцы тут же прикончат его, стоит им обнаружить его дневник, но ему удалось выжить в концлагере. Дождавшись освобождения и кое-как оправившись от пережитого, летом 1945 года он перепечатал рукопись на машинке, подготовив ее к публикации³¹.

Освобожденным узникам лагерей – мужчинам, женщинам, детям – не терпелось поведать об ужасах пережитого, когда стало возможным открыто рассказать о них. Даже направленные союзниками в госпитали больные, страдавшие от истощения люди, хватая за рукав медсестер, отчаянно пытались привлечь внимание к себе и мукам лагерей. Бывшие узники быстро сплотились. Им необходимо было сотрудничать, чтобы взбудоражить «мировое общественное мнение», как сказал бывший узник своим оставшимся в живых товарищам в Маутхаузене 7 мая 1945 года. Уже считанные дни спустя после освобождения уцелевшие узники готовили совместные отчеты³². Число их достигло тысяч вскоре после того, как освобожденные покинули лагерь. Оставшиеся в живых узники-евреи, например, свидетельствовали под присягой перед членами комиссий историков, а несколько лет спустя, в 1947 году, в Париже открылась первая международная конференция жертв холокоста, в работе которой приняли участие делегаты из 13 стран. Оккупационные власти, правительства государств и неправительственные организации всячески содействовали сбору сведений о концентрационных лагерях ради того, чтобы преступники понесли заслуженное наказание, а память об эсэсовских концлагерях сохранилась навечно³³. Часть отчетов и воспоминаний позже появились в журналах и брошюрах³⁴. Бывшие узники писали и книги воспоминаний. Среди них был и молодой еврей из Италии Примо Леви, около года пробывший в Освенциме. «Каждый из нас, оставшихся в живых, – позже вспоминал он, – сразу после возвращения домой преобразился в неустанный рассказчика, властного и маниакального». Леви с головой ушел в работу и в результате несколько месяцев спустя закончил свою книгу «Если это – Человек». Она вышла в свет в Италии в 1947 году³⁵.

В первые послевоенные годы Европу и другие страны захлестнула волна мемуаров. Это были в основном описания чудовищных мук отдельных выживших узников³⁶. Некоторые быв-

«Invaders rip veil from Nazi horrors», *Courier-Mail* (Brisbane), April 18, 1945; Там же, *Conqueror's Road*, 188–91; «Dachau Gives Answer to Why We Fought», *45th Division News*, May 11, 1945. Заметные ранние работы, авторы которых бывшие узники – Beimler, *Mörderlager*; Seger, *Oranienburg*; Langhoff, *Moorsoldaten*. Книги, написанные родственниками узников, – Mühsam, *Leidensweg*; Litten, *Mutter*. Автор частично опирался на книгу Wachsmann and Caplan, «Introduction», 2–6.

³⁰ О критике данных тезисов см.: Cesarani and Sundquist, *After the Holocaust*.

³¹ Купфер пользовался псевдонимом Kupfer-Koberwitz. О его жизни см.: B. Distel, «Vorwort», in Kupfer-Koberwitz, *Tagebücher*, 7–15; Там же, 19–30. О причинах ареста Купфера см. также: StAL, EL 350 I/Bü 8033, Fragebogen Wiedergutmachung, October 16, 1949; Там же, Erklärung A. Karg, May 23, 1950.

³² Цит. в Perz, *KZ-Gedenkstätte*, 37. См. также: Niethammer, *Antifaschismus*, 198–206; Shephard, *Daybreak*, 92.

³³ Jockusch, Collect, 3–10, 165–185. См. также: Cesarani, «Challenging», 16–18.

³⁴ См. например: KPD Leipzig, *Buchenwald!*; Grossmann, *Jews*, 197.

³⁵ P. Levi, «Note to the Theatre Version of *If This Is a Man*», 1966, in Belpoliti, *Levi*, 24. См. также: Там же, If, 381; Там же, *Drowned*, 138; Sodi, «Memory». Еще весной 1945 г. Леви вместе с еще одним выжившим узником Левианом де Бендетти написал краткий отчет о состоянии медицинского обслуживания в Освенциме – см.: Levi and de Benedetti, *Auschwitz*.

³⁶ О некоторых цифрах см.: Taft, *Victim*, 130–132. Краткая подборка отчетов самых первых из освобожденных узников – Nyiszli, *Auschwitz* (впервые опубликовано в Румынии в 1946 г.); Nansen, *Day* (впервые опубликовано в Норвегии в 1947 г.);

шие заключенные размышляли и над более широкими темами, занимаясь серьезными ранними исследованиями лагерной системы и опытом выживания обитателей лагерей, рассматривая их с социологической или психологической точки зрения³⁷. Другие представили на суд читателей исторические зарисовки тех или иных лагерей или же выплеснули свою боль в стихах или прозе³⁸. Большинство этих ранних работ, включая и воспоминания Примо Леви, канули в забвение, вызвав лишь умеренный интерес, но были и книги, воистину будоражившие людей. Воплощенная в строках память самых известных авторов публиковалась в нескольких странах Европы. И среди руин Германии также печатались дешевые издания в мягких обложках и брошюры, часть воспоминаний удостоилась и газетных публикаций с продолжениями. Самое видное место заняло общее исследование системы концлагерей (с Бухенвальдом в центре), составленное бывшим политическим узником Ойгеном Когоном, который и определил форму подобных работ на годы вперед. Первое вышедшее в 1946 году на немецком языке издание уже год спустя достигло тиража 135 тысяч экземпляров, а вскоре было переведено на несколько языков. Надо сказать, что переводилась на другие языки не только работа Когона, но и многих других оставшихся в живых авторов³⁹.

К концу 1940-х, однако, когда речь зашла о публикации книги Когона в Америке, его издатель Роджер Строс, страстный поклонник книги, был неприятно удивлен «апатией со стороны общественности к чтению произведений данной тематики»⁴⁰. Первоначальный интерес читателей к теме концлагерей – вспыхнувший после освобождения Европы от нацистов и какое-то время не угасавший – к концу десятилетия явно шел на убыль, причем по обоим берегам Атлантики. Отчасти это объяснялось перенасыщением книжного рынка книгами на подобные темы, причем по разным критериям явно уступавшими самым первым мемуарам. Если же судить более широко, память о лагерях постепенно отступала на задний план в ходе послевоенного восстановления и смены дипломатических приоритетов. В связи с прошедшим через Германию водоразделом холодной войны и созданием двух новых и противостоящих друг другу германских государств, стратегических союзников СССР и США соответственно, все разговоры о преступлениях нацистов казались не совсем разумными. «В наше время рассуждать на тему концлагерей – дурной тон, – писал Примо Леви в 1955 году, добавив: – Преобладает умолчание». За первое послевоенное десятилетие сформировалось иное отношение к данной теме – и дело было не в том, что вернувшиеся из ада не могли о нем поведать, а в том, что остальные, в этом аду не побывавшие, просто не желали ничего о нем знать. Бывшие узники все еще пытались расшевелить людей, взывая к памяти о лагерях. «Если мы замолчим, кто тогда об этом расскажет?» – возмущался Леви. Другим оставшимся в живых узником, кто упорно продолжал заниматься темой концентрационных лагерей, в упор не замечая растущего безразличия, был Эдгар Купфер. Он все же дождался публикации своей книги о Дахау в 1956 году в Германии, хотя и в значительно урезанном виде. Несмотря на весьма доброжелательные отзывы, в целом книга не произвела впечатления, и никто из иностранных издателей не

Szmaglewska, *Smoke* (впервые опубликовано в Польше в 1945 г.); Burney, *Dungeon*; Millok, *A kinok*. Первые отчеты узников-немцев см.: Peitsch, «Deutschlands».

³⁷ Kautsky, *Teufel*; Frankl, *Psycholog*.

³⁸ По-видимому, первое описание концентрационного лагеря – см.: Kraus, Kulka, *Tovarna*; об этом пионере в деле изучения концлагеря Освенцим см.: Van Pelt, Case, 219–223. О стихах см.: Borowski, *This Way* (включая рассказы, опубликованные в 1946–1948 гг.); KaTzetnik, *Sunrise* (впервые опубликовано в 1946 г.); Wiechert, *Totenwald*.

³⁹ Kogon, *SS-Staat* (1946); Wachsmann, «Introduction», in Kogon, *Theory*, xvii. Среди брошюр был и сборник свидетельств бывших узников Бухенвальда, опубликованный в 1945 г. тиражом 200 тысяч экземпляров; KPD Leipzig, *Buchenwald!*. Также см.: Peitsch, «Deutschlands», 101–102, 139, 204. Из широко известных воспоминаний бывших узников см.: Cesarani, «Challenging», 20–22.

⁴⁰ NYPL, Collection Farrar, Straus & Giroux Inc. Records, Box 191, R. Straus, Jr., to R. Gutman, June 21, 1948.

решился выпустить ее в свет «из опасений, что никто ее не станет покупать», горестно заключил автор⁴¹.

Новый всплеск интереса к концентрационным лагерям наблюдался в 60–70-х годах минувшего столетия. Нашумевшие процессы над нацистскими преступниками, такие как, например, суд на Адольфом Эйхманом в Израиле в 1961 году, бывшим высокопоставленным эсэсовцем, отвечавшим за отправку евреев в Освенцим, а также вышедший в США в 1978 году многосерийный телефильм «Холокост», уже год спустя ставший доступным и широкой телеаудитории Западной Германии, – все это сыграло важную роль в ознакомлении общественности с нацистским режимом и его лагерями. Люди стали заново открывать для себя воспоминания бывших узников и конечно же не обошли вниманием и выдающуюся книгу Примо Леви об Освенциме, уже давно вошедшую в канон современной литературы. Выходили в свет и новые воспоминания до тех пор неизвестных авторов. Впервые полностью были опубликованы и дневники Дахау, хотя это произошло только в 1997 году. Прилив пошел на спад лишь теперь, поскольку последние свидетели скончались⁴². Оставшихся в живых узники в своих исследованиях продолжали рассматривать и некоторые лагеря в отдельности⁴³. И в точности так же, как и в первые послевоенные годы, бывшие узники вышли за рамки чисто исторических исследований, представив на суд общественности огромный массив медицинских, социологических, психологических и философских исследований, а также литературных размышлений и произведений искусства⁴⁴.

Однако широкое академическое сообщество явно не торопилось вплотную заняться исследованием тематики концлагерей. В конце 40-х – начале 50-х годов вышло в свет несколько исследований специалистов-историков, в частности касавшихся медицинских аспектов пребывания в концентрационных лагерях⁴⁵. Лишь в 1960–1970-х годах ряд историков посвятили созданные ими и основанные на архивных документах работы отдельным нацистским лагерям и системе лагерей в целом. Самыми заметными из них были работы двух молодых немецких ученых: новаторский обзор Мартина Брошата о развитии системы лагерей и весьма серьезное исследование Фалька Пингеля на тему условий пребывания и жизни узников⁴⁶. Упомянутые исторические исследования дополнялись и работами ученых других дисциплин, рассматривавших такие темы, как ум преступника и опыт выживания⁴⁷.

Несмотря на неизбежные недостатки, эти ранние исследования внесли существенный вклад в сумму знаний о концентрационных лагерях СС. Но они так и остались исключениями и очерчивали лишь контуры проблем. По мнению самого Брошата, написать всестороннюю историю лагерей было просто невозможно вследствие нехватки или вовсе отсутствия детальных

⁴¹ Цит. в P. Levi, «Deportees. Anniversary», Torino XXXI (April 1955), in Belpoliti, *Levi*, 3–5; DaA, Nr. 27376, E. Kupfer to K. Halle, September 1, 1960. Воспоминания узников, опубликованные в 50-е гг., включают в себя Cohen, *Human*; Michelet, *Rue*; Kupfer-Koberwitz, *Als Häftling*; Antelme, *L'espece*. См. также: *Auschwitz Journal (Przegląd Lekarski-Oświęcim)*. О падении интереса к данной теме см., например: DaA, Nr. 9438, A. Hübsch, «Insel des Standrechts» (1961), 207. О политической обстановке того периода Cesarani, «Introduction», 1, 5; Там же, «Challenging», 28–30; Diner, *Remember*, 365–390.

⁴² Kupfer-Koberwitz, *Tagebücher*. О второй волне мемуаристики см.: Waxman, *Writing*, 116; Cesarani, «Introduction», 10; Hartwig, «Wolf», 941. О том, как был воспринят холокост в Германии, см.: Hickethier, «Histotainment», 307–308.

⁴³ Schnabel, *Macht*; NMGB, *Buchenwald* (впервые опубликовано в 1959 г.); Marüälek, *Mauthausen* (впервые опубликовано в 1974 г.); Zámečník, *Dachau*. См. также: the influential Langbein, *Menschen* (впервые опубликовано в 1972 г.); Naujoks, *Leben*.

⁴⁴ См.: Reiter, «Dunkelheit».

⁴⁵ См., например: Mitscherlich and Mielke, *Diktat*; Helweg-Larsen et al., *Famine*. Ранние публикации в *The Lancet* и в *the British Medical Journal*, см.: Cesarani, «Challenging», 24. См. также: the study of the New School for Social Research, abandoned in 1951; Goldstein et al., *Individuelles*, 10–11.

⁴⁶ Broszat, «Konzentrationslager»; Pingel, *Häftlinge*. В других ранних работах содержатся в хронологическом порядке Kühnrich, *KZ-Staat* (впервые опубликовано в 1960 г.); Kolb, *Bergen-Belsen*; Billig, *L'Holocauste*; Wormser-Migot, *Le Systeme*; Broszat, *Studien*; Feig, *Death Camps*.

⁴⁷ См., например: Dicks, *Licensed*; des Pres, *Survivor*.

исследований⁴⁸. Как это ни парадоксально, такая лакуна возникла, и возникла она, по крайней мере отчасти, вследствие не основанной на конкретных фактах веры в то, что и изучать-то было особенно нечего. Увы, но идея эта имеет много сторонников даже из когорты некоторых считающихся серьезными и проницательными исследователей, на деле доказавших это, правда в изучении других аспектов, к концлагерям отношения не имеющих⁴⁹. По сути дела, ученые лишь приближались к раскрытию темы концентрационных лагерей.

В 80–90-х годах XX столетия историческое знание продвигалось быстрыми темпами, и прежде всего в самой Германии. В контексте повышения интереса к истории среди самых широких слоев населения местные активисты скрупулезно анализировали факты наличия концентрационных лагерей в годы нацизма и войны непосредственно в районах их проживания, в то время как воспоминания узников лагерей постепенно перемещались в сферу наук. Открытие доступа к архивам в странах Восточной Европы после окончания холодной войны послужило дополнительным мощным импульсом для исследований. Между тем молодое поколение ученых, не обремененных прошлым, рассматривало Третий рейх исключительно как предмет исследования, считая освоение темы лагерей интереснейшей областью историографии. В результате появились такие работы, как книга Карин Орт, избравшей темой изучения организацию концлагерей и их структуру⁵⁰. И после долгих лет умолчания ныне исследование концентрационных лагерей СС переживает настоящий бум, по крайней мере в Германии (некоторые из работ были переведены на другие языки)⁵¹.

И упомянутый бум не обнаруживает признаков спада, напротив, исторические исследования быстро завоевывают неопитов. Открываются новые перспективы видения, поскольку мы больше узнаем и об отдельных преступниках, и о группах узников лагерей, и о формировании системы СС, и о ее крахе, о местности, непосредственно примыкавшей к концентрационным лагерям, о политике истребления и принудительном труде. Если все заметные академические исследования о концлагерях, изданные до конца 70-х годов прошлого века, умещаются на одной-единственной книжной полке, то теперь это уже целая библиотека изданных с тех пор работ⁵².

Кульминационным пунктом научных исследований последних лет стало появление двух огромных энциклопедий – свыше 1600 и 4100 страниц соответственно, – суммировавших развитие каждого главного концлагеря и его и спутников; статьи подготовлены коллективом ученых – свыше 150 историков со всего мира⁵³. Эти две, без преувеличения, уникальные работы демонстрируют многочисленность группы ученых, занятых разработкой данной темы, но также устанавливают и ее пределы. Что самое важное, большое число исследований на узкие темы в значительной степени фрагментировало общую картину концентрационных лагерей СС. Там, где когда-то было невозможно усмотреть систему лагеря в целом вследствие отсутствия множества важных составляющих, теперь почти невозможно уяснить закономерность того, как все-таки эти столь разнородные составляющие сочетались. И попытка вникнуть в какое-то отдельно взятое исследование последних лет уподобляется процессу сбора единой картины из огромного количества отдельных элементов, причем число новых, дополнительных элементов непрерывно растет. И неудивительно, что выводы, сделанные новоиспеченными исследователями конц лагерей, отнюдь не всегда доступны для широкой публики.

⁴⁸ Broszat, «Einleitung».

⁴⁹ P. Levi, «Preface to L. Poliakov's *Auschwitz*», 1968, in Belpoliti, *Levi*, 27–29; Milward, «Review».

⁵⁰ Orth, *System*. Обзор состояния исследований в 1990-х гг. см.: Herbert et al., *Konzentrationslager*.

⁵¹ Библиография работ на немецком языке (с 1945 по 2000 г.) включает в себя свыше 6 тысяч позиций, большинство перечисленных работ опубликованы после 1980 г.; Warneke, *Konzentrationslager*.

⁵² По последней теме см.: Wachsmann, «Review». Об оценке последних академических работ см. там же «Looking».

⁵³ Megargee, *Encyclopedia*, vol. I; OdT, vols. 2–8.

В результате общепринятое представление о нацистских концентрационных лагерях было и остается скорее одномерным. Вместо того чтобы предложить нам взглянуть в хитроумное переплетение деталей и в тончайшие оттенки, историк-исследователь вывешивает перед нами огромное полотно, изобилующее грубыми мазками и отличающееся пронзительной яркостью колорита. По выражению историка Петера Райхеля, в изображении холокоста и «мемориала глобальных масштабов» под названием Освенцим превалируют прежде всего самые расхожие концепции⁵⁴. Так было не всегда. В первые послевоенные десятилетия геноцид евреев рассматривался как часть общего геноцида, творимого нацистами, и Освенциму отводилась роль символа мученичества отнюдь не только евреев. Осознание особой специфики и чудовищности развязанной нацистами войны против евреев с тех пор претерпело изменения, в связи с чем Третий рейх теперь рассматривается главным образом через призму холокоста⁵⁵. И в свою очередь, концентрационные лагеря СС приобрели собирательное понятие – Освенцим и умерщвленные там евреи, затенившее собой другие лагеря и других узников – не евреев. Проведенный в Германии социологический опрос показал, что именно Освенцим, безусловно, самый известный среди всех концлагерей и что подавляющее большинство опрошенных связывает лагеря с преследованием евреев и куда меньшее их число (менее 10 %) назвали среди жертв коммунистов, уголовных преступников или гомосексуалистов⁵⁶. Таким образом, можно сделать вывод о том, большинство населения воспринимает концентрационные лагеря, Освенцим и холокост как единое целое.

Но Освенцим никогда не был неким собирательным понятием нацистских концентрационных лагерей. Бесспорен факт, что, будучи самым крупным лагерем, где погибло больше всего людей, он занимал и занимает особое место в концлагерной системе. Но система эта включала отнюдь не только Освенцим. Освенцим был лишь частью широкой сети концлагерей, до его появления уже существовали десятки других. Дахау, например, начал функционировать на семь лет раньше и в немаловажной степени повлиял на него. Кроме того, несмотря на то что Освенцим был самым крупным из концентрационных лагерей, большинство узников остальных – имеются в виду те, кого помещали в бараки и обрекали на рабский труд, – содержались в других лагерях, и даже на самый крупный лагерь Освенцим приходится не более трети всех узников остальных лагерей. Значительное большинство их погибло в других местах, а число их составляло приблизительно три четверти от всех официально зарегистрированных и погибших во всех остальных концлагерях узников. Поэтому важно и развеять укоренившиеся в сознании мифы относительно Освенцима и одновременно с этим никогда не забывать о его уникальной роли в нацистском геноциде⁵⁷.

Концентрационные лагеря не есть синоним холокоста, хотя их истории тесно переплетаются. Во-первых, террор против евреев бушевал в основном за ограждениями концлагерей. Лишь в последний год Второй мировой войны большинство еще остававшихся в живых евреев находились в концентрационных лагерях. Значительное большинство из 6 миллионов евреев⁵⁸, зверски умерщвленных нацистским режимом, погибло в других местах – их расстреливали в рвах в Восточной Европе, травили газом в специально приспособленных для этих целей концлагерях, таких как Треblinka, занимавшая особое место в системе концлагерей. Во-вторых, концентрационные лагеря всегда ориентировались на содержание какой-то определенной группы узников, и за исключением нескольких недель в конце 1938 года евреи не

⁵⁴ Цит. в Reichel, «Auschwitz», 331.

⁵⁵ Причины возрастания интереса к воспоминаниям о холокосте рассматриваются во многих работах, зачастую с весьма противоречивых точек зрения. О США см.: Novick, *Holocaust*.

⁵⁶ Silbermann and Staffers, *Auschwitz*, 205, 211, 213–214.

⁵⁷ Цифры – см. главу 7, также приложение (таблица 2); Piper, *Zahl*, 167. О термине «демистифицировать» см.: Mazower, «Foucault», 30.

⁵⁸ Сразу после войны и в 1950-х годах в источниках фигурировали гораздо меньшие цифры.

составляли большинства среди зарегистрированных заключенных. Фактически они составляли относительно небольшой процент среди узников Третьего рейха, и даже после резкого увеличения их числа во второй половине войны евреи не составляли более 30 % от всех лиц, содержащихся в концентрационных лагерях. В-третьих, концентрационные лагеря занимались не только массовым истреблением. Их цели отличались многообразием, порой они накладывались друг на друга. В предвоенные годы СС использовали их в качестве учебных лагерей новобранцев, исправительных учреждений для несовершеннолетних, пыточных, казарм для содержания посланных на принудительные работы. С началом войны диапазон исполняемых ими функций расширился, они превратились в центры производства различных видов вооружений, а также поставщиков подопытного материала для медицинских экспериментов над людьми. Лицо лагерей определял их многогранный характер, а этот решающий аспект, как правило, отсутствует в большинстве воспоминаний рядовых узников⁵⁹.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки философского осмысления концентрационных лагерей зачастую изображали их весьма упрощенно. Сразу же после краха нацистского режима знаменитые мыслители бросились на поиски потаенных истин, наделяя лагеря глубинным смыслом. И делалось это либо ради обоснования собственных моральных, политических или религиозных верований, либо в попытках усмотреть и осознать нечто существенное для человеческой натуры⁶⁰. Подобные искания вполне объяснимы, ибо ужасы концлагерей несовместимы с понятием цивилизованности. «Любая философия, основывающаяся на концепции врожденного совершенства человека, терпит фиаско, стоит только напомнить о концентрационных лагерях» – именно так высказывался французский писатель Франсуа Мориак в конце 1950-х годов. Некоторые писатели были склонны приписывать лагерям едва ли не мистические черты. Находились и другие, способные на куда более приземленные выводы и объявившие концентрационные лагеря продуктом исключительно немецкого склада ума и характера или же представившие их как некую сумрачную сторону периода становления современного общества⁶¹. Наиболее сильное влияние оказал социолог Вольфганг Софски, представивший концентрационный лагерь как проявление «неограниченной власти» вне рациональности или идеологии⁶². Однако и для его исследований характерна та же ограниченность, с которой мы сталкиваемся у всех тех, кто склонен к разного рода обобщающим утверждениям относительно лагерей. В своих поисках универсальных ответов Софски превращает лагеря в некие вневременные и абстрагированные объекты. Архетип лагеря, по Софски, – внеисторический конструкт, затеняющий главную особенность системы концлагерей – ее динамический характер⁶³.

Все это приводит к удивительному заключению. Свыше 80 лет успело минуть с тех пор, как распахнул ворота Дахау, но и поныне так и не существует единой, всеобъемлющей оценки понятия «концлагерь». Несмотря на колоссальное количество литературы – книг выживших узников, трудов ученых-историков, и не только историков и т. д., – не существует всеобъемлющей истории, которая четко и ясно представила бы поэтапное развитие концентрационных лагерей и происходившие в них изменения. Если что и необходимо в первую очередь, так это исследование, которое, зафиксировав всю сложность лагерей как единого целого, без разбиения на фрагменты, но и в то же время безо всяких попыток упрощения, поместило бы их в

⁵⁹ Цифры – см. главы 6, 9, 11; Friedländer, *Jahre*, 692; Piper, *Zahl*, 167.

⁶⁰ Об этом см. также: Langer, *Preempting*.

⁶¹ Цит. в Mauriac, «Preface», х. Аргументация в пользу того, что самые бесчеловечные преступления в концентрационных лагерях совершались вследствие особого склада ума немцев, присутствует в работе Goldhagen, *Executioners*. О лагерях и современности см.: Bauman, «Century»; Kotek and Rigoulot, *Jahrhundert*.

⁶² Sofsky, *Ordnung*.

⁶³ О первых критических оценках статичного подхода Софски см.: Weisbrod, «Entwicklung», 349; Tucheit, «Dimensionen», 373 (п. 12). Разумеется, социологи, начиная с Макса Вебера, признали тот факт, что «идеальные типы» практически не встречаются в действительности; Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*, in Directmedia, *Max Weber*, 1431.

более широкий политический и культурный контекст. Но как написать такую историю концлагерей?

Подходы

Чтобы отвлечься от настоящего, заключенные часто говорили о будущем, и в течение нескольких дней в 1944 году в небольшой группе еврейских женщин, депортированных из Венгрии в Освенцим, оживленно обсуждался фундаментальный вопрос: если они все-таки выживут, то как поведать о постигшем их остальным? Есть ли на свете способ, который позволит им донести до других то, что означал Освенцим? Возможно, с помощью музыки? Или выступлений, книг, произведений искусства? Или, может быть, это будет кинофильм о том, как узников ведут в крематорий, а зрителей перед тем, как пустить их в зал, заставить постоять на морозе голодными, раздетыми, изнемогающими от жажды, то есть заставить их испытать то, что испытывали они на лагерном плацу во время переклички? Но даже это, считали женщины, не гарантирует понимания того, чем была их жизнь здесь⁶⁴. Узники других концентрационных лагерей тоже думали так же. Те заключенные, кто тайно вел дневники, например, нередко мучились над невозможностью передать словами испытываемые ими муки. «Язык здесь заканчивается, – писал норвежец Одд Нансен 12 февраля 1945 года. – Просто нет слов, чтобы описать ужасы, свидетелем которых я стал». И все же Нансен продолжал писать почти ежедневно⁶⁵. И дилемма – внутренняя потребность описывать неопишуемое – еще сильнее мучила после освобождения, поскольку еще многие из оставшихся в живых из всех сил пытались описать преступления, которые, казалось, пересиливали язык и ни во что не ставили разум⁶⁶.

Вопрос, как воссоздать прошлое, очевидно, центральный для историков. Написание истории всегда чревато проблемами, а если речь заходит о терроре нацистов, тут приходится сталкиваться с нагромождением проблем. Стоит загодя сказать, что никакой исторический метод не может рассчитывать на полный охват ужаса лагерей. Если судить более широко, трудно подобрать адекватный язык, что шокировало и ученых, и тех, кто пытался воссоздать хронику лагерных событий, ничуть не меньше, чем переживших ад узников. «Я рассказал о том, что увидел и услышал, но не все, – передал диктор радиостанции CBS Эдвард Р. Мерроу в завершение своего знаменитого радиорепорта из Бухенвальда 15 апреля 1945 года. – Большую часть просто не выразить словами»⁶⁷. И все же мы обязаны хотя бы попытаться. Если будут хранить молчание, то большая часть истории лагерей очень скоро окажется в руках всякого рода оригиналов, фантазеров, дилетантов и ничтожеств⁶⁸.

Самый эффективный способ исчерпывающего описания концлагерей – это всеобъемлющий исторический подход, предложенный Солом Фридлендером для того, чтобы соединить «политику преступников, отношение окружающего общества и мир жертв». В случае с концлагерями это означает историю, исследующую их изнутри, а более широкие слои населения вовне; историю, объединяющую макроанализ нацистского террора с микроисследованиями отдельных действий и реакции на них; история, показывающая синхронность событий и запутанность системы СС на контрастах событий между ними и внутри их, отдельные лагеря на всей территории оккупированной нацистами Европы⁶⁹. Переплетаясь друг с другом, эти отдельные нити и составляют собственно историю, детальную и всеобъемлющую, которая, впрочем, обре-

⁶⁴ Rőzsa, «Solange», 297–299. Rőzsa edited her diaries, and added to them, prior to their publication in 1971 in Bucharest.

⁶⁵ Nansen, *Day*, 545. См. также: Mess, «Sonnenschein», 56.

⁶⁶ BoA, testimony H. Frydman, August 7, 1946; Wagner, *Produktion*, 453; Nyiszli, *Auschwitz*, 66; Segev, *Million*, 158.

⁶⁷ Transcript in Chamberlin and Feldman, *Liberation*, 42–45, здесь 44. См. также: Frei and Kantsteiner, *Holocaust*, 201.

⁶⁸ Скептицизм отдельных бывших узников относительно способности историков объективно представить условия концентрационного лагеря отчасти объясняется их убежденностью в том, что лишь сами узники в состоянии объяснить, что такое концентрационный лагерь; Waxman, *Writing*, 176–79; Cargas, «Interview», 5; Debski, *Battlefield*, 62.

⁶⁹ Friedländer, «Eine integrierte Geschichte»; Там же, *Nazi Germany*, 1–2, цит. по Frei and Kantsteiner, *Holocaust*, 82.

чена на неисчерпаемость и истину в последней инстанции. Какой бы всеобъемлющей она ни была, она так и останется *историей*, но никак не *историей концлагерей*.

Преследуя цель создания этой интегрированной истории, данная книга рассматривает концентрационные лагеря СС в двух ракурсах, сливающихся в единую картину. Сначала в фокус попадают, нередко взятые крупным планом, жизнь и смерть в лагерях, затем изучение условий лагерного микрокосма – условия проживания и выживания, принудительного труда, система наказаний и, кроме того, эволюция лагерей в течение длительного времени. Абстрагирования ради большая часть этой истории будет представлена глазами тех, кто ее делал: тех, кто управлял лагерями, и теми, кто в них томился⁷⁰.

В концентрационных лагерях СС в разное время служило несколько десятков тысяч мужчин и женщин, возможно, 60 тысяч, возможно, больше⁷¹. Обычно охранников представляют, как правило, законченными садистами, образ этот проходит почти через все мемуары бывших узников концлагерей. Всех их награждают соответствующими эпитетами – «зверь», «костолом», «ищейка»⁷². Часть охранников вполне соответствует данным характеристикам, но данная книга, следуя примеру одного из недавних исследований нацистских преступников, рисует более комплексные портреты⁷³. Фон и поведение штатных служащих СС весьма разнятся, и различие в их поведении менялось в течение всего периода существования Третьего рейха. Не все охранники допускали акты жестокости, и лишь считанные из них могли считаться психологически неуравновешенными. Как давным-давно признал Примо Леви, преступники тоже были человеческими существами: «Да, монстры существуют, но их слишком мало, чтобы на самом деле представлять опасность. Обычные люди куда опаснее»⁷⁴. Но насколько «обычны» были охранники?

Какова была цель творимых ими актов насилия? Что привело некоторых к крайней жестокости? Что останавливало других? Отмечалось ли поведение женщин-охранниц от такого их коллег мужчин?

Так как в природе не существует типичного преступника, так нет и типичных заключенных. Безусловно, террор СС пытался лишить узников индивидуальности. Но, невзирая на унифицированную лагерную одежду, каждый заключенный переживал лагерную жизнь по-своему; страдания носили всеобщий характер, но страдали все по-разному⁷⁵. Жизнь заключенных определялась многими переменными величинами, многое зависело от того, когда и где они находились (хотя даже узники, содержащиеся в одном и том же барачном секторе, зачастую отличались друг от друга настолько сильно, что могло показаться, что они из совершенно разных мест)⁷⁶. Другим решающим фактором был статус того или иного заключенного. Так называемые капо, обладавшие определенными полномочиями по поддержке лагерных порядков, приняв на себя часть делегированных эсэсовцами официальных функций, пользовались осо-

⁷⁰ В данную книгу включены многочисленные цитаты заключенных концлагерей. Многие из них взяты из современных документов. Другие заимствованы из более поздних источников, однако сомнительных в методологических аспектах. С одной стороны, лишь немногие свидетели смогли с абсолютной точностью вспомнить выражения, слышанные ими несколькими месяцами или даже годами ранее. С другой стороны, произвольно перефразировав все подобные цитаты, автор принес бы в жертву их подлинную живость – ведь в конечном счете именно тональность и формулировка приказов играли ключевую роль в эсэсовской стратегии доминирования. В конце концов автор решил использовать и «ретроспективные цитаты», но только тогда, когда первичный критический анализ внутренней последовательности документа, а также сравнение его с другими источниками позволяли заключить, что указанные тексты, вероятно, будут максимально близки по форме и содержанию к подлинным высказываниям.

⁷¹ См.: Kärny, «Waffen-SS», 248 (только в отношении мужчин).

⁷² Цит. в Warmbold, *Lagersprache*, 302–303.

⁷³ О последних исследованиях см.: Roseman, «Beyond Conviction?».

⁷⁴ Цит. в Todorov, *Facing*, 123. См. также: Levi, «Preface to H. Langbeins *People in Auschwitz*», 1984, также Belpoliti, Levi, 78–81. См. также: Steiner, «SS»; Dicks, *Licensed*, в частности 237.

⁷⁵ См. также: Langbein, *Widerstand*, 8.

⁷⁶ Kautsky, *Teufel*, 226.

быми привилегиями – но ценой своего участия в управлении лагерем, что смазывало столь четкие различия между жертвами и преступниками⁷⁷. Прошлое заключенных – их этническая принадлежность, пол, религия, политические взгляды, профессия и возраст также в значительной мере влияли на их поведение и поступки, равно как и отношение к ним эсэсовцев и других узников. Заключенные собирались в различные группы, и истории этих групп, их отношения друг с другом и с эсэсовцами – тоже объект изучения.

В процессе взаимоотношений заключенных следует рассматривать не только как объекты террора эсэсовцев, но и как актеров. Некоторые ученые склонны изображать заключенных безликими, безвольными и индифферентными роботами. Полное доминирование эсэсовцев погасило последние искры жизни, Ханна Арендт писала о своих собратях как о «жутких марионетках с человеческими лицами». Но даже в столь исключительной среде, как концентрационный лагерь, заключенные нередко сохраняли долю активности, пусть даже едва заметную, и, если к ним присмотреться, в их действиях можно заметить умение хоть как-то противостоять закованному в броню неограниченной власти эсэсовцев. В то же время нам не следует впадать в искушение, рассматривая концентрационный лагерь как нечто переносимое, как не следует и идеализировать самих узников, воображая их сплоченными, ничем себя не запятнавшими и непокоренными. В большинстве своем истории узников вряд ли могут претендовать на победу человеческого духа, куда чаще это повести о деградации и отчаянии. «Заключение в лагерь, нищета, пытки и гибель в газовой камере не есть героизм» – к такому безрадостному выводу пришли трое оставшихся в живых узников Освенцима. Фраза эта взята из появившейся уже в 1946 году книги, переплетенной в кусок полосатой ткани конц лагерной одежды⁷⁸.

Террор в концентрационном лагере можно полностью осознать, лишь если смотреть на него снаружи, из-за колючей проволоки. В конце концов, лагерь был изобретением нацистского режима. Состав заключенных, условия и обращение с ними формировались силами извне, и эти силы тоже необходимо тщательно изучить. Это изучение составляет второй главный аспект данного исследования, и его можно уподобить взгляду через куда более широкоугольный объектив – перед нами предстает панорама Третьего рейха и место, которое в нем занимали концлагеря. История концентрационных лагерей была связана с более широкими политическими, экономическими и военными событиями. Лагеря явились частью более широкой социальной ткани, не только как символы репрессий, но и как объекты действительности; они не принадлежали к метафизической сфере, как считает часть исследователей, а располагались в населенных пунктах, как больших, так и малых, или же в непосредственной близости от них. Что более важно, концентрационные лагеря были частью огромной паутины террора нацистов, оплетавшей и другие репрессивные институты, такие как полиция, суды и иные места заключения – тюрьмы, гетто и трудовые лагеря. Вышеупомянутые институты – места содержания – часто были связаны с концентрационными лагерями и имеют ряд сходных черт⁷⁹. Но как бы ни были важны эти связи, следует подчеркнуть четкую обособленность концентрационных лагерей, служивших и своего рода центром притяжения. Для многих жертв концентрацион-

⁷⁷ Термин «Капо» (капо) широко использовался в концентрационных лагерях. Он известен еще с довоенного периода (Neurath, *Gesellschaft*, 210), а в годы Второй мировой войны его употребление стало повсеместным. В исторической литературе упомянутый термин нередко используется в узком его смысле для обозначения заключенных, ответственных за организацию принудительных работ в лагере. Основываясь на воспоминаниях некоторых бывших узников survivors (Kupfer-Koberwitz, *Tagebücher*, 467; Kautsky, *Teufel*, 160), также на работах ученых-историков (Niethammer, *Antifaschismus*, 15), автор в данной книге предпочитает толковать термин «капо» шире, то есть использует его для обозначения всех заключенных, наделенных лагерной администрацией полномочиями, позволявшими им стоять на ступень выше остальных узников.

⁷⁸ Цит. в Arendt, *Origins*, 455; Siedlecki et al., *Auschwitz*, 4 (впервые опубликовано в 1946). См. также: Armanski, *Maschinen*, 188; Langer, *Holocaust Testimonies*, ix, 162–163; Browning, *Remembering*, 297; Löw et al., *Alltag*.

⁷⁹ Исследователи, работавшие над энциклопедией лагерей и гетто, насчитали свыше 42 тысяч сайтов; «The Holocaust just got more shocking», *New York Times*, March 1, 2013. В некоторых случаях отдельные сайты давали не вполне корректную информацию: представляли гетто концентрационными лагерями. Так, Терезиенштадт (Terezin), будучи гетто, часто бывает представлен как концентрационный лагерь (см. также: Hajkova, «Prisoner Society», 14).

ные лагеря стали конечным пунктом мучительных странствий. Сюда прибывали бесчисленные транспорты для перевозки заключенных из других мест содержания, но мало кому выпал путь в обратном направлении. Как в 1957 году заявил скрывавшийся от правосудия Адольф Эйхман тем, кто сочувствовал нацизму, вспоминая в Буэнос-Айресе о концентрационных лагерях: «Довольно легко проникнуть внутрь, но ужасно трудно выйти»⁸⁰.

⁸⁰ BArchK, All. Proz. 6/103, Bl. 16. For background, см.: Stangneth, *Eichmann*.

Источники

Любой пишущий о концентрационных лагерях сталкивается с парадоксом: хотя объем доступной документации нередко подавляет, ее все равно недостаточно. С момента крушения Третий рейх был исследован куда более дотошно, чем любая другая современная диктатура. И очень немногие его аспекты, если таковые вообще имеются, послужили причиной стольких публикаций, как концентрационные лагеря. Есть десятки тысяч свидетельств и исследований и еще больше оригиналов документов, рассеянных по всему миру. Никто не в состоянии оцифровать эти материалы⁸¹. В то же время есть очевидные лакуны и в архивных записях, и в академической литературе. Несмотря на пугающие объемы, исследователи-историки в последние годы проявляют определенную разборчивость, что нередко служит причиной того, что некоторые весьма важные аспекты упускались⁸². Что касается первоисточников, СС позаботились об уничтожении в конце Второй мировой войны основного массива документов, а Гиммлер и другие высокопоставленные нацисты погибли, унеся тайны в могилу⁸³.

Да и отчеты оставшихся в живых далеко не исчерпывающие. Обычные заключенные редко пытались изучить лагерную систему во всей ее сложности. Взять, например, Вальтера Винтера, немецкого цыгана, высланного в Освенцим весной 1943 года. До этого он никогда не бывал за границами своего цыганского поселения. Лишь после своего возвращения, да и то 40 с лишним лет спустя, он сумел осознать, чем являлся лагерь в целом⁸⁴. Надежными не могут считаться даже данные под присягой свидетельские показания. Многие из узников не вернулись. Никто из заключенных-евреев уже не сможет ничего рассказать о жизни в лагере-спутнике Маутхаузена Гузене в период 1940–1943 годов уже хотя бы потому, что никто из этих заключенных не уцелел. Они, по выражению Примо Леви, принадлежат к тем, кто не желает быть услышанным⁸⁵. Есть те, кто выжил, но кто уже не в состоянии ни рассказать, ни помнить о чем-либо из пережитого тогда⁸⁶. Стигмат социальных отбросов настолько сильно въелся в них, что лишь немногие отваживались на воспоминания вслух после освобождения. Первая биография одного уголовного преступника так и не была издана до 2014 года, то есть прижизненным изданием, а лишь посмертным, но даже он не решился раскрыть свою судьбу, заявив лишь, что, дескать, пострадал из-за своих политических убеждений⁸⁷. Многие бывшие узники немецких концлагерей из СССР также вынуждены были молчать из опасений, что их примут за пособников нацистов. Советские власти долгие годы подозревали всех побывавших в немецком плену как потенциальных предателей⁸⁸.

Однако интегрированная история концентрационных лагерей требует всеобъемлющего подхода. Данная книга именно поэтому и использует такое количество источников, сплавляя

⁸¹ For the dispersal of documents, см.: Perz, *KZ-Gedenkstätte*, 39–42.

⁸² До сих пор нет академических монографий на тему массовых убийств, как Action 14f13 and Action 14f14 (см. главу 5). То же самое относится и к отдельным стадиям истории лагерей, в частности первым годам войны (см. главу 4). Кроме того, нет и монографий о нескольких наиболее известных лагерях, предназначенных специально для евреев и расположенных в восточной части оккупированной немцами Европы (см. главы 6 и 7). Мало систематизированных исследований об органах управления лагерями СС в годы войны (см. главу 8) и их взаимосвязи с местными лагерями. Аналогично, до сих пор малоисследованной областью является судьба отдельных групп узников – уголовных преступников, «асоциальных элементов» (см. главу 3).

⁸³ Tuche, *Konzentrationslager*, 27. Три лица, знавшие больше остальных, – Теодор Эйке, Рихард Глюкс и Генрих Гиммлер, – не дожили до 1946 г.

⁸⁴ Winter, *Winter*, 53. См. также: Levi, *Drowned*, 6–7.

⁸⁵ Levi, *Drowned*; Marsälek, *Gusen*, 33.

⁸⁶ См.: Greiser, *Todesmärsche*, 141; Raim, *Dachauer*, 286; Erpel, «Trauma», 127.

⁸⁷ Schrader, *Elf Jahre*, в частности 9–14, 32–33. Но Шраде в своих мемуарах старательно обходит тему обращения с уголовными преступниками и асоциальными элементами.

⁸⁸ Это воспоминания относительно небольшого числа советских заключенных; Zarusky, «Russen», в частности 105–107, ill. О мемуарах, опубликованных в последние годы, см.: Timofeeva, *Nepobedimaja*.

воедино их главные выводы. Только сегодня, благодаря грандиозным достижениям исследователей недавнего периода, стало возможным отважиться на подобный проект. Но синтеза одних только существующих исследований было бы явно недостаточно. Для углубления наших представлений о концентрационных лагерях необходимо устранить остающиеся пробелы в наших знаниях и дать возможность узникам концлагерей и тем, кто обрек их на страдания, без тени смущения заявить обо всем. Данная работа также широко использует первоисточники. Они включают в себя большое количество документации СС, полицейских досье, в том числе различные циркуляры, приказы и распоряжения и личные дела заключенных⁸⁹. Часть этого материала стала доступной лишь недавно, в течение многих десятилетий они пылились в советских, российских, немецких и британских архивах, и многие документы процитированы здесь впервые⁹⁰.

Современные материалы, исходящие от заключенных и ими созданные, составляют еще одну группу неоценимых первоисточников. Заключенные всегда пытались собрать информацию. Прежде всего все, что касалось выживания, поскольку разгадать намерения администрации лагеря и охранников нередко означало спасти свою жизнь. Но некоторые заключенные задумывались и о потомках. Эскизные наброски и картины, например, запечатлели моменты лагерной жизни узников и их настроения⁹¹. Иногда заключенные даже исхитрялись делать фотоснимки, пряча фотоаппараты и фотопринадлежности от охраны⁹². Еще более важными являются письменные отчеты. Некоторые привилегированные заключенные похищали и даже расшифровывали документы управления лагеря. Между концом 1939 и весной 1943 года, например, один узник Заксенхаузена Эмиль Бюге скопировал секретные отчеты на папиросную бумагу, а затем приклеил их к кускам стекла (так сохранилось почти 1500 записей)⁹³. Другие заключенные тайно вели дневники, как мы уже знаем на примере Эдгара Купфера, и десятки таких дневников были опубликованы после войны. Некоторым удавалось тайком пронести свои записи или копии документов за пределы лагеря⁹⁴. Такие отчеты о лагерной жизни могли подтвердить совершившие побег или по каким-то причинам освобожденные заключенные после 1945 года⁹⁵. Свидетельства узников воистину бесценны, ибо позволяют заглянуть непосредственно внутрь лагерей, описывая страхи узников, их надежды и чувство неуверенности в том, что станет с ними в будущем и как люди, не испытывавшие лагерной жизни, смогут понять после войны, что собой представляли концентрационные лагеря⁹⁶.

Подавляющее большинство узников, однако, получили возможность рассказать обо всем лишь после освобождения. Каждое из таких воспоминаний уникально само по себе, и нет возможности охватить их всех в данной книге. Предлагаемое читателю исследование использует лишь самые типичные из сотен изданных и неопубликованных мемуаров и интервью оставшихся в живых самых разных узников – людей очень разных и по происхождению, и по поведению, и по национальности. Большей частью сюда включены свидетельства первых месяцев и лет после освобождения, когда события были еще свежи в памяти оставшихся в живых и

⁸⁹ О данных и документах системы управления лагерями СС см.: Kranebitter, «Zahlen», 98–117; Grotum, *Archiv*, 236–244.

⁹⁰ Просмотренные автором материалы включали в себя и источники из Особого архива Москвы (via digital copies held at the USHMM), открытые для западных исследователей в начале 1990-х гг. Автор также использовал материалы Службы поиска Красного Креста в Арользене, недоступные для историков, начиная с 70-х гг. XX в. и по 2006–2007 гг. Автор получил доступ и к рассекреченным в конце 1990-х гг. записям немецких радиogramм (архив Kewand). В соответствии с Законом об охране персональных данных фамилии отдельных заключенных автором не указываются.

⁹¹ *OdT*, vol. 1, 279–283; Blatter, Milton, *Art*, 136–225.

⁹² Didi-Huberman, *Bilder*; «Francisc Boix».

⁹³ Büge, *KZ-Geheimnisse*.

⁹⁴ О дневниках см., в частности: Laqueur, *Schreiben*. 30 дневников сохранилось только в Берген-Бельзене, это больше, чем в каком-либо другом лагере; Rahe, «Einleitung», 18–19. О кратких заметках, написанных в лагерях, см.: Swiebocki, *Resistance*.

⁹⁵ Примеры см.: в Swiebocki, *London*.

⁹⁶ Friedländer, *Jahre*, 23–24. См. также его комментарии в Frei and Kantsteiner, *Holocaust*, 85–86, 252.

когда не было риска, что на них окажут влияние коллективные воспоминания о концлагерях⁹⁷. Вот один из примеров податливости человеческой памяти: поскольку репутация доктора из Освенцима Йозефа Менгеле после войны стала известна буквально всем, его стали описывать в своих воспоминаниях даже те узники, которые никогда с ним не сталкивались⁹⁸. Но было бы ошибкой вовсе оставить без внимания и более поздние воспоминания. В конце концов, есть события, осмысляемые не сразу, а лишь по прошествии времени. И если многие из выживших узников говорили с поразительной искренностью, другие же смогли предаться самым болезненным воспоминаниям лишь многие годы спустя, да и то далеко не все⁹⁹.

Материалы, собранные для послевоенных судебных процессов, представляют еще один серьезный источник данного исследования. Сотни преступников, занятых в лагерной системе СС, были привлечены союзниками к суду сразу после войны, но процессы продолжились и в более поздние годы. Обвинители собрали подлинники документов для судебных слушаний и опросили бывших узников, включая некоторых из тех групп, о которых успели позабыть¹⁰⁰. Хотя эти свидетельства оставшихся в живых ставят перед авторами трудов специфические методологические проблемы, они служат недостающими элементами для нашей мозаики, которую представляли собой концентрационные лагеря¹⁰¹. Кроме того, судебная документация – неотъемлемый элемент для анализа преступников. Как правило, охранники-эсэсовцы мемуаров не писали и после войны, интервью не давали, предпочитая скрыться и исчезнуть с глаз людских¹⁰². Лишь суды могли заставить их заговорить. Разумеется, к их заявлениям следует относиться с определенной долей недоверия, отсеивая истину и отбрасывая все попытки представить ее в выгодном для них свете¹⁰³. И все же свидетельские показания бывших преступников бросают свет на образ мышления рядовых охранников-эсэсовцев, на долю которых и приходится большая часть рутинного насилия, о чем можно прочесть не во всех научных публикациях.

⁹⁷ Многие историки, занимающиеся темой концентрационных лагерей, опираются на первые свидетельские показания под присягой; Shik, «Erfahrung», 104–105; Büggeln, *Arbeit*, 536; Hayes, «Auschwitz», 347. Еще о более поздних устных рассказах см.: Jureit and Orth, *Überlebensgeschichten*, в частности 185–186.

⁹⁸ Langbein, *Menschen*, 334–335; Browning, *Remembering*, 233–236. Другие примеры см.: Там же, 237; Mailänder Koslov, *Gewalt*, 361–370; Fulbrook, *Small Town*, 306. Также о недостоверности некоторых воспоминаний см.: Cziborra, *KZ-Autobiografien*, в частности 70–75.

⁹⁹ См., например: Semprun and Wiesel, *Schweigen*, 15, 19.

¹⁰⁰ См. свидетельские показания под присягой советских заключенных и немецких уголовных преступников во франкфуртских процессах о преступлениях в Освенциме в 1960-х гг.

¹⁰¹ О методологических проблемах см.: Orth, «Lagergesellschaft», 117–118.

¹⁰² Об исключениях см.: Segev, *Soldiers*.

¹⁰³ Orth, SS, 15. Весьма критически следует подходить к свидетельским показаниям советских и восточногерманских судов; Eschbach, «Ich bin unschuldig»; Pohl, «Sowjetische», 138.

Структура

Главной лагерной составляющей были постоянные изменения. Правда, были периоды некоей стабильности от одного изменения до другого. Но лагеря развивались отнюдь не по прямой, их более чем десятилетний путь изобилует изгибами и крутыми поворотами. Только строгой придерживаясь хронологии развития событий, можно разумом охватить их подвижность и изменчивость. Данное исследование поэтому открывается их развитием в довоенные годы (глава 1), затем следует формирование (глава 2) и расширение (глава 3) системы конц лагерей в период с 1933 по 1939 год. Картина первой половины существования лагерей – когда большинство узников были через какое-то время освобождены – часто омрачается более поздними сценами гибели и разрушения, характерных для периода войны¹⁰⁴. Но очень важно изучить то, что «предшествовало беспрецедентному», как выразилась историк Джейн Каплан¹⁰⁵. Не только довоенные лагеря составили мрачное наследие беззакония и террора во время войны. Их история важна сама по себе, поскольку заставляет взглянуть в ином свете на генезис репрессивного аппарата нацистов и на средства, которыми они так и не успели воспользоваться¹⁰⁶.

Вторая мировая война оказала драматическое влияние на систему концлагерей, став фоном остальных глав книги. Это начало массового геноцида (глава 4) и казни (глава 5), первой фазы [Второй мировой] войны между нападением Германии на Польшу осенью 1939 года и провалом блицкрига в войне с Советским Союзом в конце 1941 года. Затем книга обращается к теме холокоста, исследуя преобразование Освенцима в крупнейший концлагерь (глава 6) и повседневную жизнь узников и эсэсовских охранников на территории оккупированной Восточной Европы (глава 7). Следующая глава охватывает тот же временной период, но под другим углом зрения, исследуя расширение лагерной системы в 1942–1943 годах, уделяя особое внимание возрастанию потребности в рабском труде (глава 8). Эта тема доминирует и в следующей главе, в которой описывается быстрое распространение так называемых лагерей-спутников в 1943–1944 годах и эксплуатация сотен тысяч заключенных на военных предприятиях Германии (глава 9). Затем исследование обращается к теме сообществ узников во время войны и невозможности для узников сделать для себя выбор (глава 10), а потом автор переходит к завершающей части, посвященной крушению Третьего рейха и его лагерей в 1944–1945 годах и предшествовавшему этому всплеску насилия (глава 11).

Такой расширенный и хронологический подход выдвигает на первый план фундаментальную особенность нацистского режима. Хотя Третий рейх и приводился в движение тем, что Ганс Моммсен назвал «кумулятивной радикализацией», постоянно возрастающим террором, процесс этот ни в коем случае нельзя представлять себе как линейный¹⁰⁷. Лагерная система не росла лавинообразно. Ее развитие иногда замедлялось и даже полностью останавливалось. Условия не всегда менялись по принципу «от плохого к худшему»; иногда они улучшались и до, и во время войны, но только чтобы снова ухудшиться некоторое время спустя. Детальный анализ этого развития позволит по-новому осмыслить и историю лагерей, и конечно же нацистского режима в целом. Террор как стержневой элемент Третьего рейха не был воплощен ни в одном государственном институте столь полно, как в системе нацистских концентрационных лагерей.

¹⁰⁴ Лишь около 15 % исследований по истории организационной структуры концентрационных лагерей автора Карин Орт посвящены предвоенным годам; см.: Orth, *System*.

¹⁰⁵ Caplan, «Detention», 26.

¹⁰⁶ См. также: Wachsmann and Goeschel, «Before Auschwitz», 518.

¹⁰⁷ Mommsen, «Cumulative Radicalization».

Глава 1. Первые лагеря

– А может, тебе лучше повеситься? – осведомился эсэсовец Штайнбрэннер, войдя в камеру Ганса Баймлера в Дахау днем 8 мая 1933 года. Рослый Штайнбрэннер свысока взирал на измученного заключенного в засаленном коричневом пиджаке и коротких брюках, над кем издевался вот уже несколько дней в карцере лагеря, так называемом бункере. «Посмотри, как это делается! Чтобы потом знать!» Отодрав длинный лоскут от одеяла, Штайнбрэннер ловко связал его в петлю на одном конце. «Теперь все, что требуется, – вкрадчиво добавил он, – так это сунуть сюда башку, другой конец привязать к окну, и дело с концом. Пару минут, и все». Ганс Баймлер, все тело которого было исполосовано шрамами и ссадинами, уже не раз сталкивался с попытками эсэсовцев вынудить его совершить самоубийство. И понимал, что время на исходе. Всего час или два назад эсэсовец Штайнбрэннер вместе с комендантом Дахау показали ему в другой камере бездыханное тело Фрица Дресселя, тоже коммуниста, политика. Дрессель, вытянувшись, лежал на каменном полу. Последние несколько дней его крики эхом отдавались в бункере Дахау, и Баймлер предположил, что его старый друг, будучи не в силах сносить издевательств, вскрыл вены и истек кровью (на самом деле, скорее всего, Дрессель погиб от рук эсэсовцев). Не успевшего оправиться от шока Баймлера втащили назад в камеру, где комендант лагеря предупредил его: «Значит, так! Теперь ты знаешь, что к чему». И выдвинул ультиматум: либо ты вешаешься, либо мы приходим утром за тобой. Полсуток жизни эсэсовцы ему даровали¹⁰⁸.

Баймлер принадлежал к десяткам тысяч противников нацизма, которых весной 1933 года бросали в наспех организованные лагеря, такие как Дахау, когда новый режим после назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 года стремительно отвернул Германию от провальной демократии к фашистской диктатуре. Первые поиски врагов режима сосредоточились прежде всего на ведущих критиках и знаменитых политиках, особенно в Баварии, самой крупной из германских земель после Пруссии. 37-летний Баймлер из Мюнхена считался чрезвычайно опасным большевиком. Когда 11 апреля 1933 года его вместе с женой Сентой арестовали после нескольких недель нелегального положения, местные полицейские чины в мюнхенском полицейско-президиуме ликовали: «Мы взяли Баймлера, мы взяли Баймлера!»¹⁰⁹

Ветеран мятежа военных моряков осенью 1918 года, вбившего последний гвоздь в конце Первой мировой войны в гроб Германской империи, на смену которой пришла Веймарская республика, первый эксперимент Германии в области демократических преобразований, Ганс Баймлер с тех пор целеустремленно сражался против этой республики за коммунистическое государство. Весной 1919 года он служил в Красной гвардии, это было в пору неудачной попытки создать из Баварии республику Советов¹¹⁰. Годы нападок на хрупкую немецкую демократию и справа и слева превратили бывшего механика в фанатичного приверженца Коммунистической партии Германии (КПГ). Грубоватый и суровый Баймлер жил ради идеи, которой был все душой предан, бесстрашно бросаясь в битвы с полицией и политическими противниками (например, нацистскими штурмовиками), и постоянно поднимался по партийной лестнице. В июле 1932 года он достиг пика партийной карьеры: был избран заместителем фракции КПГ в рейхстаге, германском парламенте¹¹¹. 12 февраля 1933 года, во время одного из

¹⁰⁸ Beimler, *Mörderlager* (впервые опубликовано в 1933 г.), цит. на с. 56–57. Более подробно: Zamečnik, *Dachau*, 30 (n. 44); DaA, A-1281, «Aus dem Dachauer Konzentrationslager», *Amperbote*, May 11, 1933; StAMü, StA 34453/1, Bl. 44–46; Zeugenvernehmung J. Hirsch, December 27, 1949; Dillon, «Dachau», 234–235.

¹⁰⁹ Цит. в Beimler, *Mörderlager*, 10. См. также: Seubert, «Vierteljahr», 80.

¹¹⁰ В Баварской советской республике, просуществовавшей с 13 апреля до 1 мая 1919 г., были созданы Красная армия и Красная гвардия, для чего были вооружены 30 тыс. рабочих.

¹¹¹ Mühlendorfer, *Beimler*, 78–114; Richardi, Schule, 7–8; Büro, Reichstagsbandbuch 1932, 37; Herker-Beimler, *Erinnerungen*, 14,

заключительных коммунистических митингов перед выборами в федеральные органы 5 марта 1933 года (первыми и последними многопартийными выборами при Гитлере), Ганс Баймлер произнес речь в огромном мюнхенском цирке «Кроне». Стремясь воодушевить сторонников, он вспомнил о победе гражданской войны 1919 года, когда баварские «красногвардейцы», включая и Баймлера, хоть и ненадолго, но все же сумели разбить правительственные силы под Дахау. Завершил свое выступление Баймлер фразой, которой было суждено стать пророческой: «Мы снова встретимся в Дахау!»¹¹²

Всего два с половиной месяца спустя, 25 апреля 1933 года, Баймлер действительно оказался на пути к Дахау, хотя уже не в роли вожака революции, как предсказывал на митинге, а заключенного. Такой поворот судьбы не мог остаться незамеченным для его противников. Группа торжествующих эсэсовцев уже дожидалась в Дахау прибытия Баймлера и других, арестованных в тот же день. Эсэсовец Штайнбрэннер позднее вспоминал, что, дескать, все были словно наэлектризованы. Охранники тут же набросились на доставленных в лагерь арестованных, отыскивали среди них Баймлера и стали зверски его избивать, выкрикивая «Свинья! Предатель!». Затем повесили ему на шею табличку с надписью «Добро пожаловать!» и поволокли в бункер (обустроенный в помещении бывших уборных карцер). Старую фабрику решено было превратить во временный лагерь. По пути в карцер Штайнбрэннер несколько раз ударил Баймлера хлыстом, да так, что звуки ударов донеслись даже до находившихся довольно далеко остальных заключенных¹¹³.

И по лагерю Дахау поползли самые дикие и невероятные слухи о новом заключенном по фамилии Баймлер. Комендант напропалую лгал: дескать, Баймлер причастен к захвату и расстрелу «красногвардейцами» в Мюнхене весной 1919 года десяти ни в чем не повинных человек – заложников, включая и баварскую графиню. Это массовое убийство – которое, надо сказать, по жестокости вряд ли могло сравниться с резней, устроенной нацистами в отместку коммунистам, когда фрейкоровцы разгромили мюнхенские Советы и когда счет убитых шел на сотни, – с тех пор не давало покоя крайне правым. Раздавая фотоснимки казненных без суда и следствия заложников, комендант Дахау велел своим подчиненным отомстить за невинно погибших 14 лет тому назад. Сначала он намеревался казнить самого Баймлера, но позже решил, что куда пристойнее будет довести его до самоубийства. 8 мая, однако, после того, как Баймлер все же сумел выдержать несколько дней в лагере, комендант больше не мог мириться с его присутствием в Дахау и заявил напрямик: либо ты лезешь в петлю, либо тебя прикончат¹¹⁴.

Но Ганс Баймлер сумел избежать верной гибели в Дахау. Всего за несколько часов до истечения ультиматума эсэсовцев, судя по всему, с помощью двух охранников, которых он каким-то образом сумел привлечь на свою сторону, Баймлер протиснулся через окошко у потолка камеры, затем преодолел проволочное ограждение и, не задев окружавших лагерь электропроводов, исчез в ночи¹¹⁵. Когда Штайнбрэннер на следующее утро 9 мая 1933 года отпер двери камеры Баймлера, она была пуста. Эсэсовцы подняли тревогу. Лагерь огласил вой сирен, охранники перевернули весь Дахау вверх дном. Штайнбрэннер в отместку избил

26–27.

¹¹² Цит. в DaA, A-1281, «Aus dem Dachauer Konzentrationslager», *Amperbote*, May 11, 1933. См. также: Dillon, «Dachau», 35–36, 51–53.

¹¹³ Цит. в StAMü, StANr. 34479/1, Bl. 93–97: Lebenslauf H. Steinbrenner, n.d. (c. late 1940s), здесь 95; Beimler, *Mörderlager*, 28–29. См. также: Там же, 25–26, 31; DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», summer 1934, 6. Перед 1 мая 1933 Баймлера перевели из Дахау в больницу Мюнхена; затем врачи признали его «симулянтом», Баймлера 4 мая 1933 г. вновь вернули в Дахау; Там же, 17.270, BPP, Vermerk, May 3, 1933.

¹¹⁴ StAMü, StA Nr. 34479/1, Bl. 93–97: Lebenslauf H. Steinbrenner, n.d. (c. late 1940s). См. также: Evans, *Coming*, 159–160; Dillon, «Dachau», 36–37, 55.

¹¹⁵ Обстоятельства побега Баймлера остаются неизвестными (о попытке выяснить их см.: Richardi, Schule, 14). Бывшие охранники и узники лагеря утверждают о том, что в подготовке побега участвовали два эсэсовца; StAMü, StA Nr. 34453/1, Bl. 44–46: Zeugenvernehmung J. Hirsch, December 27, 1949; Там же, Nr. 34465, Bl. 48–49: Zeugenvernehmung J. Nicolai, January 21, 1953; DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», summer 1934, 6–7.

двоих заключенных-коммунистов, чьи камеры располагались рядом с камерой Баймлера: «Ну, погодите, собаки проклятые, я из вас выбью признание – вы мне скажете, где Баймлер!» Один из них был вскоре казнен¹¹⁶. Полиция обшаривала всю прилегающую к лагерю местность, над Дахау кружили самолеты, стали срочно расклеивать разыскные объявления с обещанием награды тому, кто выдаст сбежавшего «известного коммунистического лидера», которого описывали как тщательно выбритого, с коротко остриженными волосами и с большими оттопыренными ушами мужчину средних лет¹¹⁷.

Несмотря на все усилия, Баймлер скрылся. Пробыв несколько дней на явочной квартире в Мюнхене, он набрался сил и в июне 1933 года по тайным каналам коммунистов был переправлен в Берлин, а уже оттуда – в Чехословакию. Оказавшись за границами рейха, он отправил в Дахау открытку, предложив эсэсовцам «поцеловать его в задницу». Далее Баймлер добрался до Советского Союза, где в деталях рассказал о том, с чем ему пришлось столкнуться. Это был один из самых первых документальных отчетов того времени о нацистских лагерях на примере Дахау. Сначала, в середине августа 1933 года, в Советском Союзе его воспоминания вышли на немецком языке, затем брошюра была перепечатана одной швейцарской газетой, затем появился перевод на английский язык, он был издан в Лондоне. Воспоминания Баймлера тайно распространялись и в Германии. Он писал статьи в другие иностранные газеты и журналы, выступал по советскому радио. Разъяренные нацистские чиновники между тем пытались опровергнуть изложенное Баймлером, назвав его «одним из худших сочинителей страшилок». Мало того что Баймлер избежал заключения и расправы, он на весь мир опозорил всех своих бывших истязателей, рассказав правду о Дахау. Решение нацистских властей осенью 1933 года лишить Баймлера гражданства рейха было скорее жестом отчаяния – Баймлер явно не намеревался возвращаться в Третий рейх¹¹⁸.

История Ганса Баймлера далеко не типична. Очень немногие заключенные первых нацистских лагерей становились объектом неприкрытых издевательств со стороны лагерных охранников и администрации – в 1933 году покушение на убийство все еще оставалось исключением. И его побег также относится к разряду скорее исключений – Ганс Баймлер был единственным из узников Дахау, кому удалось бежать. После его побега эсэсовцы немедленно усилили меры безопасности¹¹⁹. Однако история Баймлера затрагивает множество ключевых аспектов первых концлагерей: произвол движимых ненавистью к коммунистам охранников, пытки отдельных заключенных в целях запугивания остальных, нежелание властей лагеря, тогда еще юридически подотчетных, впутываться в открытые убийства; вместо этого они доводили отдельных заключенных до самоубийства, а если это не получалось, маскировали убийства под самоубийства. Вообще в тот период эсэсовцам приходилось постоянно импровизировать – отсюда и использование ими в качестве лагеря Дахау заброшенной фабрики. Тогда лагеря еще были объектом внимания общественности, приходилось считаться с газетными сообщениями и с циркулировавшими слухами. Все перечисленные элементы не могли не оказать существенного воздействия на первые концентрационные лагеря, которые стали появляться в 1933 году в нарождавшемся Третьем рейхе.

¹¹⁶ Цит. в StAMü, StA Nr. 34453/1, Bl. 44–46: Zeugenvernehmung J. Hirsch, December 27, 1949. См. также: DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», 6.

¹¹⁷ Цит. в DaA, A-1281, «Aus dem Dachauer Konzentrationslager», *Amperbote*, May 11, 1933. См. также: DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», 6; Polizeifunknachrichten, May 10, 1933, in Michaelis and Schraepfer, Ursachen, vol. 9, 364; Mühldorfer, *Beimler*, 123; Internationales Zentrum, *Nazi-Bastille*, 79.

¹¹⁸ О высказываниях нацистов и дальнейших деталях см.: PAdAA, Inland IIA/B, R 99641, Bay. Mdl to Rdl, January 26, 1934. См. также: Mühldorfer, *Beimler*, 14–15, 125–129; DaA, A-1281, «28 Volksschädlinge verlieren deutsche Staatsangehörigkeit», November 4, 1933; Richardi, *Schule*, 15–17; Drobisch and Wieland, *System*, 170–171; Beimler, *Four Weeks*. О присланной Баймлером почтовой открытке см.: interrogation Michael S., June 14, 1939, NCC, doc. 300.

¹¹⁹ Rubner, «Dachau», 56–57; Dillon, «Dachau», 154.

Кровавая весна и лето

30 января 1933 года, в очередную годовщину назначения рейхсканцлером, Адольф Гитлер обратился с речью к нацистской верхушке в уже переставшем существовать рейхстаге, желая подвести итог четырехлетнего правления. В типичной для него сумбурной манере Гитлер воспевал возрождавшуюся Германию: дескать, нацисты спасли страну от политической катастрофы, ее экономику – от краха, объединили общество, очистили культуру и восстановили национальное могущество, сбросив оковы презренного Версальского договора. А самым замечательным, по мнению Гитлера, стало то, что все эти цели были достигнуты мирным путем. В 1933 году нацисты захватили власть «почти бескровно». Безусловно, несколько введенных в заблуждение противников и большевистских злоумышленников пришлось изолировать от общества. Но в целом, похвалялся Гитлер, он стал свидетелем революции совершенно нового типа: «Это, возможно, была первая революция, в ходе которой даже ни одно окошко не было разбито»¹²⁰.

Должно быть, нелегко было нацистским бонзам сохранять серьезный вид, слушая Гитлера. Все они хорошо помнили террор 1933 года и в тесном кругу упивались воспоминаниями о том, как расправлялись с противниками¹²¹. Но теперь, укрепив вместе с новым режимом и свои позиции, нацистские фюреры наверняка стремились поскорее затушевать в памяти то, кем они были всего несколькими годами ранее. К началу 1930-х годов Веймарская республика переживала спад, ее терзал раскол вследствие поражения в войне, загнавший общество в политический тупик и выливавшийся в уличные столкновения. Но никто тогда не знал, кто придет на смену демократической республике. Даже при условии, что нацистская партия (НСДАП) утвердилась как самая популярная из политических альтернатив, большинство немцев все еще не решалось поддержать нацистов и их программу. Невзирая на открытую неприязнь друг к другу, два главных соперника НСДАП: леворадикальные коммунисты (КПГ) и умеренные социал-демократы (СДПГ) – на последних свободных выборах ноября 1932 года в совокупности получили больше голосов, чем нацисты. Но с помощью махинаций и интриг антиреспубликанских политических брокеров к 30 января 1933 года удалось пробить назначение Гитлера, одного из трех нацистов в кабинете, где доминировали национал-консерваторы, рейхсканцлером¹²².

В течение нескольких месяцев после назначения Гитлера на пост рейхсканцлера нацистское движение, взлетев вверх на волне террора, сумело обеспечить себе почти полный контроль прежде всего над политическими организациями рабочего класса Германии. Нацисты громили их группировки, совершали налеты на их штаб-квартиры, подвергая левых активистов унижениям, открыто запугивая их, а в некоторых случаях не гнушались даже арестами и пытками. В последние годы часть историков были склонны преуменьшать значимость довоенного нацистского террора. Высмеивая Третий рейх как «диктатуру сверхоптимистов», они считают, что популярность режима в массах избавляла от необходимости прибегать к террористическим методам в борьбе с политическими противниками¹²³. Но поддержка режима массами, как ни важна она была, никак не перевешивала террор как оружие устранения тех, кто до сих пор оставался невосприимчив к посулам нацистов. Были взяты на мушку так называемые расовые и социальные аутсайдеры, но репрессии первых нескольких месяцев были направлены

¹²⁰ *Verhandlungen des Reichstags* (1938), quotes on 3. См. также: Domarus, *Hitler*, vol. 2, 664.

¹²¹ См., например: address by Himmler to the *Staatsräte*, March 5, 1936, NCC, doc. 78.

¹²² Ссылка здесь и ниже на Wachsmann and Goeschel, «Introduction».

¹²³ О термине см.: Aly, «Wohlfühl-Diktatur». См. также: Gellately, «Social Outsiders», 57–58; Eley, «Silent Majority?», 553–561.

прежде всего против бесспорных политических противников, причем противников именно левого толка. Рвавшиеся к тотальному господству над страной нацисты поставили во главу угла не что иное, как террор.

Террор против левых

Обещание национального возрождения из пепла Веймарской республики, появление новой Германии легло в основу идеологии нацизма в начале 1930-х годов. Но грезы нацистов о «золотом будущем» были и грезами о грядущем разрушении. Еще задолго до прихода к власти нацистские лидеры пропагандировали безжалостную политику устранения всего, что они объявили чуждым и опасным для создания единообразного национального сообщества, готового к сражениям грядущей расовой войны¹²⁴.

Мечтания о национальном единении с помощью террора корнями уходят в поражение Германии в 1918 году. Значимость разгрома Германии в Первой мировой войне для нацистской идеологии трудно переоценить. Не желая смириться с разгромом на поле битвы, нацистские лидеры, как и многие другие немецкие националисты, убедили себя, что страна была поставлена на колени по вине засевших в тылу пораженцев, которые и нанесли армии «коварный удар ножом в спину», спровоцировав в стране революцию. Решение, по мнению Гитлера, заключалось в радикальном устранении всех внутренних врагов¹²⁵. В частной беседе в 1926 году, когда нацистское движение все еще оставалось маргинальным явлением в немецкой политической жизни, он пообещал уничтожить левых. Не может быть мира и покоя, разглагольствовал он, пока «последний из марксистов не будет перевоспитан или же уничтожен»¹²⁶.

Политическое насилие в его крайних формах изначально обрекло на гибель Веймарскую республику, и, когда к началу 1930-х годов нацистское движение набралось сил, кровопролитные столкновения приобрели характер пандемии. В особенности это касалось столицы Германии – Берлина. Военизированные формирования нацистов – многочисленные «штурмовые батальоны», или СА, а также значительно уступавшие им по численности «охранные отряды», или СС, – перешли в наступление, сметая на своем пути соперников, разгоняя их митинги¹²⁷. Нацистское движение сколотило основной политический капитал именно на тотальном неприятии коммунистов и социал-демократов, тем самым создав себе в среде сочувствующих им националистов имидж самых непримиримых противников ненавистных левых¹²⁸.

После назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 года многим нацистским заправилам не терпелось посчитаться со своими давними врагами, однако они пока что не решались на открытую борьбу, явно ожидая благовидного предлога. И таковой был вскоре найден. Вечером 27 февраля здание Рейхстага в Берлине охватил пожар. И конечно же главным виновником нацисты тут же объявили коммунистов (истинным виновником пожара был некий ван дер Люббе, действовавший в одиночку и, вероятно, не без содействия самих нацистов). В темном костюме и плаще около 22 часов прибыл на лимузине к месту пожара сам Адольф Гитлер. Некоторое время он молча взирал на пылавшее здание, затем впал в обычный для него истеричный гнев. Ослепленный глубоко засевшей в нем параноидальной идеей «заговора левых» (и явно понятия не имевший о причастности к преступлению лиц из своего ближайшего окружения), он назвал этот пожар сигналом к давно ожидаемому коммунистическому восстанию и призвал к принятию самых суровых мер. По словам одного из очевидцев,

¹²⁴ О «национальном сообществе» см. также: Peukert, *Inside*, 209; Wachsmann, «Policy», 122–123.

¹²⁵ Более широко о событиях 1918 г. см.: Mason, «Legacy».

¹²⁶ Цит. в Broszat, «Konzentrationslager», 328.

¹²⁷ Reichardt, *Kampfbünde*, 87–88, 99, 616, 698–699. О разгуле политически мотивированного насилия в Берлине см. также: Swett, *Neighbors*.

¹²⁸ О призывах НСДАП см. классический труд: Allen, *Seizure*. См. также: Weisbrod, «Violence».

он вопил: «Теперь уже не будет никакого милосердия. Любой, кто встанет у нас на пути, будет сокрушен»¹²⁹.

В Пруссии аресты были централизованно скоординированы политической полицией, использовавшей уже имевшиеся списки предполагаемых левых экстремистов, которые были пересмотрены и подправлены за последние недели, в соответствии с нацистской идеологией¹³⁰.

Берлинская полиция немедленно, в ту же ночь, приступила к действиям. Среди первых жертв оказались политики-коммунисты и другие известные берлинцы. Одним из них был Эрих Мюзам, писатель, анархист по убеждениям и представитель берлинской богемы, объявленный чуть ли не дьяволом во плоти за участие в Мюнхенском восстании 1919 года, обернувшееся для него тюремным заключением. Мюзам еще спал, когда полицейская машина подъехала в 5 часов утра 28 февраля к его дому в одном из предместий Берлина. Чуть раньше в ту же ночь в другой части Берлина полиция арестовала Карла фон Осецки, известного публициста пацифистского толка, и Ганса Литтена, молодого, но многоопытного адвоката, человека левых убеждений, загнавшего в угол Гитлера вопросами на одном из процессов в 1931 году. В течение нескольких часов в полицейскую тюрьму на Александерплац доставили большую часть представителей либеральной и левой элиты Берлина. Список ордеров на арест весьма напоминал справочник «Кто есть кто» – в них фигурировали фамилии самых ненавистных нацистам писателей, художников, адвокатов и политиков. «Все друг друга знают, – как позже вспоминал один из арестованных, – и всякий раз, когда приводили кого-то еще, отовсюду слышались поздравления и приветствия». Некоторых уже очень скоро выпустили. Других, в том числе Литтена, Мюзам и Осецки, ждала трагическая участь¹³¹.

В течение многих дней после пожара Рейхстага в Германии бушевали полицейские облавы. «Массовые аресты повсюду!» – вопила с первой полосы ежедневная нацистская газета «Фёлькишер беобахтер» 2 марта 1933 года, злорадно добавив: «Сокрушительный удар кулаком!» К тому времени, когда Германия три дня спустя пошла на выборы, было уже арестовано до 5 тысяч человек¹³². Какими драматическими ни казались бы эти события, вскоре стало ясно, что они всего лишь прелюдия войны, объявленной нацистами политическим противникам.

Окончательный захват власти начался после выборов 5 марта 1933 года. За считанные месяцы Германия превратилась в тоталитарное государство. Нацисты взяли под контроль все немецкие земли, почти все политические партии, кроме НСДАП, были запрещены, избранный рейхстаг уступил давлению нацистов, и общество было настроено на одну-единственную волну. Многие из немцев всей душой поддерживали эти изменения. Но тем не менее террор был необходим режиму как воздух для скорейшего утверждения, оппозиция оцепенела, а потом и притихла вовсе и в конце концов подчинилась. Рейды полиции учащались, и, хотя в центре внимания по-прежнему оставались коммунисты, репрессии стали распространяться и на других представителей рабочего движения, в особенности после разгона профсоюзов в мае и СДПГ в июне 1933 года. Только за последнюю неделю июня было арестовано свыше 3 тысяч социал-демократов, в том числе многие представители высшего эшелона партии. В заключении оказалась даже часть представителей консервативных национальных партий.

Какой бы важной ни была роль полиции в репрессиях, террор весны и лета 1933 года осуществлялся прежде всего силами нацистских военизированных формирований, в основ-

¹²⁹ О пожаре Рейхстага см.: Hett, *Burning*, цит. по 16. Другие описания у Kershaw, Hubris, 456–460, 731–732; Evans, *Coming*, 328–331.

¹³⁰ О списках см.: Hett, *Crossing*, 178–179; Там же, *Burning*, 35–36; Tuchel, *Konzentrationslager*, 96–97. Руководство полиции Пруссии издало распоряжение на немедленное принятие мер в отношении коммунистов – включая превентивные аресты – днем 27 февраля 1933 г., то есть за несколько часов до пожара Рейхстага (Hett, *Burning*, 36–37). Это скорее подтверждает версию о причастности к пожару высокопоставленных нацистских руководителей.

¹³¹ Hett, *Crossing*, 158–159, цит. по 159. См. также: Mühsam, *Leidensweg* (впервые опубликовано в 1935 г.), 24; Mühldorfer, *Beimler*, 86; Suhr, *Ossietzky*, 201. О Литтене см. также: Bergbauer et al., *Denkmalsfigur*.

¹³² VöB, March 2, 1933. См. также: Tuchel, *Konzentrationslager*, 100.

ном это были сотни тысяч штурмовиков СА. Некоторые из них набрались соответствующего опыта в первые недели правления Гитлера, причем главным образом в ночь поджога Рейхстага, когда фашисты провели свой собственный розыск политических противников (согласно арестным спискам СА). Но большинство штурмовиков их начальство предпочитало держать на привязи, ибо все-таки необходимо было продемонстрировать общественности, что смена власти в стране прошла законным путем. Только после мартовских выборов 1933 года, на которых НСДАП получила хоть и не очень существенное, но все же большинство в рейхстаге, штурмовиков спустили с цепи. Преисполненные решимости создать новую Германию, опираясь на грубую силу, штурмовики громили все: ратуши, книгоиздательства, штаб-квартиры других партий и объединений, выслеживали как политических, так и личных врагов. Насилие в Германии достигло пика в конце июня 1933 года, когда берлинские нацисты совершили налет на район Берлина Кёпеникк, служивший оплотом левых сил. В течение пяти кровавых дней были убиты десятки противников нацизма, счет тяжелораненых шел на сотни; самой молодой их жертвой стал 15-летний коммунист – юноше была нанесена черепно-мозговая травма, на всю жизнь сделавшая его инвалидом¹³³.

Хотя террор на первых порах инициировали снизу, местные штурмовики действовали с ведома и при прямом попустительстве со стороны своих фюреров, открыто подстрекавших к насилию против оппозиции. Как раз перед выборами в марте 1933 года Герман Геринг, один из главных сподвижников Гитлера, заявил, что, дескать, не пёкся о юридических тонкостях, а лишь о том, как бы побыстрее «стереть в порошок» коммунистов. Во время массового митинга в середине марта вновь назначенный представитель рейхстага в земле Вюртемберг Вильгельм Мурр, нацист со стажем, решил пойти еще дальше: «Мы не говорим: око за око, зуб за зуб. Нет, но если кто-то выбьет нам глаз, мы снесем ему голову, а если кто-то выбьет нам зуб, мы сломаем ему челюсть»¹³⁴. Последовавший за этим всплеск насилия навсегда определил облик Третьего рейха: именно тогда нацистские лидеры закрепили направление политики, а их последователи старались перешеголять друг друга по части радикализма, стараясь реализовать ее на практике¹³⁵.

Еще одним наследием нацистского террора первых недель и месяцев было быстрое размывание границ между государством и партией. Влившиеся в ряды полиции нацистские активисты настолько изменили ее облик, что уже весной 1933 года трудно было порой определить разницу между репрессиями полицейского аппарата и штурмовых отрядов. 30 января 1933 года, например, Герман Геринг был назначен исполняющим обязанности главы министерства внутренних дел Пруссии (с апреля 1933 года – рейхспрезидентом), заполучив под свой контроль всю прусскую полицию. Мало того что Геринг провоцировал атаки полиции на противников нацистов, 22 февраля он распахнул двери подведомственного ему аппарата для штурмовиков и эсэсовцев, дескать, ради того, чтобы «разгрузить регулярную полицию» в ее борьбе против левых. Нацистские головорезы ликовали. Заручившись статусом вспомогательных сил полиции, они теперь получили возможность сводить счеты со своими политическими оппонентами, не волнуясь о вмешательстве со стороны полиции – отныне они сами были полицией¹³⁶.

Что же касалось штатных служащих полиции, подавляющее большинство их принадлежало к числу сочувствующих нацистам и разделявших их политические цели. Их не требовалось убеждать, как опасен коммунизм. Немецкая полиция приняла новый режим почти безого-

¹³³ См.: Longerich, *Bataillone*, 165–179; Schneider, «Verfolgt»; Mayer-von Götz, *Terror*, 51–56, 62, 80–81, 118; Hett, *Burning*, 16, 155; Browder, *Enforcers*, 39, 77; Roth, «Folterstätten», 9–10; Helbing, «Amtsgerichtsgefängnis», 250–252. О Кёпенике см. также: Hördler, *SA-Terror*.

¹³⁴ Цит. в Tuchel, *Konzentrationslager*, 52; Bracher, *Diktatur*, 229.

¹³⁵ Об этом процессе см.: Kershaw, «Working». Более широко о нацистском руководстве см. там же, *Dictatorship*.

¹³⁶ Цит. в GStA PK, I. HA Rep. 84a, Nr. 3736, Goring to Oberpräsidenten и др., February 22, 1933. См. также: Tuchel, *Konzentrationslager*, 45–53; Gruchmann, *Justiz*, 320–321; Allen, *Seizure*, 157.

ворочно, так что крупномасштабных чисток не требовалось, репрессивный аппарат Третьего рейха, по сути, был уже готов¹³⁷. В середине марта 1933 года предводитель СС Генрих Гиммлер по случаю своего назначения начальником полиции Мюнхена в газетной статье до небес превозносил сотрудничество между полицией и партией. Много врагов уже арестовано, добавил он, после того, как штурмовики и эсэсовцы представили полиции «тайные убежища марксистских организаций»¹³⁸.

Массовые аресты и задержания

Огромное число противников нацистов было арестовано сразу же после захвата власти Гитлером и его сообщниками. В общей сложности в 1933 году число арестованных по политическим мотивам достигло 200 тысяч человек¹³⁹. Почти все они были гражданами Германии, в подавляющем большинстве коммунистами, их нацисты хватали и бросали в тюрьмы первыми. Часть заключенных – таких, например, как лидер немецких коммунистов Эрнст Тельман, арестованный вместе с близкими соратниками 3 марта 1933 года, – были известны всей Германии, но большинство арестованных были мелкими функционерами или просто сочувствующими КПГ активистами – иногда даже членов поддерживаемых коммунистами спортивных клубов и певческих союзов нацисты рассматривали как «террористов». В лапах нацистов оказались в основном люди молодые и выходцы из рабочей среды. Именно они и составляли костяк коммунистического движения¹⁴⁰.

В процентном отношении среди арестованных преобладали мужчины. Число женщин-заключенных было незначительным. И они тоже, в большинстве своем, были членами КПГ, нередко известными партийными активистками или женами крупных коммунистических функционеров, которых нацисты превращали в заложников для оказания давления на их мужей¹⁴¹. Одной из заключенных в тюрьму женщин была 24-летняя Сента Баймлер, вступившая в партию еще в ранней молодости, арестованная мюнхенской полицией 21 апреля 1933 года, 10 дней спустя после ареста ее мужа, Ганса Баймлера. Всего за день до ареста Сента сообщила ему, что жалеет о том, что не ее арестовали, а его. Теперь их статус уравнился¹⁴².

Серия проводившихся в 1933 году нацистами арестов и задержаний оказалась для многих полной неожиданностью. Тысячам арестованных полицией были предъявлены обвинения в нарушении существующего законодательства Третьего рейха. Немецкие судьи тоже в большинстве своем, как и другие государственные служащие, поддержали нацистский режим.

Они ловко подводили противников нацизма под старые и новые статьи, и государственные тюрьмы стремительно заполнялись¹⁴³. Но большинству арестованных противников режима предстать перед судом все же не пришлось – по крайней мере, тогда, в 1933 году, потому что никто не поймал их с поличным при совершении противоправных действий, а арестованы они были лишь в качестве подозреваемых, то есть потенциальных врагов нового режима.

¹³⁷ Graf, «Genesis»; Browder, *Enforcers*, 30–31, 78; Gellately, *Backing*, 17–18.

¹³⁸ Цит. в «Der neue Geist im Münchner Polizeipräsidium», *VöB*, March 15, 1933. For other senior Nazis holding police powers, см.: Wilhelm, *Polizei*, 39.

¹³⁹ Wachsmann, «Dynamics», 18.

¹⁴⁰ Lürßen, «Wir», 161, 467–471; Knopetal., «Häftlinge», 55; Baganz, *Erziehung*, 119–121; Krause-Vilmar, *Breitenau*, 49, 55, 65; Kienle, «Heuberg», 48–50; Mayer-von Götz, *Terror*, 92–95; Roth, «Folterstätten», 5; Evans, *Coming*, 334. Если сравнить, как действовали нацисты при арестах коммунистов и социал-демократов, в последнем случае они действовали куда разборчивее, нередко ограничиваясь арестами достаточно заметных политических фигур.

¹⁴¹ Caplan, «Gender», 88; Kienle, «Gotteszell»; Mayer-von Götz, *Terror*, 102–103.

¹⁴² Herker-Beimler, *Erinnerungen*, 17, 21. См. также: Distel, «Schatten».

¹⁴³ Среднее число заключенных в исправительных учреждениях Германии из расчета на день увеличилось с ок. 63 тысяч (1932 г.) до ок. 95 тысяч (1933 г.), хотя не все вновь поступившие заключенные были политическими противниками; Wachsmann, *Prisons*, 69, 392–393.

В том, что касалось волны противозаконных арестов, нацистские правители ничем, по сути, не отличались от остальных революционеров: они стремились уничтожить своих врагов еще до того, как те нанесут ответный удар. Подобные радикальные методы неизбежно противозаконны, ибо в подобных случаях все юридические формальности благополучно забываются. Несколько лет спустя глава СС Генрих Гиммлер хвастался, что, мол, нацисты в 1933 году разрушили «еврейско-коммунистическую асоциальную организацию», хватая людей прямо на улицах и действуя при этом «совершенно незаконно»¹⁴⁴. Фактически большинство подозреваемых было формально взято под арест с эвфемистическим названием «превентивное заключение» (*Schutzhaft*), то есть задержание на неопределенный срок. Такая мера опиралась на Декрет рейхспрезидента «О защите народа и государства». Этот декрет, принятый кабинетом Гитлера 28 февраля 1933 года в ответ на пожар Рейхстага, приостанавливал основные гражданские свободы в стране. По словам немецкого политолога, эмигранта Эрнста Френкеля, данный указ стал чем-то вроде конституционной хартии Третьего рейха. Он оправдывал любые злоупотребления властью, включая аресты, запреты гражданских свобод без каких-либо юридических санкций. Надо сказать, незаконные аресты были не в новинку в Германии тех лет, и декрет этот был, по сути, переписан с более раннего Веймарского чрезвычайного законодательства. Но на практике все оказалось куда серьезнее: незаконные аресты были беспрецедентны и по масштабам, и по той легкости, с которой полиция и штурмовики, проводя их, прибегали к насилию¹⁴⁵.

Во время первой волны террора в марте и апреле 1933 года было задержано и помещено в превентивное заключение приблизительно 40–50 тысяч противников нацизма. Все они были арестованы главным образом полицией, штурмовиками (СА) и эсэсовцами (СС). Следующая волна лета того же года накрыла новых жертв, и, несмотря на частые освобождения, на 31 июля 1933 года в стране насчитывалось, согласно официальным данным, около 27 тысяч лиц, помещенных под превентивный арест. К концу октября их число снизилось – до 22 тысяч¹⁴⁶. Нацистская пресса утверждала, что эта форма задержания была хорошо организована. В действительности же существовало великое множество местных правил и методов касательно превентивных арестов, почти что равноценных похищениям, но при соблюдении необходимой бюрократической показухи¹⁴⁷.

Многие нацистские функционеры не утруждали себя соблюдением даже этой показухи, без лишних церемоний хватая противников режима без каких-либо официально оформленных разрешений. Государственные служащие старших рангов, муниципальные чиновники, нацистские заправилы, отребье и хулиганье из локальных ячеек НСДАП и все остальные требовали для себя права упрятать за решетку любого, кто покажется им оппозиционно настроенным в отношении нового режима. Террор снизу возрастал, вместе с ним ширился хаос, который точно охарактеризовал один разъярившийся группенфюрер СА в начале июля 1933 года: «Все арестовывают всех, обходя предписанную официальную процедуру, все угрожают всем превентивными арестами, все угрожают всем Дахау»¹⁴⁸.

Но как поступить с арестованными лицами? Несмотря на все заявления периода Веймарской республики о сокрушении противника, нацистские лидеры предпочитали не забивать голову вопросами чисто практического порядка. Как только весной 1933 года разразилась буря нацистского террора, чиновники по всей Германии отчаянно искали места содержания жертв

¹⁴⁴ BArchB, NS 19/4014, Bl. 158–204: Rede des Reichsführers SS vor Generälen der Wehrmacht, June 21, 1944, here Bl. 170.

¹⁴⁵ Цит. в Fraenkel, *Dual State*, 3. The so-called Reichstag Fire Decree is reprinted in Hirsch и др., *Recht*, 89–90. Об указе см.: Raithel and Strenge, «Reichstagsbrandverordnung». О не предусмотренных законом арестах до 1933 г. см.: Caplan, «Political Detention», 26–28.

¹⁴⁶ Drobisch and Wieland, *System*, 37–38, 104–105, 136; BArchB, R43 11/398, Bl. 92: Übersicht Schutzhaft, n.d.; Tüchel, *Konzentrationslager*, 103, 107.

¹⁴⁷ Подробнее см.: Drobisch and Wieland, *System*, 29, 31–36.

¹⁴⁸ SA Gruppenführer Schmid to MPr Siebert, July 1, 1933, NCC, doc. 11. См. также: Baganz, *Erziehung*, 69–73.

незаконных арестов. В течение первых месяцев власти нацистов было определено множество мест временного содержания под стражей, которые с полным правом можно считать первыми концентрационными лагерями¹⁴⁹.

Внешний вид этих первых нацистских лагерей весны и лета 1933 года представлял собой весьма пеструю картину. Ими управляли различные местные, региональные и государственные органы, а сами лагеря весьма разнились и по величине, и по форме. Несколько таких лагерей продолжали существовать чуть ли не до крушения Третьего рейха, но почти все первые лагеря были закрыты после нескольких недель или месяцев существования. Условия содержания заключенных тоже были разными – от вполне безопасных до угрожавших жизни и здоровью; в некоторых из них заключенные насилию не подвергались, в то время как в других процветало крайне жестокое обращение. Некоторые из вновь созданных мест изоляции политических противников удостоились термина «концентрационный лагерь», однако и сам термин употреблялся в значительной степени произвольно, в ходу были и другие, например «рабочий лагерь», «пересыльный лагерь». Обилие названий также отражало импровизационный подход нацистов в начальный период террора¹⁵⁰. Несмотря на все имевшиеся существенные различия, тем не менее первые лагеря имели одну общую цель: сокрушить оппозицию.

Многие первые лагеря устраивали на базе уже существовавших исправительно-трудовых лагерей и тюрем; весной 1933 года целые здания освобождали для подвергнутых превентивному аресту¹⁵¹. Власти рассматривали подобный подход как прагматическое решение насущной проблемы. Десятки тысяч заключенных можно было относительно быстро, дешево и надежно изолировать, причем вся инфраструктура от зданий до охранников уже была на месте¹⁵². Исправительно-трудовые лагеря вообще не составляло труда преобразовать в концентрационные – нередко они пустовали, поскольку в годы Веймарской республики практически не использовались. В большом исправительно-трудовом лагере в Морингене под Гёттингеном, например, в 1932 году содержалось менее ста нищих и бродяг, и начальник лагеря приветствовал прибытие заключенных, подвергнутых превентивному аресту, рассчитывая, что это вдохнет жизнь в его полузабытое учреждение; надо сказать, он не был разочарован¹⁵³. Сложнее обстояли дела в государственных тюрьмах, которые были уже переполнены обычными заключенными, то есть обычными преступниками, получившими различные сроки заключения. Но, желая засвидетельствовать лояльность новому режиму, правоохранительные органы согласились временно приоткрыть большие государственные тюрьмы и не очень большие тюрьмы земель для размещения контингента противозаконно арестованных. Вскоре оборудовали и камеры. К началу апреля 1933 года в одних только тюрьмах Баварии содержалось свыше 4500 заключенных, подвергнутых превентивному аресту, то есть почти столько же, сколько обычных заключенных, осужденных за совершенные уголовные преступления разной степени тяжести¹⁵⁴.

Обращение с заключенными, подвергнутыми превентивному аресту, было весьма строгим, зачастую им приходилось терпеть издевательства уголовников-сокамерников, да и в остальном вкушать все прелести мест заключения, включая изматывающий распорядок дня.

¹⁴⁹ Автор использует термин «первые лагеря» – введенный Karin Orth (*System*, 23–26) – в самом широком смысле для обозначения всех мест, не предусмотренных законом арестов, от пыточных СА до отведенных для содержания подвергнутых превентивному аресту в зданиях тюрем. О попытках типологизировать первые нацистские лагеря см.: Tuchel, *Konzentrationslager*, 42–45. О критическом подходе см.: Wachsmann and Goeschel, «Introduction», xv.

¹⁵⁰ Об этих терминах см.: Baganz, *Erziehung*, 58–61.

¹⁵¹ Tuchel, *Konzentrationslager*, 107; Gruchmann, *Justiz*, 573.

¹⁵² См. также: Caplan, «Political Detention», 30.

¹⁵³ Ayß, *Breitenau*, 14, 244, 250–251; Caplan, «Political Detention», 22, 29–30; *OdT*, vol. 2, 160–168.

¹⁵⁴ Wachsmann, «Dynamics», 19; Baganz, *Erziehung*, 81–82; Drobisch and Wieland, *System*, 31, 45. В 1932 г. в среднем из расчета на месяц в тюрьмах Баварии (не считая окружных тюрем) содержалось 4493 взрослых заключенных; BayHSt A, MJu 22663.

Тяжелее всего было отсутствие уверенности в завтрашнем дне, да и в будущем в целом, давала знать и тревога за оставшихся на воле близких. К сентябрю 1933 года Сента Баймлер уже провела свыше четырех месяцев в холодных, мрачных стенах тюрьмы Штадельхайм в Мюнхене – одной из нескольких тюрем Баварии, где в одном крыле содержались и мужчины и женщины, подвергнутые превентивному аресту. Конца этому видно не было. Что еще хуже – она не получала известий о судьбе мужа Ганса с тех пор, как он совершил дерзкий побег из Дахау; письмо, которое он послал из СССР, полное любви и заботы о ней, доберется до Сенты лишь годы спустя. Между тем полиция арестовала ее мать и сестру за их сочувствие коммунистам, а ее маленький сын был отправлен в приют. Сента Баймлер была не единственной заключенной в тюрьме Штадельхайм Мюнхена, кому не давала покоя участь родных и близких. Один из ее товарищей-коммунистов, Магдалена Кнёдлер, дети которой оказались брошены на произвол судьбы после ареста ее и ее мужа, не выдержав мук, в припадке отчаяния повесилась¹⁵⁵.

Несмотря на все трудности, большинство заключенных, подвергнутых превентивному аресту, считали пребывание в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях терпимым. Их, как правило, содержали отдельно от основного контингента тюрем, иногда в больших камерах, таким образом формировалось нечто вроде коммуны. Камеры были хоть и просты, но не убоги – койка, стул, стол, книжная полка, умывальник и ведро, служившее туалетом¹⁵⁶. Питание в основном устраивало, кроме того, заключенных не принуждали работать. Время коротали в беседах, чтении, настольных играх, иногда занимались и физическими упражнениями. За время, проведенное в берлинской тюрьме Шпандау летом 1933 года, Людвиг Бендикс, пожилой еврей умеренно левых взглядов, адвокат и юридический консультант, сумел даже написать трактат на тему уголовного права, который несколько месяцев спустя был напечатан в одном из солидных журналов по вопросам криминологии¹⁵⁷.

Известные в обществе заключенные, такие как Людвиг Бендикс или Сента Баймлер, актам насилия не подвергались или почти не подвергались. Физическое насилие уже очень давно было изжито в немецких тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях, и охранники старой закалки этого правила придерживались. Именно поэтому атмосферу в Шпандау можно было охарактеризовать, по словам Бендикса, как «сносную» и «спокойную». Несколько лет спустя Бендикс вспоминал, что охранники даже в известной степени сочувствовали ему¹⁵⁸. В некоторых других тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях заключенные перестали чувствовать себя столь спокойно и безопасно, когда штат охранников стал пополняться штурмовиками и эсэсовцами. Впрочем, если новички зарывались, охранники со стажем быстро ставили их на место¹⁵⁹. Кроме того, юристы настояли на том, чтобы заключенных, подвергнутых превентивному аресту, рассматривали как обычных заключенных и чтобы полиция и нацисты-штурмовики не вмешивались в вопросы их содержания¹⁶⁰.

Нацистская трактовка термина «превентивный арест», то есть как «взятие лица под стражу полицией в целях предотвращения угрозы жизни охраняемого», воспринималась как верх цинизма. Поскольку один смелый заключенный небольшой тюрьмы пожаловался прусским властям в конце марта 1933 года, что он, дескать, весьма «тронут проявляемой к моей персоне заботой», но не нуждается ни в какой «превентивной защите», потому что «никто из

¹⁵⁵ Herker-Beimler, *Erinnerungen*, 17–21; *OdT*, vol. 2, 169–170; Moore, «Popular Opinion», 68. О других учреждениях, где в 1933 г. содержались подвергнутые превентивному аресту женщины, см.: Riebe, «Frauen», 125–127.

¹⁵⁶ О камерах в тюрьме Айхах см.: StAMü, Strafanstalt Aichach Nr. 27, Letter, Margarete J., September 3, 1933.

¹⁵⁷ LBIJMB, MF425, L. Bendix, «Konzentrationslager Deutschland», 1937–1938, vol. 1, 5–18. См. также: Bendix, Berlin. Другие примеры см.: Kienle, «Gotteszell», 69–70; Krause Vilmar, *Breitenau*, 118–119.

¹⁵⁸ LBIJMB, MF 425, Bendix, «Konzentrationslager Deutschland», 1937–1938, vol. 1, цит. на с. 8. См. также: Wachsmann, *Prisons*, 187; Mayer-von Götz, *Terror*, 60.

¹⁵⁹ *OdT*, vol. 2, 212–113; Wisskirchen, «Schutzhaft», 139–141, 145–147; Rudorff, «Schutzhaft».

¹⁶⁰ Wachsmann, *Prisons*, 172–173.

достойных людей мне не угрожает»¹⁶¹. Впрочем, иногда именно превентивный арест с содержанием в тюрьмах или исправительно-трудовых лагерях действительно хотя бы на время уберегал кое-кого из задержанных от гибели, во всяком случае, оказаться в тюрьме было куда безопаснее, чем в первых концлагерях¹⁶². И нацисты, кипя от бешенства, сетовали, что, дескать, их противников держат в местах заключения, которые больше напоминают санатории, и требовали передать их в так называемые «концентрационные лагеря», где им будет гарантировано куда более жесткое лечение¹⁶³.

СА и лагеря СС

4 сентября 1933 года жизнь Фрица Зольмица, журналиста, социал-демократа и члена местного совета из Любека непоправимо и страшно изменилась. Тогда Зольмиц был одним из приблизительно 500 человек, находившихся в превентивном заключении в самой крупной тюрьме Германии в районе Гамбурга Фульсбюттель, рассчитанной на несколько тысяч заключенных. С конца марта 1933 года в Фульсбюттеле было отведено целое крыло для арестованных полицией лиц, подобных Зольмицу. Там первоначально управляли вполне вменяемые тюремные служащие старшего возраста, но период относительного спокойствия долго не продлился. В начале августа 1933 года гауляйтер Гамбурга (окружной лидер НСДАП) Карл Кауфман выразил свое возмущение якобы слишком мягким режимом содержания заключенных и поклялся все перетряхнуть. Всего месяц спустя Кауфман присутствовал на открытии первого централизованного концентрационного лагеря Гамбурга в другой части Фульсбюттеля. Новый лагерь, вскоре ставший известным как Kola-Fu («концлагерь Фульсбюттель»), был, по существу, личной вотчиной Кауфмана, который назначил комендантом свое доверенное лицо – ветерана НСДАП. Кауфман и его люди видели, как Зольмиц вместе с другими заключенными, выйдя из прежних камер, утром 4 сентября выстроились во дворе. После грозного выступления одного из чиновников, объявившего, что заключенным преподадут хороший урок о том, что никому не подорвать устои Германии Адольфа Гитлера, начался первый раунд систематических издевательств: новая охрана – примерно три десятка молодчиков из СС – принялась пинать ногами и избивать кулаками заключенных¹⁶⁴.

С самого начала охранники Фульсбюттеля избрали Фрица Зольмица, еврея, объектом наиболее изощренных издевательств. Девять дней спустя, 13 сентября 1933 года, они перевели его из большой камеры в подвал, в одиночную камеру, специально отведенную для пыток самых, по их мнению, «неисправимых» заключенных. Зольмица тут же обступили девять охранников и стали охаживать плетками. Они продолжали его бить, даже когда он без чувств свалился на пол. Когда эсэсовские церберы устали, они с ног до головы были в крови Зольмица, которому пробили голову. Придя в чувство и оправившись после побоев, он записал все, что с ним произошло, на крохотных листках папиросной бумаги, которые спрятал под крышечкой часов. Еще одну записку он написал вечером 18 сентября, сразу же после ухода из его камеры группы эсэсовцев. Они угрожали ему новыми побоями на следующий день: «Какой-то верзила-эсэсовец отдал мне пальцы ног, вопя: «Да я тебя в бараний рог скручу! Свинья пар-

¹⁶¹ L. Pappenheim to District President Kassel, March 31, 1933, in Krause-Vilmar, *Breitenau*, 73. В то время немецкий политик и еврей по национальности, член СДПГ Людвиг Папенхайм был подвергнут превентивному аресту и содержался в тюрьме Шмалькальдена. 4 января 1934 г. он был зверски убит охранниками в одном из первых лагерей Нойзуструме; Там же, 191–203.

¹⁶² Ср., например, насилие, которому подвергся Ганс Литтен в первом нацистском лагере Зонненбург в апреле 1933 г., с куда более мягким обращением в тюрьме Шпандау несколькими неделями позже; Hett, *Crossing*, 171–173.

¹⁶³ Один такой пример см.: Roth, «Folterstätten», 14. Более широко см.: Wachsmann, *Prisons*, 59–61; Schilde, «Tempelhofer», 66.

¹⁶⁴ Address by M. Lahts, September 4, 1933, NCC, doc. 13; Diercks, «Fuhlsbüttel». На бумаге лагерь Фульсбюттель до декабря 1933 г. перешел под ответственность законных властей, когда его переподчинили местной полиции, по всем вопросам, кроме чисто хозяйственных (Там же, 273–274, 307). См. также: Guckenheimer, «Gefängnisarbeit», 112; Klee, *Personenlexikon*, 301.

шивая!» Ему вторил другой: «А почему бы тебе не удавиться? Тогда хоть бить уже не будут!» Зольмиц не сомневался, что все говорилось всерьез. «Боже, что делать?» – в отчаянии спрашивал он себя. Но уже несколько часов спустя Зольмиц скончался от побоев своих мучителей. Он был одним из как минимум десяти заключенных, погибших в гамбургской тюрьме-концлагере Фульсбюттель в 1933 году: все они были активистами КПП¹⁶⁵.

Факт гибели Фрица Зольмица со всей ясностью передает то, насколько сильно разнились первые лагеря, в особенности те, где охранниками служили государственные служащие, и те, где власть над заключенными была передована изуверам из нацистских военизированных формирований. Сотни первых лагерей контролировались охранниками из СА или СС. Часть лагерей соорудили для разгрузки переполненных тюрем. Этому предшествовало множество нареканий и жалоб со стороны юридических органов, настаивавших на переводе заключенных, арестованных «в целях личной безопасности»¹⁶⁶. Это вполне устраивало самых непримиримых из нацистов, поскольку открывало им возможность обрести, по сути, неограниченный контроль над заключенными. Адольф Вагнер, новый государственный комиссар, возглавлявший министерство внутренних дел Баварии – и доверенный человек Гитлера, еще 13 марта 1933 года объявил, что, если земельные тюрьмы переполнены, арестованных врагов следует содержать в «заброшенных руинах»¹⁶⁷. Собственно, коричневорубашечники уже и так переходили от слов к делу.

Весной и летом 1933 года первые лагеря, управляемые СА и СС, возникли в самых, казалось бы, неподходящих местах. Нацистские активисты захватывали все, что только можно, включая захудалые или пустовавшие гостиницы, замки, спортплощадки¹⁶⁸. В саксонском Аннаберге [Аннаберг-Буххольц] даже ресторан ухитрились приспособить под временный лагерь; его владелец был штурмбанн-фюрером СА, он же стал и комендантом нового лагеря, а жена была поварихой – готовила пищу заключенным¹⁶⁹. Наиболее распространенным было использование пивных СА, где нередко содержали буквально пару десятков заключенных. Многие годы жизнь местных фашистов была сосредоточена вокруг этих пивнушек, служивших неофициальными штаб-квартирами и местами встреч, выпивок и совещаний, на которых планировались атаки на политических противников. Именно из подобного рода заведений и выплескивалось насилие на улицы немецких городов в годы Веймарской республики. Но весной 1933 года террор ринулся вспять – с улиц в пивные¹⁷⁰.

«Число нацистских пыточных не поддается учету, – писал коммунист Теодор Больк о Германии весной 1933 года. – Нет такого городского квартала, нет такой деревни, где бы они не устроили бы свое логово»¹⁷¹. Естественно, автор этих строк выражался образно, но управляемые фашистами лагеря действительно покрыли Германию. Разработанные как оружие против рабочего движения, большинство этих первых лагерей появились в городах и промышленных районах¹⁷².

¹⁶⁵ Цит. в выдержках из тайных записей Ф. Зольмица, 13–18 сентября 1933 г., NCC, doc. 29. См. также: USHMM, RG-11.001M.20, reel 91, 1367–233, Bl. 2–3: Berichte aus Hamburg, n.d.; Jürgens, Solnitz; Diercks, «Fuhlsbüttel», 290; Drobisch and Wieland, *System*, 128.

¹⁶⁶ См.: Gruchmann, *Justiz*, 573–574.

¹⁶⁷ IfZ, Fa 183/1, Bl. 269: Wagner to Frank, March 13, 1933. См. также: Bauer et al., *München*, 231.

¹⁶⁸ О различиях между первыми лагерями см.: Benz and Distel, *Terror*; Там же, *Herrschaft*; Там же, *Gewalt*.

¹⁶⁹ Baganz, *Erziehung*, 87–88.

¹⁷⁰ О пивных штурмовиков в годы Веймарской республики см.: Reichardt, *Kampfbründe*, 449–462.

¹⁷¹ Цит. в Mayer-von Götz, *Terror*, 56.

¹⁷² В одной только Саксонии, например, в 1933 г. было создано свыше 30 подобных лагерей; Baganz, *Erziehung*, 24, 78–81.

Средоточием таких лагерей был «красный Берлин». В течение 1933 года батальоны СА и отряды СС управляли более чем 170 первыми лагерями в Берлине, сосредоточенными в районах, известных оппозиционностью нацистскому режиму. В рабочих районах города, таких как Вединг и Кройцберг, например, где в марте 1933 года абсолютное большинство проголосовало либо за КПГ, либо за СДПГ, только за период весны 1933 года соорудили самое меньшее 34 первых лагеря. Для сравнения: в благополучном районе Целендорф существовал всего один такой лагерь. И нередко нацистским головорезам требовалось от силы несколько минут для доставки очередной партии жертв в один из временных лагерей, устроенных, как правило, в пивных СА, или даже на частных квартирах, или в так называемых Домах СА, служивших приютами для безработных и бездомных нацистов в последние годы Веймарской республики¹⁷³.

Некоторые заключенные за относительно короткий период успели побывать в нескольких временных лагерях. Весьма известный симпатиями к левым адвокат Якоб Брох, например, был схвачен группой местных штурмовиков прямо у себя в доме в районе Берлина Вильмерсдорф 11 марта 1933 года. Оттуда его переправили в устроенный на частной квартире пыточный лагерь. На следующий день Броха перевели в пивную СА, а несколько дней спустя – в дом одного местного фюрера СА. После показавшейся Якобу Броху бесконечной недели издевательств он почувствовал, что «больше не в состоянии выдерживать пытки». Его скорбный путь завершился лишь в берлинской тюрьме Шпандау¹⁷⁴.

¹⁷³ Mayer-von Götz, *Terror*, 19, 23–24, 56–60; Reichardt, *Kampfbünde*, 468–475. Более подробно о выборах в Берлине см.: «Wahl zum Deutschen Reichstag in Berlin am 5.3.1933», (прислано автору ответственной за выборы в Берлине в октябре 2011 г.).

¹⁷⁴ USHMM, RG-11.001M.20, reel 91, 1367–2–33, Bl. 19–20: Bericht Justizrat Broh, n.d. For Broh, см.: Liebersohn and

Многие из первых лагерей, управляемых нацистскими военизированными формированиями, возникли как инициатива на местах, то есть практически без каких-либо санкций сверху. Но было бы ошибочным списывать их всех к «диким лагерям», как пытаются отдельные историки. У многих из этих лагерей с самого начала существовали связи с государственными органами, в чем, собственно говоря, ничего экстраординарного нет, ибо теснейшие контакты НСДАП и аппарата полиции были секретом Полишинеля. Действительно, часть лагерей, находившихся под управлением СА и СС, были созданы с ведома и по инициативе управления полиции, и полицейским чиновникам было весьма свойственно поощрять злоупотребления при обращении с заключенными, вытягивать из них «признания» с помощью побоев. Но даже если кое-где подобных связей и не существовало, то вскоре они появились. Ни один из лагерей СА не оставался вне пристального внимания региональной полиции на более-менее длительный срок¹⁷⁵.

Взять хотя бы лагерь в Ораниенбурге, севернее Берлина, который обрел печальную славу из-за царившего в нем насилия. Местные штурмовики батальонов СА учредили там лагерь 21 марта 1933 года, причем располагался он на территории бывшего пивоваренного завода. В нем под стражей находилось 40 человек заключенных. Однако всего несколько дней спустя лагерь формально перевели под управление окружных муниципальных властей. Вскоре полиция и муниципальные власти стали направлять предполагаемых противников нового режима в непрерывно расширявшийся лагерь, до сих пор укомплектованный охранниками СА. К августу 1933 года Ораниенбург принадлежал к числу самых крупных первых лагерей Пруссии: в нем содержалось свыше 900 заключенных¹⁷⁶.

Условия содержания в первых лагерях, находившихся под управлением представителей нацистских военизированных формирований, были везде одинаково непереносимыми. Безусловно, львиная доля вины лежит на охранниках СА и СС, но существовали и объективные проблемы практического порядка. В отличие от тюрем и исправительно-трудовых лагерей, изначально приспособленных для содержания заключенных под стражей, в первых лагерях, располагавшихся в не приспособленных для подобных целей зданиях и помещениях, приходилось сталкиваться с рядом проблем. Не хватало уборных, кухонь, зачастую не было подведено даже отопление, и заключенным приходилось жить буквально на голом полу промерзших помещений – например, в бывших складах, хранилищах или машинных отделениях, крыши которых нередко протекали, а окна были без стекол. В Ораниенбурге заключенные первое время спали на соломе – ею был покрыт бетонный пол длинных и узких подвалов, ранее использовавшихся для хранения стеклотары. Даже в летние месяцы там было сыро, темно и довольно холодно, и заключенные «мерзли как собаки», как вспоминал бывший заместитель фракции СДПГ в рейхстаге Герхарт Зегер, доставленный в Ораниенбург в июне 1933 года. Позже заключенные спали на крошечных трехъярусных деревянных койках, которые напоминали Зегеру «кроличьи клетки». «Еда была под стать условиям проживания. Как и во многих других лагерях СА, рацион в Ораниенбурге был скудным, а еда отвратительна на вкус, так что некоторые заключенные даже предпочитали голодать»¹⁷⁷. Но самым непереносимым был произвол охраны, по злобе она ничуть не уступала охране в Фюльсбюттеле в Гамбурге: как минимум семь человек заключенных Ораниенбурга погибли в период с мая по сентябрь 1933 года¹⁷⁸.

Schneider, «My Life», 47.

¹⁷⁵ См. о концлагере Тухай, 38–42. См. также: Там же, «Organisationsgeschichte», 12–13. О пытках и «признаниях» см.: Diercks, «Fuhlsbüttel», 286–287; Roth, «Folterstätten» 16–17; LG Nuremberg-Fürth, Urteil, November 29, 1948. JNV, vol. 3, 580–582.

¹⁷⁶ Dörner, «Ein KZ».

¹⁷⁷ Seger, «Oranienburg» (впервые опубликовано в 1934 г.), цит. 26–27. См. также: Drobisch, «Oranienburg», 18. О других лагерях см.: Drobisch and Wieland, System, 108–114; Mayer-von Götz, *Terror*, 74, 121–32; Baganz, *Erziehung*, 159–171; Rudorff, «Privatlager», 158–160.

¹⁷⁸ Цифры см.: Morsch, *Oranienburg*, 220.

Охранники СА и СС

Если пытки являлись сущностью национал-социализма, как утверждал австрийский философ и оставшийся в живых узник концентрационного лагеря Жан Амери, то первые лагеря СА и СС являлись сущностью Третьего рейха периода его становления¹⁷⁹. Справедливости ради следует упомянуть, что не все охранники были садистами и мучителями и в 1933 году, и позже. Пока что штурмовики и эсэсовцы лишь осваивались, входили в роль; среди них встречались и такие, кто всеми правдами и неправдами старался уклониться от издевательств над беззащитными заключенными. Был даже случай, из разряда исключительных, когда несколько охранников СС даже выступили против избияния пожилых людей, но их подняли на смех коллеги – для тех дурное обращение с заключенными быстро стало второй натурой¹⁸⁰.

Насилие начиналось сразу же по прибытии. Сломать вновь прибывших, лишить их достоинства и заставить безоговорочно покоряться новым властителям их судеб – во все времена было и остается общепринятым и повсеместным ритуалом в «тоталитарных институтах», но в первых лагерях СА и СС он был доведен до злодейского совершенства¹⁸¹. Буквально с первых минут и часов охранники применяли силу даже, казалось, безо всякой на то необходимости, например при отдавании обычных распоряжений: заключенные лишались права на всякие возражения и были полностью отданы воле их охранника¹⁸². Едва люди успели прибыть, как на них с оскорблениями набрасывались охранники. «Слезайте, скоты, и поживее! – такими словами охранники Дахау в начале июля 1933 года встретили прибывший грузовик с заключенными. – Вы у меня здесь набегаетесь! Продырявлю вашу шкуру насквозь! Только посмейте пикнуть!»¹⁸³ Вербальные оскорбления шли рука об руку с оскорблениями действием, когда штурмовики и эсэсовцы ногами пинали лежавших на земле людей и хлестали их плетью¹⁸⁴. Нередко это сопровождалось изнурительными и бессмысленными физическими упражнениями и краткой, избобовавшей угрозами речью старшего охранника. Заключенные подвергались личному обыску, иногда их фотографировали и брали отпечатки пальцев – все ради того, чтобы убедить их в том, что, дескать, они – общественно опасные лица, уголовные преступники и будут рассматриваться как таковые¹⁸⁵. Все перечисленные процедуры составляли некий шаблон для заключенного, это было как «добро пожаловать к нам», тщательно продуманный и установленный порядок, в котором оскорблениям и насилию суждено было уже скоро занять прочное место, стать неотъемлемой частью системы концентрационных лагерей СС¹⁸⁶.

Все заключенные – независимо от пола и возраста – становились объектом бесчинств охранников СС и СА¹⁸⁷. Эсэсовцы били заключенных ногами и кулаками, дубинками и плетью. У очень многих узников тело было в шрамах, челюсти разбиты, внутренние органы повреждены, кости сломаны. Наказывая заключенного, охранники превращали его в объект для насмешек, но были методы еще более зверские. Изверги выбривали волосы на теле жертв, приказывали им избивать друг друга, пичкали их касторовым маслом (пытка, перенятая у итальянских фашистов), заставляли есть экскременты, пить мочу¹⁸⁸. В первых лагерях широко

¹⁷⁹ Ameri, *Jenseits* (впервые опубликовано в 1966 г.), 47.

¹⁸⁰ Langhoff, *Moorsoldaten*, 162. Еще примеры см.: Там же, 70, 77, 88–89, 195.

¹⁸¹ См.: Goffman, *Asylums*.

¹⁸² О насилии как о форме общения см.: Keller, *Volksgemeinschaft*, 422.

¹⁸³ Цит. в Burkhard, *Tanz*, 22. Еще примеры см.: JVL, JAO, Review of Proceedings, United States v. Weiss, n.d. (1946), 29.

¹⁸⁴ Mailänder Koslov, *Gewalt*, 418.

¹⁸⁵ Seger, «Oranienburg», 57; Mayer-von Götz, *Terror*, 120.

¹⁸⁶ Neurath, *Gesellschaft* (completed in 1943), 30–37.

¹⁸⁷ Ibach, Kemna, 18. Об издевательствах над женщинами см.: Mayer-von Götz, *Terror*, 80, 101.

¹⁸⁸ Mayer-von Götz, *Terror*, 125, 137–146. См. также: Bernhard, «Konzentrierte», 235–236.

было распространено и сексуальное насилие, по крайней мере по сравнению с поздними лагерями СС. Мужчин били по обнаженным половым органам, а некоторых принуждали к взаимной мастурбации; в Дахау один заключенный летом 1933 года скончался, когда эсэсовец вставил шланг ему в прямую кишку и включил воду под сильным напором¹⁸⁹. Насилию подвергались и женщины-заключенные – их охранники били по обнаженным бедрам, ягодицам, грудям; сообщается также и о случаях изнасилований¹⁹⁰.

Откуда этот всплеск насилия? Обычно в штат лагерной охраны не отбирали кадры по принципу присущей им жестокости, однако в силу всеобщего хаоса 1933 года уследить за этим было трудно¹⁹¹. Большинство лагерных комендантов назначались из числа тех, кто возглавлял местные военизированные формирования¹⁹². Что же касается набора охранников, тут и вовсе речь шла о случайных людях. Эсэсовец Штайнбрэннер, тот самый, кто подвергал пыткам Ганса Баймлера, позже под присягой заявил, что однажды вечером в конце марта 1933 года в Мюнхене он направлялся на службу (Штайнбрэннер служил вспомогательным полицейским) и по пути случайно встретил офицера из своего же подразделения. К удивлению Штайнбрэннера, офицер велел сесть в стоявший неподалеку автобус, где уже сидели штурмовики. 27-летний Штайнбрэннер и понятия не имел, что автобус этот направлялся в Дахау и что ему в том лагере придется временно исполнять обязанности охранника¹⁹³. Ни Штайнбрэннер, ни другие охранники первых лагерей из числа штурмовиков или эсэсовцев добровольцами не были¹⁹⁴. Многие, вероятно, с охотой восприняли бы подобное назначение, прежде всего те, кто входил в число огромной армии безработных. Официально их в Германии к началу 1933 года насчитывалось около 6 миллионов человек. Теперь же они получили твердое жалованье плюс бесплатное питание. Нацистские заправилы сознательно стимулировали назначение в первые лагеря безработных партийных активистов как своего рода вознаграждение. В одном только лагере в городе Ораниенбурге всего за июнь 1933 года было нанято 300 человек¹⁹⁵. В то же время многие новоиспеченные церберы расценивали нынешние малооплачиваемые должности исключительно как временные, и почти все по истечении нескольких недель или месяцев шли на повышение, причем это касалось и комендантов лагерей. Лишь очень немногие рассчитывали на возможность карьерного роста в лагерях¹⁹⁶.

Но, невзирая на все огрехи такого импровизационного рекрутирования, очень многие штурмовики и эсэсовцы были натасканы на насилие, считавшееся в их формированиях добродетелью. Другими словами, не было нужды в отборе наиболее злобных охранников, поскольку штурмовики и эсэсовцы уже были таковыми. Большинство из них были молодыми людьми 20–30 лет, выходцами из рабочих семей или же низшего сегмента среднего класса. Все они принадлежали так называемому лишнему поколению – слишком молодых для участия в Первой мировой войне и наиболее пострадавших от экономических потрясений Веймарской республики. Большинство их искало самореализации в радикальных политических движениях Гер-

¹⁸⁹ О Дахау см.: DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», лето 1934 г., 20; Zamecnfk, *Dachau*, 46. Другие примеры см.: USHMM, RG-11.001M.20, reel 91, 1367–2–33, Bl. 19–20: Bericht Justizrat Broh, n.d.; Abraham, «Juda», 131–133.

¹⁹⁰ Bendig, «Unter Regie», 100; Rudorff, «Misshandlung», 51–52; Moore, «Popular Opinion», 117; USHMM, RG-11.001M.20, reel 91, 1367–2–33, Bl. 2: Bericht aus Staaken, n.d.; Baganz, *Erziehung*, 133–135.

¹⁹¹ См. также: Rudorff, «Misshandlung», 42.

¹⁹² Mayer-von Götz, *Terror*, 112–13; Baganz, *Erziehung*, 151.

¹⁹³ StAMü, StA Nr. 34479/1, Bl. 93–97: Lebenslauf H. Steinbrenner, n.d. (c. late 1940s). См. также: Dillon, «Dachau», 57, 59, 141.

¹⁹⁴ Некоторые штурмовики, оказавшиеся не у дел, в письменной форме обращались к начальству с просьбой принять их в число охранников местных лагерей; Moore, «Popular Opinion», 142.

¹⁹⁵ Dillon, «Dachau», 45, 141; Baganz, *Erziehung*, 149; Stokes, «Das oldenburgische Konzentrationslager», 190–196; Reichardt, *Kampfgebäude*, 330–331; Drobisch and Wieland, *System*, 54; Tooze, *Wages*, 48, table 1.

¹⁹⁶ Mayer-von Götz, *Terror*, 117–118; Baganz, *Erziehung*, 152; Lürßen, «Moorsoldaten», 177. Об оплате см.: Seubert, «Vierteljahr», 73; BArchL, B 162/7998, Bl. 623–644: Vernehmung J. Otto, April 1, 1970, 623–624.

мании периода между двумя мировыми войнами¹⁹⁷. Эти штурмовики и эсэсовцы были ветеранами политического экстремизма Веймарской республики, о чем свидетельствовали шрамы на теле и уголовные дела, заведенные на них полицией¹⁹⁸. В их глазах атака на левые силы в 1933 году была кульминацией гражданской войны, не прекращавшейся в стране с 1918 года и направленной против СДПГ (как главной защитницы Веймарской республики) и КППГ (как главного агента большевизма). «Штурмовые отряды были готовы сражаться ради победы революции, — позже писал комендант лагеря Ораниенбург штурмбаннфюрер СА Вернер Шефер о первом дне в лагере, — с тем же упорством, с каким они отвоевывали для себя пивные, улицы городов и деревень»¹⁹⁹. Террор, тот самый, который властвовал в первых концлагерях, собственно, и вырос непосредственно из вскормленной насилием политической культуры Веймарской республики.

Свирепость, с которой охранники обращались с заключенными, объясняется и весьма специфическим менталитетом нацистских полувоенных образований образца 1933 года, объединившим в себе эйфорию победы и вседозволенности с параноидальными идеями — смесь, в высшей степени взрывоопасную. Охранники праздновали победу нацизма. Опьяненные внезапно свалившейся на них властью, они были отнюдь не великодушными победителями: украсив лагерь захваченными знаменами левых партий, они впечатывали свое превосходство каблуками сапог в тела поверженных противников²⁰⁰. «Подумайте, а что они сделали бы с вами», — вдалбливало начальство лагеря Кольдиц в головы штурмовиков и эсэсовцев, натравливая их на заключенных весной 1933 года²⁰¹. Нередко ненависть к заключенным была не отвлеченной, а вполне персонифицированной. По причине локального характера раннего нацистского террора тюремщик и заключаемый в тюрьму порой неплохо знали друг друга. Они выросли на тех же улицах и делили долгую историю вражды и мести. Теперь настало время окончательно свести счеты. Как писал в 1934 году один бывший заключенный Дахау, худшее, что может случиться с заключенным, — это быть узванным охранником из твоего же родного города²⁰².

Но за безудержным хвастовством охранников скрывалась тревога. Нацистская пропаганда столь долго мусолила тему коммунистической угрозы, что ее быстрое и сокрушительное поражение казалось слишком уж легким. Страх перед неизбежным контрударом преследовал очень многих нацистов весной и летом 1933 года. Впрочем, и некоторые из заключенных-коммунистов не сомневались, что восстание рабочих не за горами²⁰³. Нацистские чиновники опасались, что их первые лагеря подвергнутся атаке вооруженных рабочих бригад, как тюрьмы во время революции в Германии 1918–1919 годов. Охрану призывали хранить бдительность перед лицом возможных угроз извне²⁰⁴.

Постоянная боязнь призрака коммунизма подталкивала охранников к агрессии, в особенности в ходе так называемых допросов. Во многих первых лагерях существовали специальные камеры пыток, где властвовали штурмовики и эсэсовцы, где охранники вытягивали

¹⁹⁷ О термине «поколение лишних людей» см.: Peukert, *Weimar*, 18, 89–95. Более широко см.: Reichardt, *Kampfbünde*, 384–386, 703–707. О социальном происхождении охранников см.: Dillon, «Dachau», 29–30; Krause-Vilmar, Breitenau, 147–148; Diercks, «Fuhlsbüttel», 275; Lechner, «Konzentrationslager», 89–90.

¹⁹⁸ Reichardt, *Kampfbünde*, 697–699, 712, 719; Drobisch and Wieland, *System*, 96.

¹⁹⁹ Schäfer, *Konzentrationslager*, 21. Более широко см.: Dillon, «Dachau», 39–40; Reichardt, *Kampfbünde*, 617–624; Moore, «Popular Opinion», 48–50.

²⁰⁰ См.: Mayer-von Götz, *Terror*, 123. Более широко о взаимосвязи между тотальной властью и насилием см.: Zimbardo, *Lucifer*, 187.

²⁰¹ Baganz, *Erziehung*, 97–98, цит. по 189.

²⁰² Ecker, «Hölle», 25. Примеры см. в Stokes, «Das oldenburgische Konzentrationslager», 196; Ibach, *Kemna*, 22; Morsch, «Oranienburg – Sachsenhausen», 121–122.

²⁰³ Dillon, «Dachau», 47–51; Кноп и др., «Häftlinge», 47–48; Wohlfeld, «Nohra», 116–117.

²⁰⁴ Dillon, «Dachau», 67–68. См. также: Wachsmann, *Prisons*, 36; ITS, ARCH/HIST/KL Kislau, Bl. 59–72: Wachvorschrift, July 12, 1933.

из заключенных имена, адреса явочных квартир и тайных складов оружия. В Ораниенбурге, например, изуверы штурмовики в камере номер 16 избивали заключенных до тех пор, пока тела не превращались в сплошное кровавое месиво²⁰⁵. Смертельные случаи среди заключенных пока что были относительной редкостью в первых лагерях. Вопреки мнению о том, что уже первые нацистские лагеря были оплотом геноцида, высказываемому отдельными исследователями, в частности Ханной Арендт, подавляющее большинство заключенных выживало²⁰⁶. Но многие сотни их погибли в 1933 году от рук палачей-охранников или же покончили жизнь самоубийством. Самыми уязвимыми из всех были евреи и известные политические заключенные²⁰⁷.

«Выбор объектов издевательств»: «важные шишки» и евреи

6 апреля 1933 года от Силезского вокзала Берлина отошел специальный поезд до Зонненбурга в Восточной Пруссии, где штурмовики только что обустроили очередной лагерь на месте заброшенной исправительной колонии – за два года до описываемых событий там разразилась эпидемия дизентерии, заключенные были распределены по другим тюрьмам, а зонненбургская колония закрыта. В этом поезде находилось свыше 50 человек политических заключенных («важные шишки»), включая Эриха Мюзама, Карла фон Осецкого и Ганса Литтена. После их ареста в Берлине ранним утром 28 февраля 1933 года эти трое несколько недель провели в тюрьмах, описывая тамошние условия как «отнюдь не курортные», но «переносимые»²⁰⁸. Однако никто из них не мог предполагать, что еще предстоит.

В пути следования в Зонненбург над заключенными издевались и избивали их, а по прибытии на место начался настоящий ад. Особую ненависть охранников из штурмовых батальонов вызывали именно эти трое – Мюзам, Осецки и Литтен. Они были не только интеллектуалами левого толка – этих штурмовики и эсэсовцы ненавидели больше других, а символом этого типа людей служил для них носивший очки Мюзам, – но и были людьми известными: одна местная газета даже объявила об их прибытии. Анархиста Эриха Мюзама нацисты огульно обвинили виновным в гибели заложников в Мюнхене во время восстания 1919 года (как и Ганса Баймлера). Публицист Осецки ранее неоднократно выступал за расформирование берлинского батальона «Штурм 33» (прозванного «батальоном убийц»), в котором служили многие нынешние лагерные охранники, а адвокату Литтену приходилось встречаться с некоторыми штурмовиками из упомянутого батальона в суде. Теперь роли поменялись, и под конец ужасающего дня, когда Литтена едва не задушили, все трое провели первую ужасающую ночь в одной из камер Зонненбурга²⁰⁹.

Пытки продолжались в течение следующих дней. Сначала двоим физически слабым, пожилым людям, Осецкому и Мюзаму, велели вырыть могилу на тюремном дворе. Потом они должны были встать на краю могилы, как будто для расстрела, но расстрела не последовало, а штурмовики, покатываясь со смеху, опустили винтовки. После этого их заставили выполнять унижительные и тяжелые физические упражнения, бегать по кругу и терпеть другие издевательства. Карл фон Осецки, не выдержав, потерял сознание и был помещен в тюремный лазарет. Эрих Мюзам в забрызганной кровью одежде 12 апреля тоже был доставлен в лазарет с

²⁰⁵ Seger, «Oranienburg», 28–30; Mayer-von Götz, *Terror*, 63, 65, 89, 93, 138.

²⁰⁶ Arendt, «Concentration Camps», 758.

²⁰⁷ Цифры по отдельным лагерям см.: Drobisch and Wieland, *System*, 127–131; Mayer von Götz, *Terror*, 147–152.

²⁰⁸ Цит. в Mühsam, *Leidensweg*, 25; Suhr, *Ossietzky*, 203. Более широко см.: Nürnberg, «Außenstelle»; Drobisch and Wieland, *System*, 55; Hett, *Crossing*, 161; Litten, *Mutter*, 18; Hohengarten, *Massaker*, 13.

²⁰⁹ Mühsam, *Leidensweg*, 26, 29; Drobisch and Wieland, *System*, 55; Hett, *Crossing*, 71, 162–163; Suhr, *Ossietzky*, 203; Wünschmann, «Jewish Prisoners», 39. О ненависти лагерных охранников к представителям интеллигенции см. также: Kautsky, *Teufel*, 75–76.

«серьезным сердечным приступом», как позже он отметил в дневнике. Ганс Литтен между тем подвергался «опасным для жизни» пыткам, как он тайно сообщил близким перед тем, как совершить попытку самоубийства, вскрыв вены²¹⁰. Всего за несколько дней в Зонненбурге охранники из СА едва ли не довели всех троих заключенных до смерти.

Подобное происходило и в других первых лагерях, которыми управляли служащие нацистских военизированных формирований. И речь шла не о каких-нибудь экстремистах: досталось и представителям весьма умеренного крыла СДПГ. 8 августа 1933 года, например, берлинская полиция доставила в Ораниенбург нескольких известных политиков, среди них лидер парламентской фракции СДПГ Эрнст Хайльман, один из самых влиятельных политиков времен Веймарской республики, и Фридрих Эберт, депутат рейхстага от СДПГ, редактор газеты и сын покойного первого рейхспрезидента Веймарской республики, объект ненависти немецких правых. Охранникам из СА поручили организовать «церемонию приветствия» столь известных заключенных. По прибытии Хайльмана и Эберта заставили позировать для пропагандистских фото. Потом они стояли по стойке смирно на лагерном плацу, где один из командиров штурмовиков оскорблял их: «Вот, полюбуйтесь на этих проходимцев! Этих жуликов! Подонки! Псы вонючие!» Вопя во весь голос, он обозвал Хайльмана «красной свиньей», Эберта – «кровожадным интриганом». Этим все не кончилось. Охранники вынудили своих жертв раздеться перед всеми догола, потом переодеться в лагерное тряпье, а после этого им обрили головы. Позже Эберт и Хайльман наверняка тоже прошли через печально известную «камеру № 16». В ближайшие недели издевательства продолжились. Как и другие «важные шишки», Хайльман и Эберт должны были выполнять особенно тяжелую, бессмысленную и грязную работу. И каждый раз, когда нацистские сановники являлись с визитом в Ораниенбург, этих двоих заключенных представляли им как диких зверей в зоопарке²¹¹.

Бешеная ненависть охранников к известным политическим заключенным усугублялась и радикальным антисемитизмом. То, что у некоторых из жертв – в частности, у Хайльмана, Мюзама и Литтена – были еврейские корни, использовалось как подтверждение расхожих стереотипов о прямой связи евреев со всеми бедами в мире и проистекающей из этого смертельной угрозе «еврейского большевизма»²¹². Ядром нацистского мировоззрения являлся крайний антисемитизм, заклеймивший евреев как самых опасных врагов. Их обвиняли во всех невзгодах, которые, как утверждалось, преследовали современную Германию: от «ножа в спину» [в 1918 году] до возникновения коррумпированного веймарского режима. Убежденность охранников Зонненбурга в том, что все евреи – заклятые враги, была столь глубока, что они никак не желали поверить в то, что Карл фон Осецки не еврей (он на самом деле не был евреем), и подвергали «эту еврейскую свинью» еще большим нападкам²¹³.

Немецкие евреи составляли ничтожно малый процент от числа заключенных первых лагерей, возможно, не более 5 %²¹⁴. Однако это свидетельствовало скорее о том, что не за горами время, когда евреев еще бросят в лагеря, причем вероятность оказаться там для них была куда выше, чем для обычного среднего немца рейха²¹⁵. В целом в течение 1933 года в пер-

²¹⁰ Цит. в Litten, *Mutter*, 22; Mühsam, *Leidensweg*, 30. См. также: Там же, 27–29; Suhr, *Ossietzky*, 203–205; Buck, «Ossietzky», 22; Braunbuch (впервые опубликовано в 1933 г.), 287; Hett, *Crossing*, 163.

²¹¹ Цит. в Abraham, «Juda», 135. См. также: Там же, 135–136; Seger, «Oranienburg», 51–54 (утверждение о том, что два упомянутых лица не подвергались насилию в день прибытия); BArchB, R 43 11/398, Bl. 99: Gestapa to RK, September 27, 1933; Büro, *Reichstagshandbuch* 1933, 121; Danckwortt, «Jüdische Schutzhaftlinge», 154–155. Предупреждения о прибытии в лагерь очередной партии заключенных см.: Lüerßen, «Moorsoldaten», 169. О принудительном труде известных политиков в лагерях см.: Kienle, «Heuberg», 54; Rudorff, «Privatlager», 163.

²¹² Ганс Литтен официально считался наполовину евреем («метисом 1-й степени») согласно принятым в 1938 г. Нюрнбергским законам (его мать была протестанткой, а отец перешел в протестантизм из иудаизма); Hett, *Crossing*, 7.

²¹³ Цит. в Kraiker, Suhr, *Ossietzky*, 103.

²¹⁴ См.: Wünschmann, «Jewish Prisoners», 86, 89.

²¹⁵ Согласно данным на лето 1933 г., в рейхе насчитывалось около 500 тысяч евреев, то есть 0,77 % населения; Friedländer,

вых лагерях находилось до 10 тысяч немецких евреев²¹⁶. Большинство их подвергли аресту и заключению не как евреев, а как левых активистов (хотя вопреки нацистской пропаганде евреи отнюдь не составляли большинство среди немецких коммунистов)²¹⁷. Но некоторые слишком уж ретивые служаки арестовывали евреев исключительно по причине происхождения. Среди таких оказалось много адвокатов. Министерство внутренних дел Саксонии вынуждено было напомнить своим полицейским, что «сама по себе принадлежность к еврейской расе не является причиной для превентивного ареста»²¹⁸. В Берлине между тем в мае 1933 года местные лидеры СА предупреждали своих сотрудников, что «не все брюнеты – евреи»²¹⁹. Похищения и аресты были частью антисемитской волны, пронесшейся по Германии весной и летом 1933 года. Пока новоиспеченные фюреры разрабатывали дискриминационные меры, пытаясь выполнить свое обещание изгнать евреев из общественной жизни Германии, местные головорезы по собственной инициативе пошли в атаку на евреев – как на предпринимателей, так и на простых людей. Некоторые евреи попали в первые лагеря нередко по доносу соседей или деловых конкурентов – чаще всего их обвиняли в таких «преступлениях», как спекуляция или сексуальные отношения с так называемыми арийцами²²⁰.

Вне зависимости от известности почти все заключенные-евреи столкнулись в лагерях с издевательствами штурмовиков и эсэсовцев, в буквальном смысле слова помешанных на антисемитизме. Мало того что евреи считались смертельными политическими врагами, их заклеивали «расово неполноценными», «капиталистическими эксплуататорами» и «погрязшими в лени интеллигентами»²²¹. С прибытием в лагерь очередной партии новых заключенных охранники нередко осведомлялись, есть ли среди них евреи. «А может, и евреи среди вас есть?» – именно эти слова 25 апреля 1933 года выкрикнул молодой охранник-эсэсовец в Дахау, когда туда доставили заключенных, в том числе и Ганса Баймлера. Даже после введения особых знаков идентификации групп заключенных прибывших в лагерь евреев все равно заставляли выходить из строя. Некоторые заключенные скрывали свое происхождение, но это было небезопасно. Так, в Дахау заключенный-коммунист Карл Лербургер погиб от руки эсэсовца Штайнбрэннера в мае 1933 года, это произошло вскоре после того, как один из полицейских опознал его²²².

Издевательства на почве антисемитизма в ранних лагерях происходили в разной форме. Как другие мучители, нацистские охранники наблюдали за актами ставшего ритуальным глумления. Избиения сопровождалась грубыми оскорблениями. «Мы вас кастрируем, чтобы вы больше не портили наших арийских девчонок», – было сказано двум евреям во время пытки в подвале одной берлинской пивной в августе 1933 года²²³. В Дахау, как вспоминал потом Штайнбрэннер, когда его приятели из СС выбрили крест на голове одного заключенного-еврея, «все потешались над этим». В Зонненбурге штурмовики сбрили бороду Эриху Мюзаму, чтобы он больше походил на персонажей нацистских карикатур²²⁴. Евреев-заключенных повсеместно

Nazi Germany, 15, 338. Статистика нацистов превышала приведенные выше цифры, считая евреями и тех, кто перешел в другие вероисповедания.

²¹⁶ Основано на том, что в 1933 г. через ранние лагеря прошло до 200 тысяч человек.

²¹⁷ В 1932 г. ни один из депутатов рейхстага от КПП не был евреем по национальности; Friedländer, *Nazi Germany*, 106.

²¹⁸ Министр внутренних дел Саксонии – управления полиции, 18 апреля 1933 г., цитируется в Wünschmann, «Cementing», 583 (emphasis in the original). О репрессиях в отношении адвокатов-евреев см.: Wünschmann, «Jewish Prisoners», 52.

²¹⁹ SA-Gruppe Berlin-Brandenburg, Gruppenbefehl Nr. 28, May 24, 1933, cited in Mayer von Götz, *Terror*, 99.

²²⁰ О репрессиях евреев Германии по причинам неполитического характера см.: Wünschmann, «Natürlich», 100–103.

²²¹ Об антисемитизме штурмовиков и эсэсовцев см.: Reichardt, *Kampfbinde*, 631–643; Szende, *Zwischen*, 40–41.

²²² Цит. в Beimler, *Mörderlager*, 28. Более широко см.: Wünschmann, «Jewish Prisoners», 76, 82–83, 95.

²²³ Цит. в записях R. Weinmann, November 13, 1933, NCC, doc. 30. Более широко см.: Sofsky, *Violence*, 168.

²²⁴ Цит. в StAMü, StA Nr. 34479/1, Bl. 93–97: Lebenslauf H. Steinbrenner, n.d. (c. late 1940s), здесь 94. Другие примеры см.: Mühsam, *Leidensweg*, 27; Megargee, *Encyclopedia*, vol. I/A, 51.

использовали для выполнения самых тяжелых и унижительных работ. То, что охранники не позволяли себе в отношении неевреев, в частности пользовавшихся широкой известностью политических заключенных, было вполне допустимо в обращении с евреями, стоявшими на самой низкой ступени концлагерной иерархии. Эрнста Хайльмана, например, немедленно назначили «директором нужника» лагеря Ораниенбург, поставив его во главе группы евреев; в их обязанности входила уборка четырех туалетов (иногда и голыми руками), которыми пользовалась почти тысяча заключенных. Хайльман принял эту «должность» от Макса Абрахама, раввина из Ратенова под Берлином, того «понижили» до «заместителя» Хайльмана²²⁵.

В Ораниенбурге – и в некоторых других крупных лагерях, таких как Дахау, – именно ненависть к евреям натолкнула администрацию на мысль о создании отдельных рабочих групп и бараков (так называемые еврейские роты). Однако такого рода пространственное отделение оставалось все же нетипичным для первых лагерей. В большинстве случаев евреи работали и спали вместе с другими заключенными, в особенности в небольших лагерях, хотя даже в таком сравнительно крупном лагере, как Остхофен под Вормсом (Гессен), где насчитывалось свыше ста заключенных-евреев, «еврейской роты» не было. Остхофен в некотором смысле вообще стоял особняком среди многих лагерей, таких, например, как Ораниенбург. Его комендант штурмбаннфюрер СС Карл Д'Анджело, который позже перешел в Дахау, был человеком куда более сдержанным, чем его коллега из Ораниенбурга, и не позволял охранникам преступать границы допустимого²²⁶.

И здесь усматриваются различия между первыми лагерями, даже теми, в которых охранниками были штурмовики и эсэсовцы. И потом, пока что не существовало никаких официальных директив, в которых было бы прописано, как именно следует обращаться с заключенными-евреями. Бывало, что дело доходило до конфликтов между нацистскими чиновниками, как это имело место в Зонненбурге. Слухи о пытках, которым подвергались там Ганс Литтен и Эрих Мюзам, уже несколько дней спустя дошли до Берлина. Озабоченный репутацией Зонненбурга адвокат доктор Миттельбах из Главного полицейского управления в Берлине 10 апреля 1933 года прибыл в Ораниенбург с инспекционной поездкой. Осмотрев заключенных – зубные протезы Мюзамы были сломаны, лицо Литтена страшно опухло, – доктор Миттельбах вмиг определил, что речь идет о «весьма серьезных травмах» и что ему предстоит представить начальству соответствующий отчет. После этого Миттельбах собрал всех охранников СА и проинструктировал их насчет того, что всякого рода издевательства и злоупотребления своими обязанностями строго воспрещаются. Убедившись в том, что его предупреждения не возымели действия, он 25 апреля возвратился в Зонненбург на машине забрать Литтена, а еще месяц спустя приехал за Мюзамом. Оба заключенных были помещены в тюрьму Шпандау в Берлине, где обращение не шло ни в какое сравнение с концлагерным. «Доктор Миттельбах спас мне жизнь», – сообщал сияющий Литтен матери во время свидания²²⁷.

Миттельбах имел возможность вмешаться в происходившее в Зонненбурге, поскольку этот лагерь – хоть и укомплектованный штурмовиками – находился в его ведении. Зонненбург был первым самым крупным лагерем политической полиции Пруссии, и Миттельбах, много сделавший для его открытия, вскоре был назначен на еще более ответственный пост: он занимался вопросами координирования превентивных арестов на всей территории Пруссии в статусе сотрудника вновь созданного в конце апреля 1933 года в рамках министерства внутренних дел Пруссии отдела тайной государственной полиции (гестапо). Официальная задача сотрудников тайной государственной полиции (гестапо) и в Берлинском управлении, и в ее

²²⁵ Цит. в Abraham, «Juda», 135–136. О пыточных условиях принудительного труда в других лагерях см.: Endlich, «Lichtenburg», 30–31; Luerßen, «Moorsoldaten», 169; Meyer and Roth, «Zentrale», 207–208; NCC, doc. 30.

²²⁶ Wünschmann, «Jewish Prisoners», 89, 95–101. См. также: Meyer and Roth, «Zentrale», 191–192, 200.

²²⁷ Цит. в Dr. Mittelbach to Daluge, April 10, 1933, in Michaelis and Schraepfer, *Ursachen*, vol. 9, 360–362; Litten, *Mutter*, 29. См. также: Mühsam, *Leidensweg*, 29–31; Hett, *Crossing*, 164, 171.

региональных отделениях состояла в жестком контроле над «всей подрывной политической деятельностью на территории Пруссии». Но Миттельбах долго на этом посту не продержался, вероятно по причине оказания помощи Литтену. И все же с тех пор центральные государственные органы Пруссии да и других земель Германии установили более жесткий контроль над хаосом, царившим в первых лагерях²²⁸.

²²⁸ Цит. в Graf, «Genesis», 424. См. также: Там же, 423–424; Tuchel, *Konzentrationslager*, 54–55, 57, 62–65; Drobisch and Wieland, *System*, 55.

Координация

В начале марта 1933 года, на заре Третьего рейха, государственные чиновники Тюрингии спешно обустраивали лагерь для заключенных-коммунистов на территории бывшего аэродрома Нора под Веймаром; несколько дней спустя там насчитывалось свыше 200 человек заключенных. Не прошло и трех месяцев, как только что открытый лагерь снова опустел. Иногда Нора описывается как первый немецкий концентрационный лагерь, однако он же считается и самым первым, который пришлось закрыть²²⁹. В Германии закрыли не один только лагерь Нора – к концу лета 1933 года первые лагеря закрывались повсюду²³⁰. Они не предназначались для использования на протяжении длительного времени, а лишь как временные, и их упразднение отразило видоизменение специфики нацистского террора. Как только режим обеспечил себе более-менее стабильное положение, его фюреры попытались обуздать штурмовиков, эксцессы которых мало-помалу становились бельмом на глазу даже у самых преданных сторонников нацистов. 6 июля 1933 года Гитлер недвусмысленно заявил представителям высшего эшелона рейха, что, дескать, национал-социалистическая революция свершилась²³¹. Отсюда – насилие шло на убыль, а вместе с ним и число заключенных и, соответственно, лагерей.

Теперь оставалось лишь несколько из первых лагерей – крупных государственных лагерей. Попытки скоординировать политический террор начались уже весной 1933 года и набирали темп в течение всего оставшегося года²³². Всего два месяца спустя после того, как местные активисты открыли Остхофен в марте, глава полиции земли Гессен определил его как официальный государственный лагерь²³³. Крупными лагерями обзаводились и власти других земель Германии²³⁴. Самые заметные инициативы исходили от двух самых крупных земель Германии – Пруссии и Баварии, фюреры которых сформулировали весьма амбициозные планы на будущее касательно незаконного содержания лиц под стражей. Для воплощения этих тщеславных замыслов в жизнь обе земли, Пруссия и Бавария, имели в распоряжении по одному образцовому лагерю: Эмсланд и Дахау соответственно. Оба упомянутых лагеря были не только самыми крупными учреждениями второй половины 1933 года – приблизительно 3 тысячи человек в Эмсланде и 2400 человек в Дахау (данные на сентябрь 1933 года), – они наиболее соответствовали прототипу концентрационных лагерей будущего²³⁵.

«Превентивное заключение» в Пруссии

В период захвата власти нацистами в Пруссии было подвергнуто арестам намного больше политических противников, чем в любой другой из земель Германии. На конец июля 1933 года на одну только Пруссию приходилось свыше половины всех подвергнутых превентивному аресту²³⁶. Многие из них были настолько опасны, как заявил один из прусских чиновников высокого ранга летом 1933 года, что их необходимо было оставить в лагерях на долгие сроки. По его оценке, в ближайшие годы число заключенных в Пруссии, подвергнутых превентивному

²²⁹ Wohlfeld, «Nohra», 110–113, 119–120.

²³⁰ Drobisch and Wieland, *System*, 42, 135; Baganz, *Erziehung*, 218–221; Roth, «Folterstätten», 18.

²³¹ Noakes and Pridham, *Nazism*, vol. 1, 171; Kershaw, *Hubris*, 501–502.

²³² Drobisch and Wieland, *System*, 134.

²³³ Meyer and Roth, «Zentrale», 189–191; NCC, doc. 7.

²³⁴ См., например: Kienle, «Konzentrationslager»; Baganz, *Erziehung*, 108–113, 225.

²³⁵ См., например: Drobisch and Wieland, *System*, 66; Tuchel, *Konzentrationslager*, 155.

²³⁶ На 31 июля 1933 г. в Пруссии содержалось 14 906 из 26 789 заключенных; BArchB, R 43 11/398, Bl. 92.

аресту, будет составлять приблизительно 10 тысяч человек, и эта цифра уменьшаться не будет. То есть шаг за шагом незаконное содержание в лагерях становилось юридической нормой²³⁷.

Понимание того, что лагеря – мера совсем не чрезвычайная и не временная, что они просуществуют и дальше, даже после полного и окончательного захвата власти, став неотъемлемой частью Третьего рейха, обусловило стремление как можно быстрее приступить к созданию более упорядоченной системы незаконного содержания под стражей²³⁸. В Пруссии координацией системы лагерей занималось министерство внутренних дел. Лично Герман Геринг к осени 1933 года завершил разработку новой системы: в будущем останется всего четыре крупных государственных концентрационных лагеря вместо распыленной массы прежних первых лагерей²³⁹.

Первым государственным лагерем Пруссии был печально известный Зонненбург, где среди примерно тысячи заключенных, насчитывавшихся на конец ноября 1933 года, находился и Карл фон Осецки²⁴⁰. Примерно столько же заключенных томилось и во втором по величине государственном лагере в Бранденбурге у реки Хафель. Этот лагерь появился в августе 1933 года на месте заброшенной исправительно-трудовой колонии. Среди заключенных были Эрих Мюзам и Ганс Литтен, краткое пребывание которых в берлинских тюрьмах неожиданно резко завершилось²⁴¹. Еще большее число заключенных – 1675 человек на конец сентября – содержалось в третьем по счету лагере Лихтенберг в Преттине на Эльбе, созданном в июне 1933 года опять же на месте бывшей исправительно-трудовой колонии²⁴². Но истинной гордостью чинуш Геринга, начиная с лета 1933 года, был самый крупный лагерьный комплекс под Папенбургом в Эмсланде на северо-западе Германии недалеко от голландской границы²⁴³.

Кроме перечисленных четырех прусские государственные органы санкционировали и создание горстки региональных лагерей, среди них Моринген, ставший самым большим женским лагерем Пруссии (тоже для подвергнутых превентивному заключению); к середине ноября 1933 года здесь находилось около 150 женщин²⁴⁴. Что касается всех остальных первых лагерей, как заявил Герман Геринг в октябре 1933 года, они не «признаны мною государственными концентрационными лагерями» и «вскоре, в любом случае к концу этого года, будут расформированы»²⁴⁵. Несколько первых лагерей действительно были расформированы и закрыты в вышеуказанный период, а их заключенные переведены в Эмсланд²⁴⁶.

Новая прусская модель предусматривала создание системы крупных государственных лагерей, централизованно управляемых из Берлина. Теперь вместо множества инстанций, занимавшихся вопросами превентивных арестов и содержания под стражей, только полиция в контакте с гестапо осуществляли контроль и надзор за всеми лагерями, а также решали, кого из заключенных выпустить, а кого оставить в концлагере²⁴⁷. Часть лагерей управлялись государственными служащими, иначе говоря, сотрудниками полиции, подотчетными министерству внутренних дел Пруссии. В свою очередь, эти начальники лагерей отвечали и за командующих

²³⁷ MdI Preußen to Regierungspräsident Osnabrück, June 22, 1933, in Kosthorst and Walter, *Strafgefangenenlager*, vol. 1, 59–61.

²³⁸ Tuchel, *Konzentrationslager*, 60–69.

²³⁹ PMI to Provincial Administrations, October 14, 1933, NCC, doc. 14. См. также: Tuchel, *Konzentrationslager*, 71.

²⁴⁰ Nürnberg, «Außenstelle», 88.

²⁴¹ Bendig, «Höllen», 186; Mühsam, *Leidensweg*, 32.

²⁴² Mette, «Lichtenburg», 132–135.

²⁴³ О лагерях Эмсланда см. ниже.

²⁴⁴ Hesse, «Erziehung», 122–127. The circular of October 14, 1933, recognized only one more camp, the Provincial Institution Brauweiler; PMI to Provincial Administrations, October 14, 1933, NCC, doc. 14. О других лагерях, находившихся в подчинении прусских округов, см. Tuchel, *Konzentrationslager*, 76.

²⁴⁵ PMI to Provincial Administrations, October 14, 1933, NCC, doc. 14.

²⁴⁶ Jenner, «Trägerschaft», 125; Drobisch and Wieland, *System*, 135.

²⁴⁷ PMI to Provincial Administrations, October 14, 1933, NCC, doc. 14.

местными охранниками СС. Единое командование всеми охранниками СС в Пруссии было возложено на группенфюрера СС Курта Далюге, главу полицейского управления прусского министерства внутренних дел. Другие высокопоставленные должностные лица – введенные в заблуждение усилиями СС создать себе куда более привлекательный имидж дисциплинированных исполнителей, нежели непредсказуемые штурмовики СА, – были целиком за описанное нововведение. Решение о назначении СС ответственными за охрану лагерей приводило к замене охранников СА в таких лагерях, как Зонненбург, и к концу августа 1933 года все основные государственные концентрационные лагеря Пруссии были укомплектованы подразделениями СС²⁴⁸.

Но прусская модель так и не была полностью осуществлена на практике – управленческая структура не работала. Она была далека от обеспечения централизованного контроля, что, в свою очередь, приводило к субординационной путанице, поскольку многие из местных охранников СС не горели желанием подчиняться каким-то там штатским из государственной службы²⁴⁹. Подобные конфликты случались и на более высоком уровне между чиновниками от прусского министерства внутренних дел с одной стороны и штурмовыми батальонами СА и фюрерами СС – с другой. Так, осенью 1933 года министерство вынуждено было отложить план закрытия лагеря в Ораниенбурге из-за возмущения фюреров СА, защищавших лагерь как бастион обороны против врагов государства (куда важнее, разумеется, было их стремление обеспечить в будущем занятость местных охранников СА). В конце концов прусское министерство внутренних дел с большой неохотой санкционировало статус лагеря Ораниенбург как регионального государственного лагеря, управляемого штурмовыми батальонами СА²⁵⁰.

Такая уступка была из ряда типичных из-за неспособности служаков Геринга полностью обеспечить контроль над всеми вопросами незаконного задержания в Пруссии. И часть нацистских военизированных формирований по-прежнему продолжали арестовывать людей на свое усмотрение, а наиболее ретивые самодуры из фюреров СА и СС решили даже сами устроить новые лагеря²⁵¹. Осенью 1933 года, например, полицей-президент Штеттина оберфюрер СС Фриц-Карл Энгель открыл в заброшенном здании причала в районе Бредова лагерь, просуществовавший до 11 марта 1934 года²⁵². Когда его в конце концов закрыли, раздраженный Геринг приказал «немедленно расформировать» и все остальные полицейские лагеря, «носившие характер концентрационных лагерей»²⁵³. Несколько дней спустя на совещании у Гитлера Геринг пошел еще дальше: он выступил с предложением учредить специальную комиссию и хорошенько прочесать Германию на предмет обнаружения всех самовольно открытых СА лагерей²⁵⁴.

Прусский эксперимент завершился большим конфузом. Едва была разработана детальная модель государственной системы лагерей, как тут же она дала трещину. И ее неработоспособность усугублялась отсутствием инициативы сверху. Сам Герман Геринг засомневался относительно своей концепции крупных лагерей и стал даже настаивать на том, чтобы выпустить на свободу побольше заключенных. А прусские чиновники низовых уровней действовали вразнобой. В конце ноября 1933 года министерство внутренних дел полностью утратило

²⁴⁸ Tuchel, *Konzentrationslager*, 49–50, 73–76, 78–80. Подразделения СС прибывали и в региональные лагеря, такие как Моринген и Браувайлер; Hesse, «Erziehung», 122; Wisskirchen, «Schutzhaft», 140.

²⁴⁹ Tuchel, *Konzentrationslager*, 80. Но в Браувайлере, в отличие от остальных лагерей, директор (гражданское лицо) строго контролировал охранников из СС; Wisskirchen, «Schutzhaft», 140–141.

²⁵⁰ Группенфюрер СА Эрнст прусскому министру внутренних дел, сентябрь 1933 г., – см. в Michaelis and Schraepler, *Ursachen*, vol. 9, 367–68; HIA, DD 253/K 769, B. Köhler, «In eigener Sache», 1934, 96–97; Tuchel, *Konzentrationslager*, 77.

²⁵¹ Tuchel, *Konzentrationslager*, 76–77, 92–93; Drobisch and Wieland, *System*, 68–69; Mayer-von Götz, *Terror*, 164–167.

²⁵² Rudorff, «Misshandlung».

²⁵³ Göring to inspector of the Prussian secret state police, March 11, 1934, NCC, doc. 21.

²⁵⁴ Niederschrift der Reichsstatthalterkonferenz vom 22.3.1934, in Repgen and Booms, *Akten*, vol 1/2, 1200.

контроль над лагерями, перешедшими к недавно получившему самостоятельность прусскому гестапо, функционировавшему в качестве особой структуры и подчинявшемуся непосредственно Герингу. Однако гестапо так и не представило собственной систематизированной концепции, и за ближайшие месяцы прусская политика в этом деле была, по сути, пущена на самотек²⁵⁵. Свойственные прусской государственной системе неразберихи и конфликты отражались и в функционировании главных лагерей в Эмсланде на протяжении всего долгого года террора²⁵⁶.

Лагерь Эмсланда: взгляд изнутри

Однажды утром в июле 1933 года Вольфганг Лангхоф проснулся от пронзительных свистков и криков. Он понятия не имел, куда попал. Еще не оправившись от сна, Лангхоф огляделся и понял, что находится среди каких-то кроватей, на которых лежат столь же удивленные люди. Внезапно он все вспомнил, и тут же у него дыхание перехватило от охватившего его ужаса: он был заключенным лагеря Бёргермор в Эмсланде. Лангхофа доставили туда в составе большой партии арестованных прошлым вечером. Лангхоф мог считаться ветераном первых лагерей, его арестовали еще 28 февраля 1933 года в Дюссельдорфе, где он был известным театральным актером, часто выступавшим в героических ролях, и еще – коммунистическим агитатором. Уже стемнело, когда Лангхоф миновал ворота Бёргермора, и, придя наконец в лагерь после изнурительного пешего марша с располагавшейся довольно далеко железнодорожной станции под постоянными окриками эсэсовцев, он буквально свалился на соломенный тюфяк в огромном помещении. Теперь сквозь окна сочилась призрачная утренняя мгла, и он мог осмотреться. Убогий деревянный барак приблизительно 40 метров длиной и 10 шириной напоминал конюшню. Большую часть его занимали двухъярусные койки, на которых размещались около сотни заключенных, несколько узких шкафчиков для их имущества. Еще кусок площади был отведен для обеденных столов со скамьями. В дальнем конце барака располагалась уборная.

Водопровод в барак не провели, умываться приходилось на улице. Висел густой туман – частое явление для этой местности. Когда он рассеялся, Лангхоф убедился, что лагерь представляет собой барачный городок и его барак был всего лишь одним из многих выстроившихся аккуратными пятью рядами приземистых деревянных построек по обе стороны прохода, разделявшего надвое прямоугольник лагеря. Кроме того, было пять административных барачных корпусов, включая кухню, больницу и бункер. Комплекс построек, напоминавший немецкие лагеря военнопленных времен Первой мировой войны, был окружен двумя параллельными рядами ограждений из колючей проволоки с узким коридором внутри для прохода патрулей. С другой стороны, возле ворот и сторожевой вышки (оснащенной прожекторами и пулеметами), стояли бараки на вид приличнее; здесь охранники СС занимались канцелярской работой, спали и напивались. За этими бараками уже не было ничего, за исключением белого шеста с флагом со свастикой, нескольких засохших деревьев и ряда телеграфных столбов, протянувшихся до самого горизонта. «Бесконечная равнина, пустошь, куда ни посмотри, – писал Лангхоф два года спустя. – Повсюду два цвета – бурый и черный, повсюду узкие рвы и канавы». Трудно вообразить себе более неуютное место, чем Бёргермор, притаившийся в глуши малонаселенного Эмсланда²⁵⁷.

Бёргермор был одним из четырех почти идентичных государственных лагерей – еще один располагался в Нойзуструме и еще два – в Эстервегене. Все они были открыты прусским мини-

²⁵⁵ Tuchel, *Konzentrationslager*, 85–89, 95; Graf, «Genesis», 424.

²⁵⁶ Самые ценные записи о первых лагерях Эмсланда – Lürßen, «Wir»; Klausch, *Tätergeschichten*.

²⁵⁷ Для этого и предыдущего абзаца см.: Langhoff, *Moorsoldaten*, 118–131, 136–137, 165, цит. по 129. См. также: Lürßen, «Wir», 52–55, 344–345; Abraham, «Juda», 147–148; Knoch, «Konzentrationslager», 292.

стерством внутренних дел в период с июня по октябрь 1933 года на широкой равнине, в основном на невозделываемых землях, в северной части Эмсланда. Решение о сооружении этого комплекса было принято еще весной 1933 года, и министерские чиновники вскоре стали считать его основным в прусской государственной системе²⁵⁸. Особый характер этих лагерей был очевиден даже на первый взгляд. В отличие от других мест лагеря Эмсланда так и не были обнаружены впоследствии. Вместо того чтобы приспособить существующие постройки, власти запланировали возвести и специальные новые, вынудив заключенных самим строить их собственные барачные лагеря, которым была уготована участь стать неким образцом, стандартом лагерной системы СС в последующие годы²⁵⁹. Этот новый комплекс не только сильно отличался внешне от других прусских лагерей, он значительно превосходил их по территории. В общей сложности к осени 1933 года во всех лагерях Эмсланда содержалось до 4500 заключенных – то есть половина всех заключенных государственных концентрационных лагерей Пруссии²⁶⁰.

Принудительный труд также определял особый статус лагерей Эмсланда среди остальных. Здесь заключенные работали не эпизодически, как в самых первых лагерях, а на постоянной основе. Возделывание торфяников Эмсланда, в последние годы значительно активизировавшееся в течение предыдущих лет, сулило выгоду, как экономическую, так и идеологическую. Освоение земель стимулировало развитие сельского хозяйства Германии, обеспечивало его самодостаточность и, кроме того, вполне вписывалось в нацистские доктрины «кровь и почва» и «лебенсраум», то есть «жизненного пространства». Кроме того, в лице заключенных предприятия малого бизнеса получали дешевую рабочую силу. Но самым важным было то, что такого рода труд довершал пропагандистский образ первых лагерей как мест «трудового перевоспитания».

На практике же принудительные работы в лагерях Эмсланд были одним из способов издевательств над заключенными. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер несколько лет спустя признал: «Я еще преподам вам хорошие манеры, отправив вас на торфяники»²⁶¹. Заключенные ранним утром в 6 часов (или даже раньше летом) уходили из лагеря, где спали, обычно дорога к месту работы занимала больше часа. По пути их нередко заставляли петь, впрочем, эсэсовцы вскоре запретили исполнение «Песни болотных солдат», сочиненной тремя заключенными (в том числе и Вольфгангом Лангхофом). На торфянике заключенные рыли канавы и перебрасывали землю, причем темпы работы были просто невыносимыми, но приходилось успевать, чтобы избежать наказания за невыполнение ежедневной нормы. После первого дня на торфянике Вольфганг Лангхоф писал: «Ладони в пузырях мозолей. Кости ломит, каждый шаг отдается болью во всем теле. И ради чего это все? Ведь если вместо сотни человек пригнать сюда пару тракторов, они справились бы с этой работой за несколько дней»²⁶².

Невзирая на все свои отличия, лагеря Эмсланда, по сути, были и оставались обычными среди других первых лагерей СС, охрану которых осуществляли штурмовики из батальонов СА. Среди заключенных в Эмсланде также преобладали левые, причем в основном именно коммунисты. И эти люди на каждом шагу сталкивались с неприкрытым насилием. Хотя во главе каждого лагеря Эмсланда стоял госслужащий – представитель полиции, всем в лагере заправляли служащие охранных отрядов СС – озлобленные ветераны Первой мировой войны,

²⁵⁸ Lüerßen, «Moorsoldaten», 157–161.

²⁵⁹ OdT, vol. 1, 211–12.

²⁶⁰ Tuchel, *Konzentrationslager*, 103.

²⁶¹ Himmler speech at a Wehrmacht course, January 15 to 23, 1937, NCC, doc. 83. Для этого и предыдущего абзаца см.: Там же, doc. 135; Lüerßen, «Wir», 96–102; Wachsmann, *Prisons*, 98, 102–103; Patel, *Soldiers*, 296–300.

²⁶² Цит. в Langhoff, *Moorsoldaten*, 200–201. См. также: Lüerßen, «Wir», 96, 102–105; Fackler, «Lagers Stimme», 142, 245–251.

присоединившиеся к нацистскому движению незадолго до его успеха на выборах в 1930-х годах²⁶³.

Как в других первых лагерях, издевательства эсэсовцев достигали пика с прибытием очередной партии новых заключенных – известных политиков и евреев²⁶⁴. 13 сентября 1933 года в Бёргермор прибыл транспорт в составе примерно 20 человек из Ораниенбурга. Их здесь ждали с нетерпением уже несколько дней. Эсэсовцы-охранники, выстроив заключенных, вывели двух самых известных из них – Фридриха Эберта и Эрнста Хайльмана. И «приветствие» в лагере СС Бёргермор было куда более зверским, чем в лагере Ораниенбург пятью неделями ранее. По прибытии обоих подвергли оскорблениям и избили палками и отломанными от столов ножками. Позже двух социал-демократов вместе с тремя новыми еврейскими заключенными (среди них раввин Макс Абрахам) бросили в яму якобы для «встречи парламентской группы», как выражались нацистские изуверы. Хайльман, весь в крови, молил их о милосердии, но его ненадолго решили похоронить заживо, а Эберт наотрез отказался выполнить приказ эсэсовца избивать ногами других заключенных, в противном случае его пообещали избить. Остальные заключенные заметили, что поступок Эберта произвел впечатление на охранников, и те потом уже не вели себя с ним столь беспардонно.

Муки Эрнста Хайльмана в Бёргерморе на том не закончились. Один раз его целый день продержали, с головы до пят обмазав человеческим калом. Другой раз заставили на четвереньках ползти в барак на цепи, которую держал в руках эсэовец, громко лаять и в перерывах между лаем кричать: «Я – еврейский депутат парламента от СДПГ Хайльман!» После этого на него натравили сторожевых собак. Незадолго до прибытия в Эмсланд Хайльман сказал одному из заключенных, что, мол, больше не вынесет такого обращения, как в Ораниенбурге. Но в Бёргерморе каждый день для него изобретали новое «приветствие». Эсэсовские охранники, поставив целью отправить его в могилу, были неистощимы на садистские выдумки. Наконец 29 сентября 1933 года Эрнст Хайльман сломался – не выдержав побоев и их последствий, он предпринял попытку самоубийства, бросившись на ограждение. Охрана открыла огонь, и вскоре он упал как подкошенный. Однако страдания Хайльмана на этом не закончились – пуля угодила ему в бедро, и после пребывания в больнице его в 1934 году вернули в Эмсланд, на сей раз не в Бёргермор, а в другой лагерь – Эстервеген²⁶⁵.

За три недели до происшествия с Хайльманом охранники в Эмсланде убили троих заключенных. Еще трое погибли в начале октября 1933 года, среди них бывший полицей-президент района Гамбурга Альтона, член СДПГ, – он был приговорен к казни по распоряжению коменданта Эстервегена за якобы его причастность к гибели двух штурмовиков в 1932 году²⁶⁶. Слухи о деяниях эсэсовцев распространились через местное население и вскоре добрались до министерства внутренних дел Пруссии, которое в конце концов решило вмешаться. 17 октября 1933 года поступил приказ немедленно изъять всех известных заключенных и евреев из лагерей Эмсланда. Местные охранники СС были вне себя, когда около 80 человек, включая Фридриха Эберта и Макса Абрахама, в тот же день вывезла из лагеря полиция. Транспорт прибыл в Лихтенберг, и, несмотря на плохие условия и отдельные проявления насилия со стороны эсэсовцев,

²⁶³ Lüerßen, «Wir», 56–58, 76–86, 467–468; Klausch, *Tätergeschichten*, 30, 67–68, 266; Tuchel, *Konzentrationslager*, 80.

²⁶⁴ Klausch, *Tätergeschichten*, 163–166; Knoch, «Stupider Willkür», 35–36.

²⁶⁵ К данному и предыдущему абзацу см.: Langhoff, *Moorsoldaten*, 171, 234–243; Abraham, «Juda», 148–152; Klausch, *Tätergeschichten*, 82–90, 95–97; Diekmann and Wettig, *Oranienburg*, 109; Schumacher, M.d.R., 175–178. Цит. в LG Oldenburg, *Anklage gegen Johannes K.*, 1948, in Kosthorst and Walter, *Strafgefangenenlager*, vol. 1, 68; NLA-StAO, 140–145, Nr. 1154, Vernehmung F. Ebert, June 11, 1949.

²⁶⁶ LG Oldenburg, Urteil 1949, in Kosthorst and Walter, *Strafgefangenenlager*, vol. 1, 79–84; Klausch, *Tätergeschichten*, 34. For the 1932 riot, см. Evans, *Coming*, 285.

заключенные все же почувствовали облегчение после кошмаров Эмсланда. «Наконец-то, – как выразился один заключенный-еврей, – ад особого режима кончился»²⁶⁷.

Тем временем в Эмсланде никаких изменений в лучшую сторону не наблюдалось. Еще как минимум пять заключенных погибли во второй половине октября 1933 года. Бесчинства в лагерях (широко освещавшиеся за границей) и углублявшиеся конфликты между охранниками СС и местным населением по ту сторону лагерного ограждения в конце концов вынудили Геринга вмешаться, причем весьма оригинальным способом. В воскресенье, 5 ноября 1933 года, вооруженное до зубов подразделение полиции прибыло в Эмсланд для разоружения и смещения охраны лагерей. Лагерь были окружены, и даже армию привели в состояние готовности на случай вооруженного столкновения. По прошествии весьма беспокойной ночи, когда одуревшие от шнапса охранники крушили бараки, один из них сожгли дотла, грозились перестрелять заключенных, а потом, напротив, вооружить их и поднять общее восстание, эсэсовцы все же успокоились, тихо разоружились и рассеялись по местности, не оказав сопротивления. Трудно было вообразить себе столь бесславный финал²⁶⁸.

Но жизнь в лагерях Эмсланда не улучшилась и после смещения прежней эсэсовской охраны. После недолгого периода более спокойного, мягкого управления лагерями силами полиции Геринг в декабре 1933 года передал исполнение их обязанностей батальонам СА. Издевательства и убийства продолжились с новой силой – многие штурмовики действовали в точности так же, как их предшественники из СС²⁶⁹. Среди жертв оказалось несколько «важных шишек» – в частности, Ганс Литтен, доставленный из Бранденбурга в Эстервеген в январе 1934 года; после недель мук и работы на износ он, потеряв сознание, свалился с грузовика, колесо которого отдало ему ногу. Год без малого спустя после ареста в Берлине туда прибыл и Карл фон Осецки. И его избрали мишенью для нападков и издевательства и довели до такого состояния, что он уже утратил всякую надежду выйти живым из лагеря²⁷⁰.

Не в состоянии обеспечить контроль над лагерями Эмсланда, Геринг стал готовить их закрытие. В апреле 1934 года он лично проследил за закрытием Бёргермора и Нойзуструма, двух лагерей, которые он еще за несколько месяцев до описанных событий рассматривал как постоянные для незаконного содержания. Теперь оставались лишь два лагеря в Эстервегене, в которых на 25 апреля 1934 года содержалось ни много ни мало 1162 заключенных²⁷¹. В далекой Баварии Генрих Гиммлер, должно быть, потирал руки, возрадовавшись провалу проекта Геринга. Если лагерный комплекс в Эмсланде трещал по всем швам, то его собственный крупный лагерь функционировал как положено²⁷².

Образцовый лагерь Гиммлера

«Став начальником полиции Мюнхена, я принял полицейский штаб, Гейдрих получил политическую секцию», – вспоминал почти 10 лет спустя рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер 9 марта 1933 года, когда его вместе с верным служакой Рейнхардом Гейдрихом допустили до неограниченной власти над аппаратом подавления на всей территории Третьего рейха. «Так мы и начинали», – задумчиво добавил Гиммлер²⁷³. Однако его партийная карьера началась,

²⁶⁷ WL, P.III.h. No. 280, A. Benjamin, «KZ Papenburg und Lichtenburg», с. 1934, цит. по 5. См. также: Klausch, *Tätergeschichten*, 95–99, 166; Mette, «Lichtenburg», 133–137; Abraham, «Juda», 157–161.

²⁶⁸ Klausch, *Tätergeschichten*, 108–114, 206–212, 230–231.

²⁶⁹ Там же, 281–286.

²⁷⁰ Hett, *Crossing*, 200–201, 216–217; Buck, «Ossietzky», 22–23; Kraiker and Suhr, *Ossietzky*, 108; Suhr, *Ossietzky*, 208–211; Lierßen, «Moorsoldaten», 196.

²⁷¹ Klausch, *Tätergeschichten*, 284–285.

²⁷² Tuchel, *Konzentrationslager*, 142–143; NSDAP Reichsleitung, Rundschreiben, December 27, 1933, in IfZ, *Akten*, vol. 2, 42.

²⁷³ Цит. в Breitman and Aronson, «Himmler-Rede», 344. В своей речи Гиммлер указывает дату этой встречи – 12 марта. Но

разумеется, задолго до 1933 года. Гиммлер родился в Мюнхене в 1900 году, он был одним из тех «сердитых молодых людей» военного поколения, кто оказался слишком молод для фронта и кто присоединился к крайне правой группировке после поражения Германии в войне и революции 1918 года, восполнив таким образом выпадение из жизни Первой мировой войны и сражаясь вместо этого с Веймарской республикой. Сначала Гиммлер был рядовым штурмовиком нарождавшегося нацистского движения. Взлет Гиммлера пришелся на 1929 год, когда он принял командование «охранными отрядами», иначе говоря, СС (став рейхсфюрером СС). Первоначально это было малочисленное формирование личной охраны, всего лишь скромное подразделение многочисленных и мощных штурмовых батальонов – СА – Эрнста Рёма. Но изворотливый и амбициозный Гиммлер быстро превратил СС в серьезную военизированную силу – СС обрели самостоятельность. Гиммлер, который, в отличие от большинства нацистских активистов, происходил из образованного среднего класса, создавал СС как расовую и воинскую элиту нацистского движения, тем самым компенсируя прежнюю невозможность воплотить себя на военном поприще. К моменту прихода к власти нацистов в 1933 году гиммлеровские СС выросли с нескольких сотен человек до свыше 50 тысяч и продолжали расти и набираться сил по мере продвижения их предводителя вверх по лестнице нацистского государства. В апреле 1933 года Гиммлер, сосредоточив в своих руках управление политической и вспомогательной полицией Баварии, намеревался выстроить мощнейший аппарат подавления у себя на родине²⁷⁴.

В центре помыслов Гиммлера был и оставался лагерь Дахау. 13 марта 1933 года комиссия, осмотрев заброшенный завод по производству боеприпасов, одобрила его использование в качестве лагеря для превентивного ареста. Приготовления начались на следующий же день, и 20 марта 1933 года Гиммлер в прессе объявил о создании «первого концентрационного лагеря». Самоуверенность, с которой политический новобранец представил свое радикальное видение, поражала. Сфера компетенции Дахау не ограничивается коммунистическими функционерами, предупреждает Гиммлер, а распространяется на всех противников левого толка, которые «угрожают безопасности государства». Полиция должна быть бескомпромиссной, добавляет он, и держать этих функционеров в лагере столько, сколько необходимо. Гиммлер мыслил широко: Дахау в перспективе разместит приблизительно 5 тысяч заключенных превентивного ареста, то есть больше, чем любая крупная тюрьма земли Бавария в 1932 году²⁷⁵.

Вскоре лагерь Гиммлера стал центром незаконного содержания под арестом в Баварии. Заключенные стали прибывать в Дахау со всех концов самой большой земли Германии, как только превентивное заключение было централизовано в руках баварской политической полиции, и всего за несколько месяцев их число увеличилось с 151 человека (31 марта) до 2036 (30 июня)²⁷⁶. К этому времени изменился и внешний облик лагеря. Заключенных перевели из временных помещений в более просторные постоянные, только что возведенные на бывшей фабричной территории. Обновленная территория лагерного комплекса Дахау, обнесенная колючей проволокой и башнями охраны, включала 10 одноэтажных зданий барачного типа, кирпичных и бетонных, где в свое время размещались производственные помещения. Каждый барак был подразделен на пять отсеков с двухъярусными койками, каждый из которых был рассчитан на 54 заключенных (в каждом отсеке предусматривалась небольшая промывная уборная). Кроме

на самом деле она состоялась вечером 9 марта 1933 г.; Longerich, *Himmler*, 158–159. О Гейдрихе см.: Gerwarth, *Heydrich*.

²⁷⁴ Longerich, *Himmler*, в частности, 158–160, 759–763. Более широко о начале политической карьеры Гиммлера см.: Mues-Baron, *Himmler*.

²⁷⁵ «Ein Konzentrationslager für politische Gefangene», *Münchner Neueste Nachrichten*, March 21, 1933, partial translation NCC, doc. 5. См. также: BArchB, R 2/28350, Chronik der SS-Lageranlage in Dachau, March 1, 1938. For state prisoners in 1932, BayHStA, MJu 22663.

²⁷⁶ 168. Tuchel, *Konzentrationslager*, 153–155; Drobisch and Wieland, *System*, 51. On August 1, 1933, Dachau held 2, 218 of all 4, 152 Bavarian protective custody prisoners; Aronson, *Heydrich*, 325.

того, в таком бараке располагались медпункт, прачечная и плац для переклички. Прямо перед баракком было большое стрельбище СС – постоянное напоминание о том, кто здесь хозяин. Тут же поблизости стояли другие барачные здания для заключенных, включая столовую и новый бункер. За этими зданиями располагались административные здания, мастерские и казармы охраны. Вся территория была окружена еще одним проволочным ограждением и длинной стеной со сторожевыми башнями. По оценке одного из заключенных, чтобы обойти всю территорию по периметру, требовалось около двух часов²⁷⁷.

Самое важное изменение в Дахау касалось не внешнего вида, а штатного расписания, поскольку Дахау стал лагерем СС. Первые охранники прибыли из регулярной государственной полиции, но Гиммлер расценивал это как временную меру. Где-то в конце марта 1933 года небольшой отряд эсэсовцев направили в Дахау, официально в статусе подразделения вспомогательной полиции, а уже 2 апреля 1933 года Гиммлер распорядился о переходе Дахау под ответственность СС. После нескольких дней обучения государственной полицией этот отряд СС, численность которого выросла до 138 человек, 11 апреля 1933 года официально принял охрану заключенных. Тем временем охранники СС продолжали обучение за колючей проволокой, поскольку некоторые из них и оружие держать не могли. Полиция в конце мая 1933 года отбыла, и все обязанности по охране лагеря Дахау полностью перешли в ведение СС²⁷⁸. Базовая структура незаконного содержания под стражей в Баварии была сформирована: политическая полиция проводила аресты и отправляла арестованных в рамках превентивного ареста в лагерь в Дахау, где они попадали под охрану эсэсовцев. Строго говоря, и СС и полиция подчинялись одному-единственному человеку – Генриху Гиммлеру, он и создал шаблон для более поздней лагерной системы Германии в целом.

Гиммлер понимал, что его люди, то есть эсэсовцы, будут управлять Дахау по-другому, не так, как служащие государственной полиции. Первый отряд СС встретил лично руководитель мюнхенского абшнита СС барон фон Мальзен-Поникау. В своей ужасающей речи он представил заключенных чудовищами, планировавшими ликвидировать нацистов, теперь же СС предстоит свершить над ними акт возмездия. Находившийся среди присутствующих эсэсовец Ганс Штайнбрэннер вспоминал, что барон завершил обращение открытым подстрекательством к убийствам: «Если кто-то [из заключенных] попытается совершить побег, вы откроете огонь и, надеюсь, не промахнетесь. Чем больше этих субъектов погибнет, тем лучше»²⁷⁹. Призывы барона все еще звучали в ушах эсэсовцев, когда они принимали очередную партию заключенных 11 апреля 1933 года. Командовал ими вновь назначенный на должность коменданта 33-летний гауптштурмфюрер СС Хильмар Векерле, настроенный ничуть не менее воинственно, чем кровожадный барон фон Мальзен-Поникау. Векерле принадлежал к числу нацистских активистов первых часов – участник Первой мировой войны и квазигражданской войны периода Веймарской республики – он поддерживал в лагере имидж brutальной персоны, где его видели неизменно с кнутом и с огромным псом²⁸⁰.

СС ознаменовали правление Дахау взрывом насилия. В самый первый день эсэсовцы зверски избили вновь прибывших заключенных, но это была лишь прелюдия – вечером они в пьяном виде набросились на заключенных-евреев прямо в бараках²⁸¹. На следующий день, 12 апреля 1933 года, они просто обезумели. Примерно во второй половине дня Ганс Штайнбрэн-

²⁷⁷ Rubner, «Dachau», 56–59; Ecker, «Hölle», 30; DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», summer 1934, 4; Zämecknlk, *Dachau*, 51–52; Richardi, *Schule*, 65–66. For a map, Comite, *Dachau* (2005), CD-Rom.

²⁷⁸ Tuchel, *Konzentrationslager*, 125; Drobisch and Wieland, *System*, 51–52; Richardi, *Schule*, 54–56; Dillon, «Dachau», 51, 67, 139, 155.

²⁷⁹ StAMü, StA Nr. 34479/1, Bl. 93–97; Lebenslauf H. Steinbrenner, n.d. (c. late 1940s), here 94. См. также: DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», summer 1934, 3.

²⁸⁰ Tuchel, «Kommandanten des KZ Dachau», 331–332; Internationales Zentrum, *Nazi-Bastille*, 20.

²⁸¹ Richardi, *Schule*, 58; Orth, SS, 99.

нер выкрикнул по фамилиям четырех узников. Среди них был и Эрвин Кан, находившийся в Дахау с самого основания лагеря и всего за неделю до описываемых событий уверявший родителей, что, дескать, у него нет жалоб на обращение: «Надеюсь скоро выйти на свободу», – писал он в своем, как вскоре выяснилось, последнем письме. Еще трое – Рудольф Бенарио, Эрнст Гольдман и Артур Кан – всем им было в ту пору по двадцать с небольшим, и они прибыли в лагерь только днем ранее. Все четверо уже узнали, что такое озверевшие эсэсовцы: 12 апреля Штайнбрэннер их избил до крови. Штайнбрэннер вместе с еще несколькими эсэсовцами доставил их, как они предполагали, для отправки на штрафные работы. Когда они дошли до близлежащего леса, один из охранников как бы невзначай спросил заключенных, не тяжело ли тащить на плече инструменты, которые они взяли с собой. Когда Эрвин Кан ответил, что не особенно, охранник бросил: «Ничего, скоро тебе не придется скалить зубы». И эсэсовцы, вскинув винтовки, выстрелили в спину заключенным. Когда их крики стихли, трое трупов лежали ничком. Эрвин Кан выжил, несмотря на страшную рану в голове, а эсэсовцу, уже собравшемуся добить его, помешала прибывшая на место происшествия государственная полиция. Тяжелораненый заключенный был срочно отправлен в мюнхенскую больницу. Эрвин Кан был в полном сознании, когда его жена посетила его там три дня спустя, он рассказал ей, что произошло. Несколько часов спустя он скончался, есть версия, что он был ночью задушен кем-то из охранников, дежуривших у его палаты²⁸².

Первые убийства в Дахау были заранее обдуманы и рассчитаны на то, чтобы запугать узников, показать им всемогущество новых хозяев – эсэсовцев, пришедших на смену служащим полиции²⁸³. Но каким образом, по какому принципу эсэсовцы выбирали первые жертвы из числа приблизительно четырехсот заключенных Дахау? Чем они руководствовались?²⁸⁴ Ведь ни один из четверых обреченных заключенных не был известным политическим противником. Двое из них были третьестепенными местными левыми активистами, другие двое вообще были далеки от политики в целом. «За всю свою жизнь я ни в одну партию не вступил», – недоумевал Эрвин Кан в последнем письме из Дахау. Если что и обусловило выбор эсэсовцев, так это еврейское происхождение всех четверых заключенных, к такому выводу пришел Кан. Все четверо были идентифицированы эсэсовцами как евреи и как таковые расценивались как самые опасные враги. Как заявил Ганс Штайнбрэннер одному из заключенных Дахау вскоре после убийства: «Вас мы оставим в покое, но сначала перебьем всех евреев»²⁸⁵.

Начав в Дахау череду убийств, эсэсовцы уже не могли остановиться. После недели затишья – необходимо было убедиться, что все сошло с рук, – они казнили еще несколько заключенных. Естественно, извечная ненависть к коммунистам служила важным фактором – от пуль эсэсовцев пал не один функционер КПП, та же участь ждала и Ганса Баймлера, но тот успел ее избежать. Однако оголтелый антисемитизм затмил все остальное – как минимум 8 из 12 заключенных, погибших в лагере за полтора месяца (с 12 апреля по 26 мая 1933 года), были еврейского происхождения, что обеспечило Дахау репутацию самого первого лагеря смерти для евреев Германии. Большинство из них были коммунистическими активистами, то есть зримым воплощением ненависти эсэсовцев к «еврейскому большевизму». Из всех евреев в Дахау в 1933 году выжил лишь один – член КПП²⁸⁶.

В первые месяцы господства эсэсовцев комендант лагеря Дахау Векерле вел себя так, будто власть его воистину не имела границ. Что повлияло на особые инструкции касательно содержания заключенных в лагере, выпущенных им в мае 1933 года. Согласно им лагерь был

²⁸² Seubert, «Vierteljahr», цит. на с. 90–91. См. также: Wünschmann, «Jewish Prisoners», 79–80.

²⁸³ Seubert, «Vierteljahr», 103. См. также: Dillon, «Dachau», 156, 164.

²⁸⁴ Estimate based on figures in Seubert, «Vierteljahr», 76–77; Drobisch and Wieland, *System*, 51.

²⁸⁵ Seubert, «Vierteljahr», 81–92, цит. на с. 90, 120.

²⁸⁶ Wünschmann, «Jewish Prisoners», 83–84; Там же, «Jüdische politische Häftlinge».

объявлен объектом «на военном положении», вся полнота власти в котором была сосредоточена в руках коменданта, и любому заключенному, упомянутые инструкции нарушившему, грозила «смертная казнь». Достаточно было просто «подстрекать других к неповиновению»²⁸⁷. Хотя смертная казнь все еще была монополией судебной системы, ветеран НСДАП Векерле полагал, что Дахау был выше закона.

Дахау под давлением

Утром 13 апреля 1933 года поверенный Йозеф Хартингер из Мюнхенской государственной прокуратуры срочно отправился в Дахау, где был встречен комендантом Векерле. Узнав о насильственной смерти Рудольфа Бенарио, Эрнста Гольдмана и Артура Кана днем ранее, Хартингер приступил к стандартной процедуре расследования. Вскоре поверенный пришел к заключению, что официальная версия СС о том, что трое заключенных были убиты, а четвертый, Эрвин Кан, серьезно ранен при попытке к бегству, внушает подозрение. Подозрения представителя Мюнхенской прокуратуры усилились после того, как Эрвин Кан умер при загадочных обстоятельствах в больнице, а его вдова сообщила Хартингеру о том, что муж рассказывал ей перед смертью. Но на том все и закончилось. Нелегко было противоречить СС, и даже непосредственный начальник Хартингера изначально не был склонен ввязываться в борьбу с эсэсовцами Дахау, тем более при демонстративной поддержке их главой полиции Гиммлером: в тот самый день, когда Хартингер был в Дахау, Гиммлер на пресс-конференции объявил, что эти четверо заключенных, которых он назвал коммунистами, были застрелены при попытке к бегству, то есть Гиммлер тем самым пустил в оборот расхожую версию, оправдывавшую любые убийства заключенных концлагерей (несколько лет спустя в конфиденциальной речи перед верхушкой СС Гиммлер ясно дал понять, что означал сей эвфемизм – «застрелен при попытке к бегству»)²⁸⁸.

Поверенный Хартингер уже в мае 1933 года вновь посетил Дахау. Дело в том, что подозрительные случаи гибели заключенных следовали один за другим. Результаты вскрытия тел жертв, например Луи Шлосса, который по всем признакам был избит до смерти, не оставляли сомнений в том, что речь шла о насильственной смерти в результате нанесенных травм, но никак не в результате винтовочного огня при попытках к бегству. Хартингер и его коллеги еще более встревожились, ознакомившись с инструкциями Векерле, который без обиняков заявил им, что, дескать, документ получил одобрение Гиммлера. Векерле и его подручные сознавали собственную безнаказанность, чем ставили представителей прокуратуры Мюнхена в весьма двусмысленное положение каждый раз, когда те сталкивались с загадочной смертью очередного заключенного. Кое-кто из охранников даже не считал необходимым скрывать факты совершенных убийств.

Конфронтация между эсэсовцами и представителями закона достигла кульминации в начале июня 1933 года. 1 июня Мюнхенская государственная прокуратура приступила к слушанию дел нескольких эсэсовцев из Дахау. Комендант Векерле проходил как соучастник. В тот же день начальник Хартингера, главный прокурор Мюнхена, встретился за обедом с Генрихом Гиммлером, пообещавшим сотрудничество с судебным расследованием. И казалось, Гиммлер потерпел сокрушительное поражение, когда 2 июня был вынужден на созванном в срочном порядке совещании с нацистским главой Баварии фон Эппом и несколькими министрами освободить своего запятнанного коменданта. В то время это могло быть расценено как пощечина Гиммлеру. В конечном счете, однако, он расценил этот инцидент как скрытое

²⁸⁷ Special regulations for the Dachau camp, May 1933, NCC, doc. 8.

²⁸⁸ Seubert, «Vierteljahr», 79, 91–96. Цит. по речи Гиммлера на совещании группенфюреров СС, 18 февраля 1937 г., NCC, doc. 98.

благословение. Судебное расследование прекратилось после того, как полицейские чиновники запросили досье, а затем «потеряли» их. Что касается снятия с должности Векерле, Гиммлер, скорее всего, был безумно рад отдать его на закание, после всех неприятностей, доставленных органам правовой защиты. В Дахау Гиммлеру нужен был куда более проницательный человек, и он отыскал прекрасного кандидата на должность коменданта лагеря – Теодора Эйке²⁸⁹.

26 июня 1933 года Теодор Эйке официально принял управление лагерем Дахау, и на протяжении нескольких лет этот широколобый верзила с неизменной сигарой во рту руководил всеми концентрационными лагерями СС. По иронии судьбы все усилия органов юстиции остановить убийства в Дахау проложили дорогу тому, кто тайно превратит Дахау и другие первые лагеря в очаги террора. Если Гиммлер давал общие установки лагерной системы СС, то Эйке был ее мощной движущей силой. Он представлял собой не ведавшего никаких препон наглого нациста-фанатика. Агрессивный по натуре, этот властный и мстительный субъект подозревал противников везде и во всех. Наводивший ужас на своих противников, Эйке видел в нацистском режиме воплощение всех своих чаяний после многих лет борьбы и поражений.

В 1909 году в возрасте 17 лет Эйке покинул свой скромный семейный дом в Эльзасе (тогда в составе Германии), так и не окончив школы, преисполненный решимости сделать карьеру. Вступив добровольцем в армию, он быстро вписался в армейскую среду. Впрочем, за годы Первой мировой войны Эйке так и не смог покрыть себя неувядаемой славой, просидев с десятков лет на должности казначея²⁹⁰, и с роспуском германской армии после войны он был демобилизован, так и не дослужившись до офицерского звания. Будучи человеком женатым, имея на руках малолетнего ребенка, Эйке не мог похвастаться лучезарными перспективами. К гражданской жизни он так и не привык. После нескольких неудачных попыток быть принятым на службу в полицию он решил, что мир к нему не справедлив (это чувство не покидало его всю жизнь), и в конце концов все же устроился на тоскливую должность в гиганте химической промышленности – компании IG Farben в Людвигсхафене в системе охраны предприятий. Занудная жизнь Эйке кончилась в конце 1920-х годов с вступлением в ряды нацистской партии, с которой он рассчитывал связать будущее. В июле 1930 года Эйке вступает в СС, получив удостоверение под номером 2921, и вскоре стал отдавать этой организации все свое свободное время. Эйке проявил себя способным организатором, отнюдь не лишенным лидерских качеств. Довольно скоро он стал влиятельным региональным командующим СС, и в конце концов его заметили. Репутация Эйке как сорвиголовы укрепилась еще сильнее, когда полиция обнаружила несколько десятков самодельных взрывных устройств у него на квартире. Будучи приговорен летом 1932 года к двум годам тюрьмы, Эйке скрылся у озера Гарда в фашистской Италии, где по поручению Гиммлера и при сотрудничестве с местными террористами возглавил учебно-тренировочный лагерь для австрийских нацистов. Эйке даже удостоился личной аудиенции у дуче – итальянского диктатора Бенито Муссолини.

По возвращении в Германию после захвата нацистами власти Эйке в середине февраля 1933 года надеялся на то, что его усилия будут достойно вознаграждены, однако надежды его пошли прахом. Он был горько разочарован. У него сразу же произошел конфликт с гауляйтером Рейнланд-Пфальца Йозефом Бюркелем, давним врагом, считавшим его «сифилитиком и

²⁸⁹ Для данного и следующего абзаца, Gruchmann, *Justiz*, 634–639; Richardi, *Schule*, 97–113; StAMü, StA Nr. 34479/1, Bl. 93–97; Lebenslauf H. Steinbrenner, без указания даты (с. late 1940s), здесь 95.

²⁹⁰ В составе 22-го Баварского пехотного полка Теодор Эйке принимал участие в сражениях под Ипром (1914–1915), в позиционной войне во Фландрии (1914–1915), служа в разное время в качестве писаря, помощника казначея и простого пехотинца. В 1916 г. был переведен во 2-й Баварский артиллерийский полк 2-й Баварской пехотной дивизии, наполовину перемолотой в верденской мясорубке. С 1916 г. до конца войны Эйке служил в резерве пулеметной команды 2-го армейского корпуса на Западном фронте. Войну Эйке закончил с Железным крестом 1-го и 2-го класса (т. е. с теми же боевыми наградами, которые заслужил и фронтовик Первой мировой Гитлер). Кстати, если Железными крестами 2-го класса в годы Первой мировой войны было награждено 5 млн чел., то Железный крест 1-го класса получили только 218 тыс. чел., притом что в Германии было мобилизовано 14 млн чел., а в армии к концу войны (в 1918 г.) насчитывалось 7,6 млн чел.

идиотом». Этот конфликт вылился в позорное лишение Эйке свободы – сначала он угодил в тюрьму, а потом, в конце марта 1933 года, был помещен в психиатрическую лечебницу Вюрцбурга. Кроме того, Эйке был лишен и звания штандартенфюрера СС. Хотя доктор-консультант Вернер Хейделатер, впоследствии ключевая фигура в изуверской программе «эвтаназии», быстро определил, что его пациент ни в каком лечении не нуждается, Гиммлер решил придержать Эйке до лучших времен. Лучшие времена настали к началу лета, когда рейхсфюрер СС наконец решил вернуть своего сатрапа в строй. 2 июня 1933 года – в тот же день, когда Гиммлер согласился снять с должности коменданта Дахау Векерле, – он отдал соответствующие распоряжения руководству психиатрической клиники Вюрцбурга о том, что Эйке можно выписывать и что вскоре его ждет назначение на важную должность. При выборе преемника Векерле выбор Гиммлера пал на Эйке не случайно. Гиммлер любил раздавать должности тем, кто однажды скомпрометировал себя. Так рейхсфюрер СС покупал лояльность своих выдвиженцев. Разумеется, Эйке хранил слепую преданность хозяину до конца жизни.

Когда Теодор Эйке занял должность коменданта Дахау несколько недель спустя, уже в звании оберфюрера СС, он хорошо понимал, что в возрасте 41 года это назначение – последняя возможность изменить никчемную жизнь. В отличие от многих других комендантов первых лагерей Эйке не расценивал свое назначение как некую ссылку, а как возможность продвижения по службе. И энергично взялся за дело. Концентрационные лагеря, писал он Гиммлеру несколько лет спустя в одном из своих полных самовосхвалений посланий, были делом всей его жизни²⁹¹.

В первые дни в Дахау Эйке приглядывался к установленным в лагере порядкам, похаживал, смотрел, делал заметки. Работал он круглые сутки, даже спал у себя в кабинете. Тогда он и составил план реструктуризации лагеря. «Ну, Эйке оказался в своей стихии», – вспоминал впоследствии один эсэсовец. Эйке скоро изменил облик Дахау, став истинным его отцом-основателем. Из всего штата СС он выделил отряд безгранично преданных ему людей. Большинство из ближайшего окружения Векерле отбыло, среди них печально известный Ганс Штайнбрэннер. Эйке также избавился от вечно недовольного командира охранников СС, заменив его штурм-фюрером Михаэлем Липпертом, который впоследствии станет олицетворением кошмара лагеря Дахау. Наконец, Эйке составил новые и обязательные для всех правила, стараясь канализировать насилие СС, упорядочить его, а также создал более последовательную административную структуру для штата СС²⁹².

Гиммлер был рад успехам Эйке. 4 августа 1933 года он посетил Дахау вместе с предводителем штурмовых отрядов Эрнстом Рёмом и в то время, по крайней мере номинально, его начальником. После обхода лагеря оба были почетными гостями торжества, посвященного открытию памятника (возведенного заключенными), который был посвящен нацистскому «мученику» Хорсту Весселю, молодому штурмовику весьма сомнительной репутации, погибшему во время стычки с коммунистами в Берлине в 1930 году и превращенному нацистской пропагандой в символ смертельной борьбы с большевизмом. Во время праздничной встречи в большой общей столовой СС в тот вечер Гиммлер и Рём превозносили до небес дисциплину и выправку охранников. Теодор Эйке удостоился особой похвалы в свой адрес. Еще один пример

²⁹¹ Об Eicke см., в частности: Segev, *Soldiers*, 137–155, Bürckel цит. по 142; Tuchel, *Konzentrationslager*, 128–141. См. также: BAArch (ehern. BDC), SSO, Eicke, Theodor, 17.10.1892; Longerich, *Himmler*, 162–63; extracts of testimony of O. Pohl, 1947, TWC, vol. 5, 437; Koehl, *Black Corps*, 232; Bernhard, «Konzentrierte», 237. О биографии Эйке до 1934 г. см.: Weise, *Eicke*. О сигаре во рту Эйке см.: MacLean, *Camp*, 306–307.

²⁹² Dillon, «Dachau», 56, 59–60, 69, 157–159, 191, 198, 213, 235, цит. по 197. Согласно послевоенным показаниям Штайнбрэннера, он выбыл из Дахау в середине июля 1933 г., вернувшись туда осенью в статусе инструктора, а позднее занимал канцелярскую должность в отделе охраны лагеря; StAMü, StA Nr. 28791/28, Bl. 39–41; Vernehmungsniederschrift H. Steinbrenner, May 12, 1949.

иронии судьбы, если сопоставить это событие с ролью Эйке во время «ночи длинных ножей» год спустя²⁹³.

Тем временем за образцовым декором Дахау как образцового лагеря люди продолжали страдать от пыток и издевательств. Эйке и не думал облегчать жизнь узников, в этом смысле он ничуть не уступал своему предшественнику. Он просто хотел «причесать» статус-кво, облагородить его. Злоупотребления как были, так и оставались, «важные шишки» и евреи как страдали от отсутствия надлежащего лечения и изнурительного труда, так и продолжали страдать²⁹⁴. Лагерная концепция Эйке нашла отражение в его инструкциях по лагерю от 1 октября 1933 года, которые значительно расширяли перечень наказуемых нарушений заключенных в сравнении с ранними правилами Векерле, – одним словом, наказания еще более ужесточились вплоть до смертной казни. Эйке предупредил всех «политических агитаторов и ведущих подрывную деятельность интеллектуалов» о том, что, дескать, мои люди из СС «найдут способ заткнуть вам глотки». Заключенных, заподозренных в саботаже, бунтах или политической агитации, надлежало судить, исходя из «революционной законности»: «Любой, кто нападет на охранника или служащего СС, проявит неповиновение или откажется работать... [или]... будет призывать остальных к неповиновению... подлежит расстрелу на месте, как бунтовщик или же... повешению»²⁹⁵.

Получив на вооружение упомянутые инструкции, охранники СС продолжали убивать в Дахау отдельных заключенных. К концу 1933 года, то есть уже после вступления Эйке в должность коменданта лагеря, погибли еще как минимум 10 человек заключенных (трое погибших были евреями)²⁹⁶. И хотя убийства скрывались тщательнее, нежели раньше, эти случаи подлежали расследованию, что выливалось во взаимные упреки в верхах. Гиммлер вскоре оказался в новом тупике, из которого его вызволил в декабре 1933 года не кто иной, как Эрнст Рём. Воспользовавшись политическими рычагами, он сумел остановить судебное разбирательство трех подозрительных случаев гибели заключенных, мотивируя это тем, что, дескать, явно «политический характер» вопроса делал его «в настоящее время неподходящим» для юридического вмешательства. И вновь несправедливость восторжествовала²⁹⁷.

Дахау в 1933 году представлял собой нечто вроде совершенно обособленного ареала на одном из полюсов широкого спектра первых лагерей. С самого начала глава СС Генрих Гиммлер закрывал глаза на зачастую весьма радикальные подходы к незаконному задержанию – в Дахау погибло намного больше заключенных, чем в любом другом из первых лагерей. И надо сказать, таких бесчинств, как в Дахау, в других, в том числе и крупных государственных лагерях не происходило. В лагере Остхофен в Гессене, например, не погиб ни один из 2500 или больше заключенных²⁹⁸. И в том, что касалось лагерных инструкций, в них не было радикализма, характерного для Дахау. Утвержденные летом 1933 года полицией правила содержания заключенных в государственных лагерях Саксонии недвусмысленно запрещали физические наказания²⁹⁹.

Но даже в Дахау, эпицентре раннего террора, случаи гибели заключенных были скорее исключением – из 4821 человека, прошедших через этот лагерь в течение 1933 года, погибло

²⁹³ Richardi, *Schule*, 179–180. О Хорсте Весселе см.: Siemens, *Making*.

²⁹⁴ Burkhard, *Tanz*, 37–40; Ecker, «Hölle», 34; Tuchel, *Konzentrationslager*, 143.

²⁹⁵ Disziplinar-u. Strafordnung Dachau, October 1, 1933, IMT, vol. 26, 291–296, ND: 778-PS, emphasis in the original. The translation draws on NCC, doc. 150. См. также: Drobisch and Wieland, *System*, 79–80.

²⁹⁶ Wünschmann, «Jewish Prisoners», 84.

²⁹⁷ Цит. в Vermerk Dr. Stepp, December 6, 1933, IMT, vol. 36, 54–55, ND: 926-D. См. также: Gruchmann, *Justiz*, 640–645; Tuchel, *Konzentrationslager*, 141.

²⁹⁸ Meyer and Roth, «Zentrale», 202, 208. Figures covering the period between March 1933 and July 1934.

²⁹⁹ LKA Dresden, Vorläufige Bestimmungen, August 5, 1933, in Baganz, *Erziehung*, 377–386, здесь 380.

не более 25³⁰⁰. Но все остальные заключенные ежедневно сталкивались с актами насилия и оскорблениями в их адрес, постоянно подвергались риску оказаться объектом самых злобных и унижительных актов физической расправы. И все же они выжили и даже могли рассчитывать на краткие паузы без насилия; после обеда, например, заключенные обычно отдыхали, им позволялось играть в шахматы, курить, читать, а иногда даже играть на музыкальных инструментах. Дахау – как и другие первые лагеря – еще не достиг статуса «фабрики смерти»³⁰¹.

Корни нацистских лагерей

11 августа 1932 года нацистская ежедневная газета «Фёлькишер беобахтер» поместила на первой полосе пророческую историю. Еще за более чем пять месяцев до того, как Гитлер был назначен канцлером, газета предсказала, что будущее нацистское правительство издаст чрезвычайный указ об арестах левых функционеров и помещении «всех подозрительных лиц и интеллектуалов-подстрекателей в концентрационные лагеря». Нацисты не впервые затрагивали тему об использовании лагерей в борьбе против своих политических противников. Еще в статье 1921 года, когда Гитлер подвизался в Мюнхене в статусе агитатора-демагога, он пообещал «помешать евреям подорвать нашу страну, при необходимости держа их бациллы в изоляции, в концентрационных лагерях»³⁰². Ясно, что идея создания лагерей пришла в головы нацистских лидеров задолго до их прихода к власти. Однако последовательности в их подходе к этому вопросу не прослеживалось. Все отдельные митинговые угрозы веймарских лет были скорее политической риторикой, данью времени, декларацией о намерениях. И их импровизационный подход к созданию концентрационных лагерей недвусмысленно свидетельствует о том, что у нацистов не было конкретных планов по осуществлению их проектов. Когда Гитлер взял на себя ответственность за Германию в 1933 году, нацистские концентрационные лагеря только предстояло изобрести³⁰³.

Однако никак нельзя сказать, что первые лагеря появились из ниоткуда, как считают некоторые³⁰⁴. В целом нацистские заправилы черпали вдохновение куда меньше из зарубежных прецедентов, нежели от существующих национальных дисциплинарных учреждений и подходов, в особенности если это касалось более-менее крупных и стационарных государственных лагерей, как, например, Дахау или в Эмсланде, – они во многом были скопированы из уже сложившейся в Германии пенитенциарной системы с добавлением чисто армейских элементов.

Эсэсовцы, в частности Теодор Эйке, нередко старались подчеркнуть уникальность своих детищ, отрицая любое сходство их с обычными тюрьмами и исправительно-трудовыми колониями³⁰⁵. Но тогда в 1933 году нацисты беззастенчиво передирали очень многое с традиционных тюрем. Действительно, многие из эсэсовцев располагали и личным опытом пребывания в тюрьмах Веймарской республики, и примером тому может служить тот же Эйке, что не могло не повлиять на его последующие решения касательно концлагерей.

Так, например, создатели первых лагерей заимствовали из тюремных особенностей жесткий распорядок дня, зачастую просто переписывая отдельные фрагменты ранних инструкций. Традиционные дисциплинарные взыскания, налагавшиеся на заключенных тюрем, такие как

³⁰⁰ Comité, *Dachau* (1978), 204; KZ-Gedenkstätte Dachau, *Gedenkbuch*, 19.

³⁰¹ Zámečník, *Dachau*, 52–55.

³⁰² *VöB*, August 11, 1932, NCC, doc. 2; *VöB*, March 13, 1921, NCC, doc. 1 (с небольшими исправлениями перевода). Конституция, подготовленная нацистами в 1923 г. незадолго до неудавшегося «пивного путча», также предусматривала помещение политических противников в концлагеря; Drobisch and Wieland, *System*, 13.

³⁰³ См. также: Tuchel, *Konzentrationslager*, 37. Подробнее в Wachsmann and Goeschel, «Before Auschwitz», в частности 525, 529–532.

³⁰⁴ См., например, Arendt, «Concentration Camps», 748.

³⁰⁵ См.: Eicke order for Lichtenburg camp, June 2, 1934, NCC, doc. 148.

урезание рациона питания, ухудшение условий содержания (лишение заключенных в течение нескольких недель койки, прогулок и обычного рациона), беспрепятственно перекочевали и в первые лагеря³⁰⁶. Даже телесные наказания, официально введенные Эйке в Дахау как дисциплинарные взыскания, корнями уходили в тюрьмы Германии. Правда, после Первой мировой войны они были отменены по причине их антигуманности и контрпродуктивности, но ранее заключенные в тюрьмах Пруссии за отдельные проступки могли быть подвергнуты наказанию в 30 или даже 60 ударов плетью³⁰⁷.

Другим элементом, заимствованным из тюремного уклада, была система категоризации заключенных и налагаемых на них взысканий, действовавшая во всех крупных исправительных учреждениях Германии с середины 1920-х годов. Заключенные были разделены на три группы в зависимости от их поведения. Специфика наказаний для каждой из групп была разной. Если в отношении недисциплинированных или «неисправимых» заключенных характер наказаний был довольно жестким, то для дисциплинированных и отличавшихся хорошим поведением предусматривались более мягкие наказания³⁰⁸. В 1933 году подобная система – со значительно более жесткими наказаниями – была введена и в нескольких первых лагерях, по крайней мере на бумаге. Например, когда в Дахау прибыл Ганс Баймлер, эсэсовцы тут же зачислили его в «катеорию 3», то есть официально признали тем, за кем надлежало наблюдать весьма пристально, ибо «предыдущая жизнь таких людей требовала повышенного к ним внимания»³⁰⁹.

Еще одним фактором влияния на первые лагеря был принудительный труд, составлявший основу современной тюрьмы благодаря универсальной совместимости с другими способами содержания под стражей. Традиционалисты испокон веку рассматривали физический труд как наказание. Тюремные реформаторы расценивали его как реабилитационный инструмент – дескать, однообразная работа в помещениях (пусть за решеткой) способна привить заключенным строгую трудовую этику, а тяжелый труд на воздухе (в частности, в сельском хозяйстве) привяжет всех отщепенцев к деревне, тем самым избавит «выродившиеся» города от скверны³¹⁰. Подобные верования способствовали появлению в Веймарской республике исправительно-трудовых колоний, а также «лагерей добровольного труда», наложивших отпечаток и на первые нацистские лагеря³¹¹. Нацисты охотно воспользовались уже имевшимся опытом при организации первых лагерей, поскольку труд в них являлся и неотъемлемым элементом репрессий и вместе с тем символизировал раскаяние и отказ от прежнего мировоззрения и образа жизни. В статье, посвященной открытию очередного прусского государственного лагеря в Бранденбурге в августе 1933 года, местная газета объявила, что, дескать, труд вынудит заключенных «задуматься на досуге над своей прошлой жизнью» и поможет им «пересмотреть ее». Вот только читателям не удалось сообщить о «труде», например, Эриха Мюзама, вынужденного под гогот и пинки эсэсовцев подметать и мыть тюремные полы, а нередко и в буквальном смысле вылизывать их языком, чтобы не быть избитым до полусмерти³¹².

³⁰⁶ Ср. «Grundsätze», esp. § 48 and § 139–143, and LKA Dresden, Vorläufige Bestimmungen, August 5, 1933 (in Baganz, *Erziehung*, 377–386), в частности IV and V.16.f. См. также: Lechner, «Kuhberg», 86; Hesse, «Erziehung», 120.

³⁰⁷ Wachsmann, *Prisons*, 23, 409; Krohne, *Gefängniskunde*, 354–357; Hoelz, «Weißen Kreuz» (впервые опубликовано в 1929 г.), 302. For Dachau, см.: Disziplinar- u. Strafordnung Dachau, October 1, 1933, IMP, vol. 26, 291–296, ND: 778-PS. В 1937 г. Гиммлер обратил внимание на физические наказания в прусских тюрьмах; выступления перед курсантами вермахта 15–23 января 1937 г., NCC, doc. 83.

³⁰⁸ Одним из тех, кто в период 1924–1928 гг. испытал эту систему на себе в статусе заключенного, был комендант лагеря Освенцим Рудольф Хёсс; Wachsmann, *Prisons*, 26–27, 34–35, 38–39, 50.

³⁰⁹ Цит. в Special regulations for Dachau, May 1933, NCC, doc. 8. См. также: Beimler, *Mörderlager*, 29. Далее на данную тему см.: NCC, doc. 13; Baganz, *Erziehung*, 216.

³¹⁰ Wachsmann, *Prisons*, 21–23, 28, 95–99, 102.

³¹¹ Caplan, «Political Detention». Подробнее на данную тему см.: Riedle, *Angehörigen*, 110–111.

³¹² Цит. в Bendig, «Höllen», 104. См. также: Mühsam, *Leidensweg*, 33.

Коменданты первых лагерей всеми силами пытались дистанцироваться как от тюремщиков, так и от солдат. Но влияние казарменных традиций на уклад лагерной жизни было неоспоримым фактом. Тут и штурмовики и эсэсовцы получили возможность в полной мере использовать свой личный и не только опыт. Многие коменданты в свое время участвовали в Первой мировой войне (а кое-кто даже провел некоторое время в лагерях военнопленных), это же касалось и охранников³¹³. Те же, кто помоложе, нередко впитывали армейский дух в разного рода экстремистских военизированных формированиях, таких как СА (штурмовые отряды), сознательно смоделированные по армейскому образцу – флаги, знамена, форма и ритуалы – с обязательной для всех членов формирования всесторонней военной подготовкой³¹⁴.

«Стоит вновь прибывшему оказаться в концентрационном лагере, – вспоминал бывший узник Дахау, – как его не покидает ощущение, что он попал в «своего рода военный лагерь»³¹⁵. Об армии в первых лагерях напоминало очень многое, начиная с характерной выправки и поведения охранников. Эсэсовцы Дахау, например, всячески насаждали армейский дух в своей среде, учились маршировать «гусиным шагом» побатальонно, гордились формой с перенатыми в армии знаками различия³¹⁶. Да и для бывших служивых среди заключенных были не в новинку все эти ежедневные построения под оркестр, переключки (с отрывистыми командами «Шапки снять!», «Равнение направо!» и «Смирно!»³¹⁷). «Как старый солдат, я понимал, что самое мудрое – выпалить в ответ «Так точно!», – рассказывал о своем пребывании в лагере Эстервеген бывший заключенный³¹⁸. При встречах с охранниками заключенные были обязаны остановиться для отдания им чести, «встав по стойке смирно совсем как в армии». Инициатором этого был Теодор Эйке (подобные правила существовали и в тюрьмах Германии). Также по настоянию Эйке сигнал к началу рабочего дня заключенных подавал эсэсовец-горнист³¹⁹. Милитаризация первых лагерей распространилась даже на обыденный язык. В Дахау каждый барак составлял «роту заключенных», в свою очередь состоявшую из пяти «взводов» (то есть пять отсеков), командование которой осуществлялось назначенным из эсэсовцев «командиром роты»³²⁰.

Издевательства в первых лагерях диктовались и объяснялись милитаризованным укладом лагерной жизни; как правило, вновь прибывшим предстояло пройти обряд так называемого приветствия, доведенной до крайности версии ритуала инициирования, традиционного для вооруженных сил³²¹. Это же касалось и бесконечных «тренировок». Изнурительная дрессировка солдата была нормой для армейских новобранцев в Германском рейхе, временами она сопровождалась и рукоприкладством командного состава³²². Неотъемлемым элементом уклада жизни в первых лагерях был «спорт», изнурительные физические упражнения – медленные приседания, отжимания, передвижение ползком, прыжки и бег. В армии подобные тренировки имели целью превратить новичков в выносливых солдат, сплотить их. В лагерях же они пред-

³¹³ Почти все, кого назначили на должность комендантов концентрационных лагерей в период с 1934 по 1939 г., были участниками Первой мировой войны (исключением был Франц Цирайс, родившийся в 1905 г.), кроме того, четверо побывали и в плену (Генрих Дойбель, Карл Отто Кох, Ганс Лориц и Гюнтер Тамашке). О биографиях комендантов см.: Tuchel, *Konzentrationslager*, 371–396.

³¹⁴ Reichardt, *Kampfbinde*, 458–459, 566–570, 579–589, 702; Siemens, *Making*, 66–67.

³¹⁵ Manuscript by P.M. Neurath, 1943, NCC, doc. 195.

³¹⁶ Dillon, «Dachau», 122–123.

³¹⁷ Цит. в BArchB, R 3001/21167, Bl. 62–69: KL Dachau, Dienstvorschriften für Begleitpersonen, October 1, 1933. О переключках см.: Suderland, *Extremfall*, 190–194. О музыке см. Fackler, «Cultural Behaviour», 608, 614–615.

³¹⁸ Report of a Jewish «reimmigrant», August 1936, NCC, doc. 243.

³¹⁹ Цит. в T. Eicke, special camp order for Esterwegen, August 1, 1934, NCC, doc. 149. См. также: BArchB, R 3001/21167, Bl. 62–69: KL Dachau, Dienstvorschriften für Begleitpersonen, October 1, 1933, here 63; Wachsmann, *Prisons*, 24.

³²⁰ Richardi, *Schule*, 65. Данная терминология изменилась лишь в 1937 г., и не только в Дахау; Baganz, *Erziehung*, 257.

³²¹ Springmann, «Sport», 96–97. Более широко см. Euskirchen, «Militärrituale», 128–134.

³²² Wiedner, «Soldatenmißhandlungen».

назначались для того, чтобы сломать заключенного³²³. Слепое повиновение распространялось и на жилые помещения, свод педантичных правил внутреннего распорядка давал охранникам возможность оправдать любое самодурство. Очень многие процедуры из установленного порядка отражали армейский быт, включая ежедневную «заправку коек», когда заключенным предписывалось разглаживать матрасы до такого состояния, чтобы те уподоблялись геометрическим телам с острыми краями. Нередко заключенным приходилось идти на самые немислимые уловки, мобилизовывать все свои ментальные способности ради избежания наказания. И в подобных случаях выигрывали, разумеется, те, у кого за спиной была армейская служба. «Я был в армии, – писал впоследствии один заключенный берлинского лагеря. – Поэтому и знал все ходы и выходы». Часть состоятельных заключенных за дополнительную еду или за деньги обеспечивали себе помощь своих куда более опытных коллег³²⁴.

В итоге вновь прибывавшие в первые нацистские лагеря заключенные, заимствуя дисциплинарные методы, уже сложившиеся в существующих институтах – в тюрьмах, воинских частях и других учреждениях, – обеспечивали для себя возможность хоть ненамного, но облегчить свою участь. Это возымело хотя и неожиданный, но отнюдь не нежелательный побочный эффект. Широко используя уже сложившиеся методы и идеи, первые лагеря (и учреждения превентивного ареста) не ознаменовали полный разрыв с германскими традициями. И лагеря, невзирая на всю их беспрецедентность, не казались некоторым представителям общественности чем-то из ряда вон выходящим. Как выразилась Джейн Каплан, модификация уже существовавших методов затушевывала «изначально антигуманный характер нацистских репрессий, обеспечивая им общественное признание»³²⁵.

³²³ Springmann, «Sport», 89–95; NCC, doc. 209.

³²⁴ Цит. в Sopade report, December 1936, NCC, doc. 192. См. также: Langhoff, *Moorsoldaten*, 139–140; Richardi, *Schule*, 73–74; Sofsky, *Ordnung*, 84–85.

³²⁵ Caplan, «Political Detention», 41. См. также: Raithel and Strenge, «Reichstagsbrandverordnung», 450.

Открытый террор

Вопреки распространенному мифу о полном неведении, о якобы неинформированности общества обо всем, что касалось концентрационных лагерей, на протяжении многих десятилетий доминировавшему среди немцев, лагеря эти, едва появившись, впечатались в сознание населения Германского рейха настолько глубоко и прочно, что еще в 1933 году стали для некоторых немцев частью тематики сновидений.

В мае того же года, по мнению одной из местных газет, в Германии только разве что ленивый не рассуждал на тему превентивных арестов³²⁶. Режим отнюдь не скрывал существование первых лагерей. Напротив, быстро скоординированная новыми правителями пресса – по инициативе как власти предрежащей, так и журналистов – помещала бесчисленные статьи на данную тему. Нацистские СМИ подчеркивали, что главной целью их борьбы были политические противники нового порядка, в первую очередь коммунистические «террористы», за которыми следовали «богатеи» из СДПГ и другие ничуть не менее «опасные субъекты». В выпусках кинохроники, демонстрируемых в кинотеатрах Германии в 1933 году, заключенные лагеря в Галле характеризовались как «главные смутьяны на службе красных убийц и всякого рода подстрекателей». Арестам известных политических деятелей уделялось особое внимание: фотоснимки доставки в Ораниенбург Фридриха Эберта и Эрнста Хайльмана, по выражению газетных писак, «временщиков от политики», красовались аж на первой полосе «Фёлькишер беобахтер»³²⁷.

Некоторые историки считают, что большинство немцев приветствовало подобные публикации, поскольку они безоговорочно поддерживали и идею лагерей, и главные цели режима³²⁸. Доля правды в этом есть. Принимая во внимание стойкую ненависть сторонников нацистов к левым, власти не сомневались, что подобные меры, скорее всего, будут встречены с восторгом³²⁹. Но задачей пропаганды в вопросе о первых лагерях было не только достижение единства мнений. Те, кто не принял нацизм, думали по-другому. «В концлагере места найдутся всегда и для всех», – мрачно констатировала одна региональная газета в августе 1933 года, подводя итог умиротворяющей функции лагерей³³⁰. Если попытаться судить шире, к оценке умонастроений в Третьем рейхе следует подходить осторожно и по причине сложности достичь объективности в условиях тоталитарной диктатуры, и еще потому, что официальным пропагандистским сообщениям всегда противоречили разного рода слухи³³¹. И, исследуя реакцию общественности на первые лагеря, нам следует искать ответы на целый ряд весьма непростых вопросов: кому и что было о лагерях известно, когда это стало известно, кто и как отреагировал на них, на что именно?

Очевидцы и слухи

Нацистским властям так и не удалось добиться полного контроля над созданием имиджа лагерей. Хотя режим и доминировал над общественной сферой, его авторизованная версия первых лагерей подавалась в СМИ нередко в весьма урезанном виде. Но в 1933 году все еще

³²⁶ *Hildesheimer Allgemeine Zeitung*, May 9, 1933, in Drobisch and Wieland, *System*, 27. Более широко см.: Moore, «Popular Opinion», 87, 113–114. О послевоенном общественном мнении см.: Marcuse, *Dachau*, 74; KL, epilogue.

³²⁷ Цит. в VÖB (Berlin edition), August 10, 1933; BArchF, BB (Nr. 5), *Deutsche Wochenschau*, 1933; Rudorff, «Privatlager», 150; Moore, «Popular Opinion», 51, 44. Более широко см.: там же, 30–31, 36–39, 57; Drobisch and Wieland, *System*, 88–94.

³²⁸ См., например: Gellately, *Backing*, 60, 257.

³²⁹ Kershaw, *Hubris*, 456; Там же, *Popular Opinion*, 73.

³³⁰ *Schleswig-Holsteinische Landeszeitung*, August 28, 1933, in Jenner, «Trägerschaft», 119.

³³¹ О такого рода сложностях см.: Kershaw, *Popular Opinion*, 6.

оставалось достаточно путей отыскания правды, и многие рядовые немцы сумели составить на удивление точную и достоверную картину происходящего в действительности³³².

Зачастую население, вольно или невольно, становилось свидетелем актов нацистского террора. Самым впечатляющим зрелищем становилось конвоирование ранее известных в обществе людей, которых теперь уже в статусе арестантов проводили по улицам городов, вблизи лагерей. Вдоль улиц выстраивались зеваки, заключенным иногда вешали на шею плакаты оскорбительного характера, люди выкрикивали в их адрес проклятия, толкали и плевали в них. И все это на глазах гоготающих штурмовиков и эсэсовцев. Когда 6 апреля 1933 года Эрих Мюзам, Карл фон Осецки и Ганс Литтен проходили вместе с другими заключенными через Зонненбург к лагерю, охранники «подбадривали» их с помощью резиновых дубинок, о чем на следующий день писала местная газета³³³.

Но местные жители лицеизревали заключенных не только во время подобных унижительных шествий. Часть узников использовали на принудительных работах вне территории лагерей, и по их одежде и внешнему виду не составляло труда понять, как с ними обращались. Иногда работавших заключенных намеренно выставляли напоказ, как, например, в Ораниенбурге, когда комендант лагеря Шефер однажды отправил группу левых политиков – в том числе и бывших депутатов от СДПГ Эрнста Хайльмана, Фридриха Эберта и Герхарта Зегера – соскрести со стен домов старые предвыборные плакаты³³⁴.

Немцы, проживавшие в непосредственной близости от первых лагерей, также становились очевидцами злодеяний и издевательств за колючей проволокой. Поскольку очень многие первые лагеря располагались в городской черте, власти не имели возможности держать происходящее втайне от жителей. В жилых районах люди иногда видели заключенных или, еще чаще, слышали их крики; до экскурсантов в Нюрнбергском замке доносились вопли подвергавшихся пыткам в подвалах замка заключенных. Были случаи, когда очевидцы пытались вмешаться. В Штеттине местные жители пожаловались в полицию на крики и выстрелы в одну из ночей в лагере Бредов³³⁵. Еще одним источником информации служил лагерный персонал. Хотя охранники, как правило, не особенно распространялись о том, что творилось в лагерях, некоторые из них за кружкой пива могли разоткровенничаться насчет избиений и даже убийств заключенных³³⁶.

Уже очень скоро Германия буквально гудела от новостей о преступлениях в местных лагерях. В Вуппертале циркулировали слухи об издевательствах над заключенными в лагере Кемна, что вынуждены были признать даже сами нацистские чиновники³³⁷. В восточной части Германии одна местная женщина призналась заключенному из лагеря Лихтенберг, что жители Преттина «знают обо всем, что происходит за проволокой!»³³⁸. И на севере страны представители юстиции предупреждали о том, что случаи «жестокости к заключенным» в лагере Бредов «у всех на устах в Штеттине и в Померании»³³⁹. И в баварском Мюнхене уже к лету 1933 года в обиход вошли поговорки вроде «Заткнись, или ты кончишь жизнь в Дахау!»

³³² См. также: Moore, «Popular Opinion», 129.

³³³ *Sonnenburger Anzeiger*, April 7, 1933, in Nürnberg, «Außenstelle», 86. Еще примеры см.: Rudorff, «Privatlager», 154–155; Borgstedt, «Kislau», 220–221. Фотоснимки шествия в Кислау см.: Hesse and Springer, *Augen*, 55.

³³⁴ Seger, «Oranienburg», 55–56. См. также: NCC, doc. 65; Baganz, *Erziehung*, 185–187; Krause-Vilmar, *Breitenau*, 138–139.

³³⁵ Rudorff, «Misshandlung», 55; Mayer-von Götz, *Terror*, 154–155; Moore, «Popular Opinion», 132.

³³⁶ Aders, «Terror», 184; Moore, «Popular Opinion», 105–107. О контактах жителей и лагерного персонала см. также: Steinbacher, *Dachau*, 125–180.

³³⁷ Oberstes Parteigericht, Beschluss, April 1, 1935, in IfZ, *Akten*, vol. 1, 56. Более широко на тему лагеря Кемна см.: Mintert, «Konzentrationslager».

³³⁸ Langhoff, *Moorsoldaten*, 302.

³³⁹ Report of the Prussian Central State Prosecutor's Office, June 21, 1934, NCC, doc. 113.

или «Умоляю Тебя, Господи, даруй мне немоту, чтобы я не попал в Дахау»³⁴⁰. Но столицей слухов был и оставался Берлин с его многочисленными первыми лагерями. Весной 1933 года, как вспоминала мать Ганса Литтена, Ирмагд, во всех кафе и поездках метро только и говорили, что о зверском обращении с заключенными³⁴¹.

Сама Ирмагд Литтен была осведомлена о происходившем в лагерях отнюдь не по одним только слухам. Как и многие другие родственники заключенных, она регулярно получала письма от сына, временами реже, временами чаще – интервалы составляли от недели до месяца, – и, как многие другие его товарищи по несчастью, Ганс Литтен все же ухитрялся сообщать в письмах об условиях содержания. В одном из писем из Зонненбурга весной 1933 года адвокат Литтен упомянул некоего своего вымышленного «клиента», который оказался «в настолько плохих отношениях со своим окружением, что постоянно подвергался нападкам по пути домой по вечерам». Кроме того, он советовал другому своему «клиенту» не тянуть с завещанием, ибо он был близок к смерти. Позже Ганс Литтен использовал особый шифр, чтобы обмануть цензоров. В своем первом зашифрованном послании он попросил опиум, чтобы отравиться³⁴².

Многие родственники заключенных имели возможность своими глазами видеть, как обращались с их близкими. В отличие от поздних лагерей СС власти в 1933 году довольно часто позволяли свидания с заключенными, то есть следовали тюремным правилам. В некоторых лагерях разрешались свидания дважды в месяц, заключенные встречались с родными и близкими в течение нескольких минут под строгим наблюдением. В других свидания были еженедельные, встречи могли продолжаться до нескольких часов, причем безо всякого наблюдения³⁴³. Что посетители видели, подтверждало их худшие опасения – на лицах и телах узников были видны следы побоев. Встретившись с сыном в Шпандау весной 1933 года вскоре после его перевода из Зонненбурга, Ирмагд Литтен едва узнала его – так опухло лицо и, кроме того, изменилась и посадка головы. И вообще, он произвел на Ирмагд впечатление пришельца с того света³⁴⁴.

Обычно решение о свиданиях принимала администрация лагеря, иными словами, могла позволить, а могла и запретить. Но случалось, что она уступала требованиям родственников, что было совершенно немыслимо в поздних лагерях СС. Когда Гертруд Хюбнер узнала, что ее муж содержится под стражей в лагере СА на Генерал-Папе-штрассе в Берлине, она немедленно направилась туда и настояла на встрече. «Мой муж производил удручающее впечатление, было видно, что его мучили, – вспоминала она. – Я обняла его, и он разрыдался»³⁴⁵.

По возвращении из первых лагерей родственники делились впечатлениями с друзьями и родственниками, что также вызывало пересуды. Некоторые жены предъявляли окровавленную одежду мужей; в мае 1933 года жена Эриха Мюзама, Кресентия, даже предъявила нижнее белье мужа с пятнами крови, присланное ей незадолго до этого из лагеря Зонненбург, прусскому чиновнику, отвечающему за превентивные аресты, доктору Миттельбаху³⁴⁶. Вести о гибели заключенных распространялись молниеносно. После массовых акций на похоронах

³⁴⁰ Цит. в Asgodom, «Halts Maul», 16; Steinbacher, *Dachau*, 150. Существовала и масса поговорок, включавшая местные реалии; Rudorff, «Privatlager», 166. Более широко см.: Hüttenberger, «Heimtückefälle», 478–479, 503; Kempowski, *Haben*, 24–26.

³⁴¹ Litten, *Mutter*, 24.

³⁴² Hett, *Crossing*, 163, 173. Некоторые из писем Литтена были адресованы друзьям, а не только матери. Об условиях отправки писем из лагерей см.: Krause-Vilmar, Breitenau, 138; Baganz, *Erziehung*, 171.

³⁴³ Seger, «Oranienburg», 70; Baganz, *Erziehung*, 171–172; Mayer-von Götz, *Terror*, 132; ITS, ARCH/HIST/KL Kislau, Bl. 59–72; Wachvorschrift, July 12, 1933, здесь 67–68.

³⁴⁴ Litten, *Mutter*, 29. См. также: Mühsam, *Leidensweg*, 26–29, 36.

³⁴⁵ Цит. в Mayer-von Götz, *Terror*, 133. О других случаях, когда требованиям родственников уступали, см.: NCC, doc. 51; Drobisch and Wieland, *System*, 175.

³⁴⁶ Mühsam, *Leidensweg*, 29; Wollenberg, «Gleichschaltung», 267.

известных политических заключенных министерство внутренних дел Пруссии с ноября 1933 года воспретило местным властям проведение похорон «с явно протестной тональностью»³⁴⁷.

По мере распространения сведений о имевших место в лагерях злодеяниях власти вынуждены были освобождать отдельных заключенных. В некоторых случаях инициатива исходила от религиозных групп³⁴⁸. Но чаще всего именно родственники настаивали на освобождении от имени самих заключенных. Несколько месяцев Ирмагд Литтен встречалась с министром обороны рейха Бломбергом, министром юстиции рейха Гюртнером, епископом Мюллером и даже с адъютантом Германа Геринга³⁴⁹. И, к великому недовольству администрации лагерей и полиции, иногда государственные чиновники высших рангов вынуждены были уступать³⁵⁰. В случае Ганса Литтена обращение с ним улучшилось после вмешательств сверху³⁵¹. Однако освобожден он не был, впрочем, как и другие известные заключенные. Не выпустили даже Фридриха Эберта, несмотря на поддержку рейхспрезидента Гинденбурга, которому подавала прошение мать Эберта, чтобы избавить сына от издевательств³⁵².

Фридриху Эберту не повезло. Большинство других заключенных первых лагерей вскоре освободили – но не по причине вмешательств извне, а потому, что власти почувствовали, что краткого периода шока вполне достаточно для того, чтобы сломать политических противников, сделать их сговорчивее. И в 1933 году произошла быстрая ротация узников – одних выпускали, других сажали за колючую проволоку. Продолжительность таких задержаний была совершенно непредсказуема. Те, кто рассчитывал пробыть в лагере несколько дней, были чаще всего разочарованы, но в то же время мало кого удерживали в заточении год или больше. Более длительные периоды обычно были характерны для крупных и лагерей, создаваемых на постоянной основе, однако даже в таком крупном лагере, как Ораниенбург, приблизительно две трети всех заключенных были выпущены на свободу по прошествии менее трех месяцев³⁵³. В результате бывшие заключенные вернулись в немецкое общество, и именно этим людям суждено было стать основным источником сведений о первых лагерях.

Реакция немцев

Мартин Грюневидля выпустили из Дахау в начале 1934 года, где он пробыл свыше 10 месяцев. Два его товарища-коммуниста, действовавшие в подполье в Мюнхене, обратились к Мартину с просьбой написать о жизни в лагере. Невзирая на риск, 32-летний художник-декоратор написал весьма примечательный отчет на 30 страницах о преступлениях СС под названием «Заключенные Дахау рассказывают». В этот очерк вошли и воспоминания нескольких других бывших заключенных. Отчет был издан в виде брошюры, что было сопряжено с немалыми трудностями, но Грюневидль и четыре его единомышленника отправились за город и поселились в палатке под видом туристов. Именно эта палатка и стала подпольной типографией на островке на реке Изар. После нескольких полных тревог дней они возвратились в Мюнхен завершить работу. Грюневидль распространил 400 экземпляров среди находившихся в подполье членов КППГ. Еще приблизительно 250 экземпляров просто бросали в почтовые

³⁴⁷ Цит. в Drobisch and Wieland, *System*, 176.

³⁴⁸ Примеры из 1934–1945: Там же, 236–237.

³⁴⁹ Litten, *Mutter*, 22, 37, 59, 70.

³⁵⁰ Rudorff, «Privatlager», 167; NCC, doc. 50.

³⁵¹ Hett, *Crossing*, 187.

³⁵² L. Ebert to Hindenburg, July 14, 1933, NCC, doc. 47. См. также: Gestapo to Hitler, September 27, 1933, in Repgen and Booms, *Akten*, vol. 1/2, 840–841.

³⁵³ Часть заключенных лагеря Ораниенбург перевели в другие лагеря, но большинство освободили; Knop et al., «Häftlinge», 56. Более широко см.: Tuchel, *Konzentrationslager*, 103; Mayer-von Götz, *Terror*, 158–159; Langhoff, *Moorsoldaten*, 24, 46. О массовых освобождениях в пропагандистских целях см.: Drobisch and Wieland, *System*, 133.

ящики или же отсы лали сочувствующим, а также общественным деятелям с указанием «Прочти и передай дальше!»³⁵⁴.

Подпольщики столкнулись с весьма серьезными препятствиями: потребовались месяцы опасной работы, в которую были вовлечены свыше десятка человек, некоторые из них были впоследствии арестованы (среди них и Грюневидль, которого снова бросили в Дахау), а в результате выпущены всего несколько сотен экземпляров. Однако сам факт появления подобной брошюры свидетельствовал о решимости левых противников нацизма сказать правду и о режиме, и о его лагерях. Грюневидль и его друзья были не одиноки. В 1933–1934 годах в Германии существовала многочисленная оппозиция режиму, выпускалось несколько тысяч нелегальных изданий – газет, буклетов, листовок³⁵⁵. Некоторые публикации были скрыты во вполне безобидных, если судить по названию, книгах. Так, например, изданная коммунистами брошюра о пытках Ганса Литтена и других заключенных в Зонненбурге была помещена в обложку медицинского учебника о почечных и мочеполовых заболеваниях³⁵⁶. В Германии циркулировало несколько отчетов заключенных первых лагерей, среди них воспоминания Герхарта Зегера, который он написал в Чехословакии после побега из Ораниенбурга в начале декабря 1933 года³⁵⁷.

Новости о лагерях передавались в основном из уст в уста – этот источник был и оставался самым главным и важным, печатное слово появлялось относительно редко. Перед освобождением заключенных принуждали к молчанию, в противном случае им грозило повторное заключение и мучительная смерть от побоев³⁵⁸. Но никакие угрозы не могли помешать бывшим узникам делиться со своими родными и близкими о том, что им пришлось пережить в нацистских застенках, те, в свою очередь, рассказывали своим друзьям и знакомым и т. д.³⁵⁹ Тема концлагерей была настолько интенсивно обсуждаема, что в Германии не оставалось «никого, кто хоть раз не слышал бы о том, что такое концентрационный лагерь и что там происходит»³⁶⁰.

Даже те бывшие заключенные, кто не отваживался рассказать о пребывании в лагерях – из страха или вследствие психических травм, – играли роль свидетелей лагерных злодеяний и произвола³⁶¹. Их выбитые зубы, сломанные челюсти, покрытые шрамами тела, их страх обмолвиться хоть словом нередко говорили ничуть не меньше печатных или устных воспоминаний; полученные ими в лагерях травмы заживали не сразу, а кое-кто из жертв так никогда и не оправился от них³⁶². Круг посвященных в творимые СА и СС преступления непрерывно расширялся – в него входили врачи и медсестры, адвокаты, государственные служащие, прокуроры, работники моргов. В начале октября 1933 года, например, работник больницы Вупперталя записал следующее: «На вид 20–25-летний Эрих Минц был доставлен из лагеря Кемма в приемное отделение больницы с переломом черепа и с многочисленными ушибами... Пациент в бессознательном состоянии. Тело, особенно спина и ягодицы, покрыто шрамами и ушибами багрового и желтоватого оттенка. Нос и губы опухли, также багровые»³⁶³. Подобных случаев

³⁵⁴ Цит. в DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», summer 1934, here 30. См. также: Там же, 5670, Grünwiedl to VVN, August 20, 1947; Richardi, *Schule*, 26–47.

³⁵⁵ Schneider, *Hakenkreuz*, в частности 905–908.

³⁵⁶ K. G. Saur Verlag, *Tarnschriften*, doc. BTS-0064. Более широко см.: Gittig, *Tarnschriften*.

³⁵⁷ Drobisch and Wieland, *System*, 171.

³⁵⁸ Ehret, «Schutzhaft», 256; Stöver, *Berichte*, 38.

³⁵⁹ Об обстановке в стране см.: Johe, «Volk», 334.

³⁶⁰ Szalet, *Baracke*, 11.

³⁶¹ «Bericht über die Lage in Deutschland», February 1934, in Stöver, *Berichte*, 69–70; Lüerßen, «Wir», 157.

³⁶² Union, *Strafvollzug*, 18–20; Mayer-von Götz, *Terror*, 162–164.

³⁶³ HStAD, Rep. 29, Nr. 302, Krankenanstalten Wuppertal-Barmen, Anamnese, October 5, 1933. Более широко см.: Moore, «Popular Opinion», 115–119; Mayer-von Götz, *Terror*, 161.

было немало, они становились темой разговоров персонала лечебных учреждений, в особенности если доставленные заключенные умирали от полученных телесных повреждений³⁶⁴.

Таким образом, на заре появления Третьего рейха Германия была наводнена слухами о первых лагерях. Большинство немцев не только знали об их существовании, они знали и то, что само понятие «лагерь» было синонимом всякого рода злодеяний и репрессий. Лагерь обсуждались на всех уровнях и даже вошли в анекдоты. Вот один из примеров:

– Обершарфюрер, – с тревогой спрашивает охранник лагеря своего непосредственного начальника, – вы только посмотрите на заключенного вот на той койке. Позвоночник сломан, глаза выбиты, и, по-моему, он оглох. Что с ним делать?

– Освободить! Теперь он готов принять доктрину нашего фюрера³⁶⁵. Однако сведения о творимых в концлагерях беззакониях распространялись по стране весьма неравномерно. Регионы Германии по числу расположенных в них лагерей отличались друг от друга – зачастую очень сильно, причем в тех из них, где большинство населения составляли городские жители, число лагерей было больше, чем в традиционно сельских. Играл роль и социальный состав населения. Как правило, лучше были информированы представители организованного рабочего класса. И это неудивительно – подавляющее большинство заключенных были активистами или сторонниками коммунистической и социалистических партий. Вполне естественно, что их жены, дети, друзья и коллеги пытались узнать об их участи. Кроме того, рабочие левых убеждений куда чаще получали подпольно распространяемые печатные материалы, а также известия от освободившихся заключенных. Наконец, при таком количестве первых лагерей в традиционно населенных рабочими регионах нет ничего удивительного в том, что сторонники левых нередко имели возможность чуть ли не ежедневно своими глазами наблюдать акты насилия.

Но отнюдь не все решала классовая принадлежность. И представители среднего класса были прекрасно информированы о лагерях. К тому же отдельные материалы левых заключенных доходили не только до организованного рабочего класса, но и до других социальных прослоек. Дрезденский профессор Виктор Клемперер узнал о незаконном аресте Эриха Мюзама, например, от одного из своих друзей, встречавшегося с бежавшими в Данию немецкими коммунистами³⁶⁶. В целом, однако, представители среднего класса – кто в основном и поддержал нацистов в 1933 году – знали куда меньше об истинной природе и фактах нацистского террора³⁶⁷. Они были склонны отрицать слухи о беззаконии, считая их происками недругов нового государства³⁶⁸. Тем не менее сторонники нацистов были достаточно хорошо осведомлены о темных сторонах первых лагерей. И как же они реагировали?

Сторонники нацистского режима – представители всех классов и социальных прослоек – поддерживали жесткие меры против левых. «Вы выполняете приказ», – как заявил своему сыну один фабричный диспетчер весной 1933 года относительно арестов представителей левого крыла³⁶⁹. Многие из тех, кто поддерживал нацистов, приветствовали и жесткие меры в первых лагерях; исходившая от левых опасность, по их мнению, оправдывала любую жестокость, они свято верили в это, а «террористы», те уж точно заслужили выпавшее на их долю насилие. Именно сочувствующие нацистам и выкрикивали оскорбления в адрес конвоируемых по улицам городов заключенных. В Берлине они открыто поддерживали коричневорубашечников, крича: «Наконец-то вы этих собак посадили на цепь, колотите их до полусмерти или отправьте в Москву». Но поддержка разгонов левых организаций не всегда сопровождалась поддержкой

³⁶⁴ Например, см.: Mayer-von Götz, *Terror*, 151.

³⁶⁵ Цит. в Moore, «Popular Opinion», 112. Еще примеры см.: Там же, 103; DeutschlandBerichte, vol. 1 (1934), 233, 302.

³⁶⁶ Klemperer, LTI, 41.

³⁶⁷ For the Nazi vote см.: Falter, *Wähler*.

³⁶⁸ Moore, «Popular Opinion», 162.

³⁶⁹ Цит. в Fritzsche, *Life*, 31.

насилия в отношении левых активистов³⁷⁰. Оглядываясь на предвоенные годы, Генрих Гиммлер впоследствии признал, что учреждение лагерей вызвало резкое осуждение «внепартийных кругов»³⁷¹. Вполне возможно, Гиммлер лишь рисовался, рассчитывая на эффект, но тем не менее часть сочувствующих нацистам были весьма смущены тем, что происходило в первых лагерях. И тому были причины. Поскольку программа нацистов привлекала именно посулами навести в стране порядок после уличных батальи периода Веймарской республики, часть сторонников Гитлера была обеспокоена творимым в лагерях беззаконием³⁷². Других волновал имидж Германии за границей, ибо сведения о злодеяниях быстро распространялись в другие страны, и там первые лагеря уже очень скоро стали синонимом антигуманности, воцарившейся в новой Германии с приходом Гитлера к власти³⁷³.

Реакция за рубежом

«Они, если бы могли, бросили бы и нас в концентрационный лагерь», – писал сатирик Курт Тухольски из тихой и безопасной Швейцарии³⁷⁴ о сторонниках нацистов в проникнутом отчаянием письме 20 апреля 1933 года, в день, когда Германия отмечала день рождения Адольфа Гитлера. «То, что пишут [о лагерях], ужасно» – продолжал Тухольски³⁷⁵. Те, кто эмигрировал из Германии, как Тухольски, узнавали о нацистских лагерях от оставшихся в рейхе своих знакомых и друзей, а также из газет и журналов. Во Франции, Чехословакии и в других странах появлялись немецкоязычные публикации. После ареста Карла фон Осецкого, редактора влиятельного еженедельника *Weltbühne*, например, издание стало выходить в Праге; первая из многих статей о лагерях вышла там в сентябре 1933 года. Газеты и журналы, издаваемые на немецком языке за границами рейха, сосредоточились в основном на самых печально известных лагерях, таких как Дахау, Бёргермор, Ораниенбург и Зонненбург, описанных и в стихотворении Бертольта Брехта, еще одного известного эмигранта. Между тем немецкие левые издания в изгнании спонсировали публикации свидетельств очевидцев, как «Коричневая книга» коммуниста Брауна (*Braunbuch*) о нацистском терроре. Напечатанная в августе 1933 года в Париже и позже переведенная на многие языки книга эта стала бестселлером антинацистской пропаганды, в которой лагеря были названы «худшим актом деспотизма правительства Гитлера»³⁷⁶.

Некоторые из зарубежных публикаций нелегально ввозились в Третий рейх. В исключительных случаях они даже доходили до первых лагерей, что, безусловно, повышало дух заключенных. Но если судить в целом, их влияние на общественное мнение Германии было и оставалось мизерным³⁷⁷. Куда более важную роль играло общественное мнение за границей, формируемое отчасти и сведениями из отчетов о лагерях, опубликованных в периодических изданиях и цитируемых в выступлениях и заявлениях политиков. 13 октября 1933 года, всего неделю спустя после того, как немецкоязычная газета в Саарской области (которая в соответствии с мандатом Лиги Наций до 1935 года не входила в состав Германского рейха) напечатала статью бывшего заключенного лагеря Бёргермор, британская «Манчестер гардиан» пере-

³⁷⁰ Цит. в Mayer-von Götz, *Terror*, 155. См. также: Moore, «Popular Opinion», 78, 161–162.

³⁷¹ Himmler speech to Reichsleiter and Gauleiter, October 6, 1943, in Smith and Peterson, *Geheimreden*, 168.

³⁷² Drobisch and Wieland, *System*, 27.

³⁷³ Moore, «Popular Opinion», 159–160.

³⁷⁴ Неточность автора – немецкий публицист и сатирик Курт Тухольски с 1929 г. жил в эмиграции, но не в Швейцарии, а в Швеции. (Примеч. пер.)

³⁷⁵ K. Tucholsky to W. Hasenclever, April 20, 1933, in Directmedia, Tucholsky, 11678.

³⁷⁶ *Braunbuch*, 270–302, цит. по 270. См. также: Drobisch and Wieland, *System*, 168–171; Rabinbach, «Antifascism»; Milton, «Konzentrationslager», 142–143; Nürnberg, «Außenstelle», 89 (n. 25). Также см.: Deutschland-Berichte; Stöver, *Berichte*.

³⁷⁷ Baganz, *Erziehung*, 241–244.

печатала эту же статью, повествовавшую о том, как Фридриха Эберта «избивали прикладами, пока его лицо не превратилось в кровавое месиво», а Эрнста Хайльмана «избили так, что он в течение нескольких дней не вставал с койки»³⁷⁸. Активную деятельность по обличению нацистского порядка в Германии развил бывший заключенный Герхарт Зегер, который читал лекции, печатался в газетах и журналах и своими выступлениями в Европе и Северной Америке сумел привлечь внимание к нацистским лагерям³⁷⁹.

В 1933 году в газетах и журналах во всем мире появились сотни статей о лагерях. Многие из этих статей не принадлежали перу немецких эмигрантов, их авторами были иностранные корреспонденты в Германии; в 1933–1934 годах одна только «Нью-Йорк таймс» напечатала десятки обширных статей американских журналистов. Другие иностранные газеты также не обходили данную тему молчанием. Уже 7 апреля 1933 года «Чикаго дейли трибюн» поместила статью о лагере Вюртемберг. Автор очерка, корреспондент этой американской газеты, описал шок, который он испытал при виде заключенных. Иногда иностранным журналистам удавалось установить тайные контакты с представителями немецкой оппозиции. Именно таким образом репортеру одной из голландских газет удалось получить сенсационное письмо заключенных лагеря Ораниенбург о пытках, которым они подвергались³⁸⁰.

Очерки и статьи в зарубежной печати выдвигали на первый план трагические судьбы известных заключенных, нередко как элемент международных кампаний в их поддержку, организуемых ведущими политическими деятелями стран Запада. В ноябре 1933 года, например, британский премьер-министр Джеймс Рамсей Макдональд сделал официальный запрос о судьбе Ганса Литтена. Этот шаг принес пользу некоторым заключенным, невзирая на ярость нацистов по поводу вмешательства извне, вот только не самому Литтену. В ответ на запрос Макдональда гестапо Пруссии отказалось ответить на запрос о Литтене, а германский МИД пришел к заключению, что «провокационные» иностранные кампании следует опровергать в рамках широкого наступления на западные СМИ и в целях улучшения имиджа лагерей за границей³⁸¹.

Нацистский режим, который постоянно следил за общественным мнением Запада, весьма болезненно воспринимал критику в свой адрес. Поскольку число публикаций о творимом в лагерях беззаконии росло, нацистские лидеры были склонны видеть во всем заговор «международного еврейства и большевиков» и постоянно проводили параллели со «зверствами» союзников в ходе Первой мировой войны. Самым часто используемым приемом было утверждение о том, что, дескать, лагеря использовались, чтобы опорочить нацистскую Германию таким же образом, как в 1914 году Германскому рейху вменялись в вину якобы совершенные немецкими солдатами преступления во время вторжения в Бельгию. «Как в ту войну!» – с возмущением писал в дневнике министр пропаганды Йозеф Геббельс³⁸².

Отчего нацистские чиновники были столь ранимы? Очевидно, им действовали на нервы критические публикации, каким-то образом просачивавшиеся в Третий рейх (где, кстати сказать, иностранные газеты спокойно продавались) и подливавшие масла в огонь слухов³⁸³. Еще сильнее их заботил имидж Германии за границей. В 1933 году ее положение было все еще слабо, и Гитлер вынужден был действовать осторожно на международной арене с тем, чтобы

³⁷⁸ «Malice against Ebert's Son», *Manchester Guardian*, October 13, 1933. См. также: Klausch, *Tätergeschichten*, 90–91; Meyer and Roth, «Wühler», 236.

³⁷⁹ Diekmann and Wettig, *Oranienburg*, 12.

³⁸⁰ Milton, «Konzentrationslager», 138–142, цит. по 138. См. также: Dörner, «Ein KZ», 133–134.

³⁸¹ Drobisch and Wieland, *System*, 180–181, цит. по 180. См. также: Mühsam, *Leidensweg*, 41.

³⁸² Moore, «Popular Opinion», 29–31, цит. по 30. См. также: Heiß, *Deutschland*, 101. О военных преступлениях немцев в 1914 г. см.: Kramer and Horne, *German Atrocities*.

³⁸³ NCC, 304.

заставить других лидеров поверить его облику сторонника мира, что было нелегко, принимая во внимание творимые в концлагерях зверства³⁸⁴.

Чтобы заставить замолчать критиков за границей, немецкие государственные чиновники проводили пресс-конференции для иностранных корреспондентов и организовывали посещения специально подобранных и тщательно подготовленных заранее лагерей³⁸⁵. Эта была весьма рискованная стратегия, и нацистские чиновники сами прекрасно это понимали³⁸⁶. Некоторых посетителей провести не удалось, и примитивные пропагандистские трюки возымели неприятные последствия. Когда доктор Людвиг Леви, бывший заключенный Ораниенбурга, воспользовался письмом читателя из Германии для опровержения помещенного в *London Times* от 19 сентября 1933 года подробного рассказа очевидца – который назвал его жертвой пыток СА – и похвалил «качественное и даже уважительное обращение» с ним, автор статьи-первоисточника в собственном письме ответил, перечислив еще больше актов издевательств:

«Доктор Леви был помещен в Ораниенбурге в то же помещение, что и я... Я видел доктора Леви с кровоподтеком под левым глазом, опухшим и кровоточившим. Приблизительно две недели спустя в таком же состоянии оказался и его правый глаз. И в том и в другом случае он только что вернулся с очередной встречи с лагерным «начальством». Я также видел, как охранники пинали его ногами и избивали, как не раз и всех нас.

Я не обвиняю доктора Леви в том, что он сделал заявление, которое Вы опубликовали, поскольку хорошо знаю о давлении, которому он, проживая в Потсдаме [за пределами Берлина], подвергался»³⁸⁷.

Нацистская пропагандистская кампания все же добивалась определенных успехов, в особенности если речь шла о коммунистах. Некоторые редакторы зарубежных новостей с готовностью публиковали положительные оценки и куда осторожнее относились к критическим³⁸⁸. Некоторые дипломаты позволили ввести себя в заблуждение, в том числе и британский вице-консул в Дрездене. В своем восторженном отчете о посещении в октябре 1933 года лагеря Хонштайн в Саксонии (к востоку от Дрездена), одного из самых худших первых лагерей – как минимум восемь смертельных случаев заключенных, – вице-консул похвалил его как «образцовое со всех точек зрения», с «образцовыми» охранниками СА, а заключенные произвели на британского вице-консула «вполне благоприятное впечатление»³⁸⁹.

Нацистская пропаганда пыталась убедить скептически настроенную иностранную аудиторию в том, что лагеря были хорошо организованными учреждениями, в которых ни о каком насилии и речи быть не могло и которые перевоспитывали террористов в достойных граждан³⁹⁰. Эта установка подытоживалась в особом радиорепортаже, записанном 30 сентября 1933 года в Ораниенбурге и предназначенном для трансляции зарубежными службами Германского радио. Во время пространного пояснения, пытавшегося опровергнуть «лживые рассказы о злодеяниях», репортер в сопровождении коменданта Шефера прошелся по территории лагеря, зашел в столовую и в спальные помещения заключенных. Комендант вздохнул описывая достойное обращение с заключенными левых убеждений и образцовую дисциплину своих штурмовиков. В репортаж были включены и интервью с заключенными, вот отрывок такого интервью:

Репортер. Вот этот человек, немец, стоящий передо мной, коммунист, он меня не знает, и я его впервые вижу, никто его не подучал, как себя вести с нами, его просто подзвали к

³⁸⁴ О внешней политике Германии см.: Kershaw, Hubris, 490–493.

³⁸⁵ Zámečník, *Dachau*, 91; Drobisch and Wieland, *System*, 88.

³⁸⁶ Baganz, *Erziehung*, 236–237.

³⁸⁷ Цит. в *The Times*, readers' letters, September 29, 1933, October 4, 1933, NCC, docs. 54 and 55.

³⁸⁸ Zámečník, *Dachau*, 96–97; Kersten, «The Times».

³⁸⁹ Цит. в NAL, FO 371/16704, Bl. 363–65: report on a visit to Hohnstein, October 10, 1933. For Hohnstein, OdT, vol. 2, 129–134.

³⁹⁰ См., например: Hett, *Crossing*, 189; German Foreign Ministry to embassies, July 1933, NCC, doc. 48.

нам... Вам нечего бояться, вас никто ни за что не станет наказывать, даже если вы скажете мне, что чем-то недовольны. Так что говорите все как есть, ничего не скрывая.

Заключенный. Да, господин.

Репортер. Скажите нам, как вы оцениваете питание.

Заключенный. Еда здесь нормальная, ее вполне хватает.

Репортер. Что-нибудь произошло вообще с вами здесь?

Заключенный. Ничего со мной не произошло³⁹¹.

Неясно, было ли вышеприведенное интервью действительно передано по радио и попался ли кто-то на удочку незадачливых монтажеров. Но как бы то ни было, режим продолжал инсценировки лагерной действительности для последующего представления их за границей. Впрочем, не только за границей, но и у себя – в Германии.

Нацистская пропаганда

Едва успела миновать неделя с момента открытия лагеря Ораниенбург, как местные нацистские вожаки принялись его расхваливать. В местной газете от 28 марта 1933 года была опубликована статья, включавшая массу сведений касательно концлагерей и помогавшая общественному мнению переварить и усвоить все, что скормливалось ему режимом. Основным посылом упомянутой статьи было то, что, дескать, заключенные просто наслаждались «достойным, гуманным обращением». И заодно условиями содержания, которые самую малость не дотягивали до курортных, работой, которую никак нельзя было считать «ни изнурительной, ни унижительной», вполне достаточным рационом, ничуть не отличавшимся от положенного персоналу лагеря. Маршировки, построения, переключки были ничуть не тяжелее, чем положенные и охранникам, кроме того, после них, как правило, следовали спортивные игры на открытом воздухе. Затем, в конце дня, заключенные имели возможность отдохнуть, расслабиться, «погреться на солнышке», выкурить сигаретку. Если же вернуться к предназначению лагеря Ораниенбург, можно сказать следующее: мало того что лагерь ограждал широкие массы от политических противников, он и политических противников избавлял от самосуда и праведного гнева народного³⁹². Иными словами, первые лагеря являли собой пример альтернативной действительности: на совесть организованные учреждения, укомплектованные самоотверженным персоналом охраны, обращавшимся с помещенными под стражу мужчинами (о женщинах как-то даже и не упоминалось вовсе, по-видимому, потому, что случаи их помещения под стражу были чем-то из ряда вон выходящим) строго, но справедливо, обеспечивая им здоровую среду и достаточное время для отдыха и досуга. «Им не на что жаловаться» – так заявлял заголовок статьи³⁹³.

Такое пасторальное изображение первых лагерей всеми способами распространялось в Третьем рейхе. Нацистские чиновники нахваливали лагеря в публичных выступлениях, заказывали кинорепортажи из лагерей³⁹⁴. Но основным каналом была пресса, постоянно пичкавшая читателей газет срежиссированными фото заключенных – работающих, занимавшихся спортом, отдыхающих³⁹⁵. В дополнение к шаблону – уже упоминавшейся выше публикации в марте 1933 года об Ораниенбурге – такие доклады, как правило, включали в себя и дополнительную функцию. Они изображали первые лагеря как места перевоспитания, прежде всего посред-

³⁹¹ Цит. в Favre, «Wir», translation in NCC, doc. 56.

³⁹² *Oranienburger Generalanzeiger*, March 28, 1933, in Longerich, «Straßenkampf», 30–31.

³⁹³ «Sie können sich nicht beklagen», *Kasseler Neueste Nachrichten*, June 23, 1933, in Krause-Vilmar, *Breitenau*, 104. Более широко см.: Moore, «Popular Opinion», 53–54, 66, 73, 77–78.

³⁹⁴ О пропагандистской роли кино см.: Drobisch, «Oranienburg», 19.

³⁹⁵ О фотосессиях см.: «Im Konzentrationslager Oranienburg bei Berlin», *Berliner Illustrierte Zeitung*, April 30, 1933. Более широко см.: Drobisch and Wieland, *System*, 88–92.

ством привлечения к производительному труду³⁹⁶. Лишь изредка в статьях признавалось, что какая-то часть заключенных все же не подлежала исправлению. «Взять обладателя вот этой, с позволения сказать, физиономии... Это же полуживотное, яркий пример неисправимого большевика» – так одна региональная газета писала об Ораниенбурге в августе 1933 года, заключив, что «никакими методами здесь ничего не добьешься» – намек на возможную долгосрочную перспективу существования лагерей³⁹⁷.

Сами коменданты и представители лагерной администрации тоже пробовали себя в жанре литераторов и журналистов – так, в феврале 1934 года в свет вышла книга коменданта лагеря Ораниенбург Вернера Шефера. Будучи единственным в своем родеopusом жанра комендантских мемуаров, она вызвала ажиотаж. Сей печатный труд разошелся тиражом в десятки тысяч экземпляров, несколько региональных газет решили опубликовать его в нескольких выпусках. Разумеется, книгу Шефера прочли и высокопоставленные нацисты. Даже Адольфу Гитлеру Шефером был любезно выслан экземпляр с дарственной надписью автора. Еще 2 тысячи экземпляров по инициативе министерства пропаганды Геббельса через германские посольства было отправлено за границу³⁹⁸. В своем многословном повествовании Шефер, по сути, изложил официальную точку зрения на лагерь. Он расписывал, с какими трудностями пришлось столкнуться ему и его подчиненным – почти полное отсутствие инфраструктуры, враждебно настроенные заключенные и т. д., – и все ради того, чтобы создать образцовое исправительное учреждение, основанное на заботе, порядке и труде. На крыльях фантазии Шефер додумался до того, что живописал охранников СА прирожденными «педагогами» и «психологами», отдававшими все силы на то, чтобы превратить бывших врагов в «полезных членов германского народного сообщества». И в доказательство Шефер привел несколько писем, по его словам посланных ему бывшими заключенными лагеря, и в одном из них содержалась даже похвала в адрес лагеря, где автор письма приобрел «весьма ценный» опыт; автор другого письма рассыпался в благодарностях лично Шеферу «за хорошее лечение и все остальное»³⁹⁹.

Бессовестное использование заключенных было главной особенностью нацистской стратегии связей с общественностью. Свидетельства якобы удовлетворенных лагерным статусом-кво заключенных стали гвоздем пропагандистской программы в германской печати⁴⁰⁰. Упомянутые кампании достигли пика к 12 ноября 1933 года, когда нацистское государство поддержало идею (манипулируемых) плебисцита и выборов в органы власти. Заключенным первых лагерей «позволили» участвовать в них, впрочем с предсказуемыми результатами; согласно мюнхенской прессе, почти все заключенные Дахау проголосовали в поддержку Третьего рейха⁴⁰¹. Разумеется, этот выборный фарс не мог служить доказательством популярности режима среди заключенных, зато свидетельствовал об эффективности жесточайшего террора СС в Дахау. За неделю до выборов высокопоставленный баварский государственный чиновник предупредил заключенных, что голосующие против будут рассматриваться как предатели. В день голосования охранники СС напомнили им о поддержке режима, если они, конечно, желают когда-нибудь выйти на свободу. Заключенные проголосовали как было велено, поскольку прекрасно понимали, что эсэсовцы имеют возможность проверить, кто голосовал за, а кто против⁴⁰². И опасения заключенных были отнюдь не беспочвенны – в лагере

³⁹⁶ Moore, «Popular Opinion», 52–53. Более широко см.: Caplan, «Political Detention», 33.

³⁹⁷ *NS-Nachrichten für Nieder-Barnim*, August 19, 1933, NCC, doc. 49.

³⁹⁸ IfZ, Fa 199/29, Bl. 51: Schäfer to Hitler, March 24, 1934; Там же, Bl. 52: Dr. Meerwald to Schäfer, April 3, 1934; Drobisch and Wieland, *System*, 93; «Dokumentation der Ausstellung», 182. For Schäfer's book; см. также: P. Moore, «What Happened».

³⁹⁹ Schäfer, *Konzentrationslager*, цит. на с. 25, 63, 40, 238–239.

⁴⁰⁰ См., например: Longerich, «Straßenkampf», 31; Wollenberg, «Gleichschaltung», 262–264.

⁴⁰¹ Kershaw, «Myth», 63; Там же, Hubris, 494–495.

⁴⁰² Ecker, «Hölle», 48; DaA, 550, M. Grünwiedl, «Dachauer Gefangene erzählen», summer 1934, 23–25. Но не везде на выборах

в Бранденбурге коммунист, отдавший свой голос против нацистского государства, погиб под пытками⁴⁰³.

Серия официальных объяснений, опубликованных во всех газетах и журналах Германии, превозносивших до небес «хорошие лагеря», была попыткой опровергнуть публикуемую за рубежами рейха «историю злодеяний». Преисполненный осознания собственной значимости комендант Шефер, со своей стороны, объявил, что, дескать, Ораниенбург угодил в список наиболее «опороченных» лагерей в мире, назвав свой опус «Анти-Коричневой книгой»⁴⁰⁴. Но возмущение нацистов на критику извне нередко было скорее наигранным для отвода глаз. Куда больше их заботили слухи в собственной стране. Еще с самого начала власти признавали, что главная их головная боль – общественное мнение в самой Германии. 28 марта 1933 года в одной из газет была напечатана весьма эмоциональная статейка об Ораниенбурге, в которой все «разговоры о жестоких телесных наказаниях» объявлялись «бабскими сплетнями». За неделю до этого в том же духе выразился и Генрих Гиммлер, объявив об открытии лагеря Дахау, – он начисто отрицал все слухи об издевательствах над заключенными превентивного ареста⁴⁰⁵. Подобные заверения адресовались именно сторонникам нацистов, призывая их «рассеять все сомнения представителей среднего класса, считающих, что противоправные акты подрывают основы их существования», как позже выразился бывший узник Дахау Бруно Беттельхайм⁴⁰⁶.

Трудно судить о реакции общества на официальные версии «хороших лагерей». Сочувствующие нацистам люди, куда менее информированные о творящихся в лагерях беззакониях, вероятно, были удовлетворены заверениями властей и, скорее всего, жаждали уверовать в истинность предложенных режимом версий. В то же время были и другие, кто видел ситуацию по-иному. Виктор Клемперер был не единственным, кто с определенной долей скептицизма воспринимал в ноябре 1933 года репортажи о заключенных, единодушно проголосовавших за нацистов⁴⁰⁷. Если взглянуть на проблему шире, слухи о насилии и пытках не иссякали, сильно искажая навязываемую официальными властями картину.

Время от времени сами нацистские чиновники противоречили тщательно обработанным официальным сообщениям. В своей сенсационной книжице комендант Шефер неоднократно проговаривался, признавая, что заключенных избивали⁴⁰⁸. Из других публикаций известно, что для заключенных в концлагеря известных политических деятелей отводилась самая постыдная работа – уборка туалетов⁴⁰⁹. Местные газеты регулярно информировали читателей о случаях гибели заключенных и в Дахау, приводя в качестве причин «самоубийства» заключенных или же их гибель «при попытке к бегству», что в целом подрывало репутацию концлагерей как образцовых исправительных учреждений. Но подобные разоблачительные статьи были в 1933 году исключением, и появлялись они лишь потому, что в тот период нацистская пропаганда пока что не была столь твердокаменной. Несколько лет спустя ни о чем подобном в прессе уже не писали⁴¹⁰. Власти видели главную задачу не в том, чтобы расписывать насилие в лагерях, а в том, чтобы заставить тех, кто распускал о нем слухи, замолчать.

царило столь трогательное единодушие, как в Дахау: в Заксенбурге, например, лишь 27 % заключенных проголосовали за нацистов; Baganz, *Erziehung*, 181.

⁴⁰³ Bendig, «Höllen», 107.

⁴⁰⁴ Schäfer, *Konzentrationslager*, 16.

⁴⁰⁵ Цит. в Longerich, «Straßenkampf», 30. См. также: «Konzentrationslager für Schutzhaftlinge in Bayern», VöB, March 21, 1933, in Comite, *Dachau* (1978), 43.

⁴⁰⁶ Bettelheim, «Individual», 426.

⁴⁰⁷ Klemperer, *Zeugnis*, vol. 1, 69.

⁴⁰⁸ Schäfer, *Konzentrationslager*, 23, 25, 27–28. Еще примеры см.: Drobisch and Wieland, *System*, 92; Baganz, *Erziehung*, 237.

⁴⁰⁹ Wollenberg, «Gleichschaltung», 260.

⁴¹⁰ О Dachau см.: Steinbacher, *Dachau*, 186–187.

Борьба «со слухами о злодеяниях»

2 июня 1933 года издаваемая в городе Дахау газета напечатала грозную директиву Верховного командования штурмовыми отрядами. Под заголовком «Внимание!» она доводила до сведения местного населения, что недавно арестованы два человека, пытавшиеся заглянуть снаружи через ограждение: «Они утверждали, что заглянули из чистого любопытства, просто хотелось посмотреть, что там. И чтобы позволить им удовлетворить любопытство, обоим предоставили возможность побыть одну ночь в концентрационном лагере». Что же касается тех, кого в будущем застанут за подобным занятием, продолжала директива, им будет предоставлена возможность «изучить лагерь в течение более длительного срока». Не впервые жителей городка Дахау предупреждали держаться подальше от лагеря⁴¹¹.

Несмотря на угрозы, руководство первых лагерей, таких как Дахау, все же не решалось арестовывать не в меру любопытных. Кое-где местные власти размещали заключенных в более уединенных местах. Так было, например, в Бремене в сентябре 1933 года, когда расположенный в жилом районе лагерь Мислер был закрыт, а большую часть заключенных временно разместили на борту буксира у пристани на пустынном участке берега реки неподалеку от города⁴¹².

Ужесточались и меры воздействия в отношении тех, кто распускал слухи. С весны 1933 года сообщения в печати и по радио ясно предупреждали, что впредь все, кто распространяет слухи о так называемых злодеяниях, будут наказаны⁴¹³. Вновь учрежденные суды выносили показательные приговоры на основании указа от 21 марта 1933 года, предусматривавшего наказания за распространение «заведомо ложных слухов, наносящих «серьезный ущерб» режиму⁴¹⁴. Среди осужденных оказывались местные жители, проживавшие неподалеку от лагерей, как, например, один столяр, который как-то в разговоре со случайными прохожими на улице в Берлине вскользь упомянул об актах насилия в концентрационном лагере Ораниенбург. Его суд приговорил к одному году тюремного заключения. «С подобными слухами, – заявил судья, – необходимо бороться в назидание остальным»⁴¹⁵. Под суд отдавали и тех, кто жил вдали от лагерей. В августе 1933 года, например, Мюнхенский особый суд приговорил нескольких рабочих из Вотцдорфа (125 километров от Дахау) к заключению сроком на три месяца за разговоры на тему гибели заместителя депутата от КПП Фрица Дресселя в Дахау – случай этот получил широкую огласку в Баварии, еще до того, как о нем написал в своей книге Ганс Баймлер⁴¹⁶.

Принимаемые властями жесткие меры находили отражение в анекдотах о Дахау:

Двое мужчин встречаются [на улице].

– Рад видеть вас снова на свободе. Ну, как там было в концентрационном лагере?

– Великолепно! Завтрак в постель, на выбор кофе или какао. Потом спортивные занятия.

На обед давали суп, мясо и десерт. Потом спортивные игры, после них – кофе с пирожными. Потом поспишь пару часиков, и, глядишь, ужин. Ну а после ужина кино.

Его собеседник поражен:

⁴¹¹ *Amper-Bote*, June 2, 1933, NCC, doc. 42. Более широко см.: Steinbacher, *Dachau*, 187–188.

⁴¹² Wollenberg, «Gleichschaltung», 263, 267–268; Wieland, «Bremischen», 282–287.

⁴¹³ Dörner, «Konzentrationslager», 72; Longerich, «Straßenkampf», 31.

⁴¹⁴ Указ перепечатан у Hirsch и др., *Recht*, 90–91. 20 декабря 1934 г. упомянутый указ был ужесточен Законом о злонамеренных нападениях на государство и партию. О социальном фоне см.: Dörner, «Heimtücke», 17–25.

⁴¹⁵ LaB, A Rep. 339, Nr. 702, Bl. 334–336: Sondergericht Berlin, Urteil, November 24, 1933. См. также: Hüttenberger, «Heimtückefälle», 478–479; Dörner, «Konzentrationslager», 71–73.

⁴¹⁶ StAMü, StA Nr. 7457, Sondergericht München, Urteil, August 19, 1933. См. также: Drobisch and Wieland, *System*, 177.

– Так это же здорово! Я тут недавно говорил с Майером, который тоже туда попал. Но он мне другое рассказывал.

Вышедший на свободу серьезно кивнул:

– Да, вот поэтому его снова забрали⁴¹⁷.

В стремлении заставить критиков замолчать нацистские власти воздействие вали и на родственников бывших заключенных, которые нередко знали очень страшные вещи. Среди жертв была вдова Фрица Дресселя, которую поместили в Штадельхайм⁴¹⁸. Несколько лет провела в тюрьме и Сента Баймлер после ее ареста весной 1933 года. Но аресты родственников из мести или в целях оказания давления, позже получившие название *Sippenhaft*, лишь дали козыри в руки зарубежным критикам. Решение политической полиции города Дессау в начале 1934 года бросить в концлагерь Рослау Элизабет Зегер и ее маленькую дочь Ренату после бегства ее мужа Герхарта из лагеря Ораниенбург получило широчайшую огласку. На пресс-конференции в Лондоне 18 марта 1934 года Герхарт Зегер осудил репрессии нацистского режима. Из-за его книги, которая передавалась из рук в руки в Германии, нацистские власти «теперь арестовали мою жену и ребенка». В Великобритании это вызвало общественный резонанс, настолько сильный, что об этом узнал даже Гитлер. Вследствие кампании в британской прессе и заявлений британских политиков немецкие власти вынуждены были освободить мать и дочь, которые впоследствии воссоединились за границей с Герхартом Зегером⁴¹⁹.

Но некоторые нацистские фанатики были готовы пойти даже на убийство, чтобы подавить слухи. В новых инструкциях по лагерю Дахау от 1 октября 1933 года его комендант Эйке грозил тем заключенным, кто собирал или передал «сведения о злодеяниях о концентрационном лагере», смертной казнью. Менее чем три недели спустя его охранники якобы раскрыли заговор заключенных, попытавшихся нелегально переправить на волю доказательства преступлений СС, и Эйке сдержал слово. При поддержке Генриха Гиммлера Эйке заявил, что, дескать, виновные попытались передать материалы для «пропагандистского фильма о злодеяниях СС» в Чехословакию. Комендант Дахау поклялся отомстить им так, чтобы другим неповадно было. Под подозрение эсэсовцев попали пять заключенных – три еврея и два нееврея, которых бросили в лагерный карцер. Все пять заключенных были обречены. Первым умер Вильгельм Франц (капо, следивший за перепиской заключенных), за ним – доктор Дельвин Кац (санитар в больнице), который подвергся пыткам и был задушен эсэсовцами в ночь с 18 на 19 октября 1933 года. На следующий день Эйке сообщил об их гибели всем заключенным и объявил временный запрет (с санкции Гиммлера) на переписку. Как утверждают свидетели, Эйке решил нагнать страху на заключенных и, подведя тем самым черту, с лицемерием, с которым нацисты расписывали обстановку в первых лагерях, цинично заявил: «У нас в Германии хватит дубов, чтобы вздернуть на них всех несогласных». И добавил: «Никаких злодеяний и никаких карцеров нет. Дахау – не ЧК»⁴²⁰.

И заключенные первых лагерей, освободившись, помнили подобные угрозы. Лагеря оставили глубокие и незаживающие раны не только на телах, но и в душах заключенных. Трудно было жить с осознанием страха, унижения, с воспоминаниями о событиях, разрушивших их как личность, – когда они умоляли о пощаде, плакали или обмазывали себя экскрементами, не в силах противостоять насилию⁴²¹. Принимая во внимание пережитое в концлагерях наряду с

⁴¹⁷ Cited in Moore, «Popular Opinion», 110–111.

⁴¹⁸ Moore, «Popular Opinion», 68–69.

⁴¹⁹ Цит. в «Life in Nazi Prison Camp», *Daily Telegraph*, March 19, 1934. См. также: «Baby Labelled Political Prisoner No. 58», *Daily Herald*, April 23, 1934; «Frau Seger Free», *Manchester Guardian*, May 25, 1933; IFZ, Fa 199/29, Bl. 69–71: ORR Volk to RK, April 30, 1934.

⁴²⁰ Цит. в Ecker, «Hölle», 15; Zamečnik, *Dachau*, 45; Disziplinär u. Strafordnung für Dachau, October 1, 1933, IMT, vol. 26, 291–296, ND: 778-PS, здесь 294. См. также: Zamečnik, *Dachau*.

⁴²¹ Amery, *Jenseits*, 38, 54, 58. О заключенных-евреях см.: Wildt, «Violent Changes»; K. Wünschmann,

ужесточавшимися мерами против распространителей «клеветнических измышлений о злодеяниях», следует воздать должное смелости и мужеству бывших заключенных, таких как Мартин Грюневидль, который, невзирая ни на что, продолжал писать о лагерях и продолжать борьбу с диктатурой. Неудивительно, что многие левые активисты отказались от дальнейшей борьбы. Уже летом 1933 года действовавшее в подполье руководство компартией предупредило своих негнбимых сторонников о том, что многие их прежние товарищи, выйдя на свободу, «отступились» и из страха решили порвать с партией⁴²². Страх охватил не только коммунистов, но и других противников режима. Едва бесчеловечность нацистского террора стала общеизвестным фактом, как многие прежние оппозиционеры самоустраились от борьбы⁴²³. Таким образом, все перешептывания о злодеяниях в первых лагерях проторили дорогу к тотальному господству нацистов, в значительной степени ослабив сопротивление⁴²⁴.

Разумеется, запугивание было лишь одной из многих функций первых лагерей. С самого начала нацистские лагеря являлись многоцелевым оружием. Что заложило прочную основу будущего – в частности, все вводимые в Дахау «новшества», его структура, система административного управления, распорядок дня с ежедневными ритуалами. Вне всякого сомнения, отдельные основополагающие элементы концентрационных лагерей СС зародились именно в первых лагерях начального этапа диктатуры. Но до отлаженной лагерной системы СС было еще далеко. После всего лишь года нацистского правления области Германии продолжали отличаться и соперничать, так что ни о какой скоординированной в общенациональном масштабе сети лагерей речи не шло. Первые лагеря представляли собой достаточно пеструю картину, отличаясь друг от друга в зависимости от того, кто ими управлял и в каких условиях находились заключенные. И в начале 1934 года их будущее так и оставалось неопределенным. Более того, не было ясности даже в том, есть ли вообще будущее у лагерей в Третьем рейхе⁴²⁵.

«Konzentrationslagererfahrungen», 56–57.

⁴²² Mitteilungen des Gestapa, August 24, 1933, in Boberach, *Regimekritik*, doc. rk 21.

⁴²³ См., например: Kershaw, *Popular Opinion*, 79–80.

⁴²⁴ Eley, «Silent Majority?», 558.

⁴²⁵ См. также: Wachsmann, «Dynamics», 20.

Глава 2. Лагерная система СС

Убийство было ремеслом Теодора Эйке. Если уж быть совсем точным, один-единственный выстрел, сделанный им около 18 часов 1 июля 1934 года, и определил его дальнейшую карьеру. Когда Эйке в тот воскресный вечер вышагивал по новому корпусу тюрьмы Штадельхайм в Мюнхене, ему, возможно, уже грезились лавры, которыми его увенчают. Хотя он не был убийцей с опытом, как, к примеру, его предшественник на посту коменданта Дахау Векерле – правда, тот большую часть грязной работы все же перепоручал подчиненным, – тем не менее, поднимаясь на второй этаж, новичок волнения своего ничем не выдал. Миновав два коридора, вдоль стен которого выстроились вооруженные полицейские, он наконец остановился у дверей камеры номер 474 и приказал отпереть их. Эйке вошел в камеру в сопровождении своего ближайшего подручного Михаэля Липперта и оказался лицом к лицу со своим бывшим благодетелем, а ныне – самым ценным из политических заключенных, предводителем штурмовых отрядов Эрнстом Рёмом.

Эйке с Липпертом прибыли из Дахау в Штадельхайм приблизительно часом ранее и напрямую направились к начальнику тюрьмы. Они потребовали от него обеспечить доступ к Рёму, утром арестованному за государственную измену вместе с остальными главарями СА. Когда начальник тюрьмы заупрямился, Эйке раздраженно пояснил, что действует от имени и по приказу Гитлера. Фюрер, рявкнул Эйке, лично поручил ему предъявить главе СА ультиматум: либо он пускает себе пулю в лоб, либо Эйке его расстреляет. Начальник тюрьмы в панике стал обзванивать все инстанции, желая удостовериться, что Эйке не сочиняет. Удостоверившись, что все в порядке, двум эсэсовцам позволили проследовать в камеру под номером 474. Там Эйке вручил Рёму экземпляр «Фёлькишер беобахтер», с описанием казни шести чинов штурмовых отрядов в Штадельхайме, состоявшейся за день до этого, и в двух словах изложил ультиматум Гитлера.

Рём, видимо, попытался протестовать, но визитеры разговаривать с ним не стали, вышли в коридор, а камеру его быстро заперли тюремщики. На столе был оставлен пистолет с одним патроном. Стоя за дверями камеры Рёма, Эйке выждал отведенные Рёму Гитлером 10 минут, после чего приказал тюремщику забрать пистолет, из которого так и не был сделан выстрел. Эйке и Липперт через распахнутую дверь навели пистолеты на стащившего с себя коричневую форменную блузу Рёма. Прицелившись, оба почти одновременно нажали на спуск. Рёма отбросило назад. Обливаясь кровью, он стонал – первые выстрелы только ранили его. Эйке был явно смущен стоном Рёма, возможно, поэтому и велел Липперту добить его. Тот, повинувшись приказу, подошел к Рёму и выпустил третью пулю в упор прямо Рёму в сердце. Если верить одному из свидетелей, последними словами предводителя СА были: «Фюрер, мой фюрер»⁴²⁶.

Гитлер уже давно задумал расчитаться с Рёмом, хотя лишь немногие могли предугадать столь бескомпромиссный финал. Не один месяц штурмовики игнорировали призывавшего их утихомириться Гитлера. Вдохновляемые своим харизматичным лидером Эрнстом Рёмом, они рвались начать «вторую революцию» и создать «государство СА». Их политика с позиции силы вкупе с жестокими выходками стали головной болью Гитлера. Неугомонные штурмовые отряды не только открыто выражали недовольство режимом во второй год правления Гитлера, но и отталкивали от него германскую армию. Генералы видели в Рёме и его штурмовиках прямую угрозу – как-никак, к середине 1934 года Рём имел под своими знаменами свыше 4 мил-

⁴²⁶ Об убийстве Рёма см., в частности: StAMü, GStA beim OLG München Nr. 2116, LG München, Urteil, May 14, 1957, цит. по 46; См. также: Там же, Nr. 6237, Vernehmung W. Kopp, May 27, 1953; Там же, StA Nr. 28791/40, Dr. Koch, Niederschrift, July 1, 1934; Там же, Nr. 28791/1, Bl. 13–16: Vernehmung Dr. Koch, January 25, 1949; Там же, Nr. 28791/3, Bl. 72–75: Vernehmung W. Noetzel, June 28, 1949. По слухам, Эйке летом 1933 г. лично убил в Дахау одного заключенного (Richardi, *Schule*, 187), но вообще-то не в его характере было совершать убийства собственными руками.

лионов человек. Более того, Рём нажил врагов и среди нацистских лидеров, которые теперь тайно замыслили устранить своего серьезного конкурента. Гиммлер и Гейдрих, в частности, вполне удачно скормили Гитлеру ложь о якобы готовившемся заговоре штурмовиков.

В июне 1934 года после нескольких месяцев колебаний Гитлер наконец предпринял решительный шаг. Узнав о «предательстве» Рёма, он впал в бешенство и при осуществлении тайного плана расправы с ним решил даже забежать вперед. На рассвете 30 июня 1934 года он небольшой группой ближайших сторонников лично прибыл на сборище штурмовиков в Бад-Висзе, где арестовал Рёма и его приспешников. Уже несколько часов спустя Гитлер распорядился о первых казнях, но расправу с Рёмом решил перенести на следующий день. Тем временем полиция и силы СС обшаривали Германию в поисках подозреваемых, список которых был составлен заранее. В числе жертв значились не только штурмовики. Чистка послужила прикрытием для подавления критиков режима из числа национал-консерваторов и других предполагаемых врагов или отступников от идей нацизма. Так осуществилась так называемая «ночь длинных ножей» – которая фактически затянулась на трое суток и стоила жизни 150–200 бывшим союзникам Гитлера⁴²⁷.

В ходе этой кровавой чистки самый деятельный из эсэсовских палачей Дахау проявил себя самым деятельным личным палачом Гитлера. За несколько дней до описываемых событий Эйке провел совещания со своими лагерными подчиненными, планируя аресты на территории Баварии. Затем 29 июня весь личный состав лагеря был приведен в боевую готовность. Позже той же ночью Эйке проинформировал своих людей о заговоре СА против Гитлера, который необходимо было подавить безо всякой пощады. Эйке не скрывал бешенства и, по словам очевидцев, разбил фотографию Рёма. Еще затемно несколько сотен охранников во главе с Эйке, часть из которых были вооружены пулеметами, снятыми на время с вышек, выехали из лагеря на грузовиках и автобусах. Спешились они в нескольких километрах, не доезжая Бад-Висзе, для соединения с еще одной группой СС, лейбштандартом «Адольф Гитлер». Но поскольку Гитлер запустил план операции раньше намеченного срока, группа из Дахау запоздала, и в конечном счете ей пришлось вместе с лейбштандартом «Адольф Гитлер» возвратиться в Мюнхен. Там Эйке встретился с другими нацистскими фюрерами в штаб-квартире НСДАП, так называемом Коричневом доме, где впадавший в истерику Гитлер разглагольствовал о «подлейшем предательстве во всемирной истории», пообещав перестрелять всех мятежников из штурмовых отрядов. Вероятно, именно тогда Эйке и получил последние наставления касательно санкционированной государством резни в Дахау, и вскоре после возвращения в лагерь (это было уже 30 июня) расправе был дан ход⁴²⁸.

Одной из первых жертв, и, безусловно, самой заметной, стал 71-летний Густав фон Кар, которого эсэсовцы притащили в Дахау после ареста в Мюнхене вечером 30 июня. Бывший премьер-министр монархистской Баварии был и оставался объектом ненависти нацистов еще с 1923 года, когда фон Кар помог подавить неудачный ноябрьский путч Гитлера⁴²⁹. Эсэсовцы Дахау, узнав фон Кара, когда тот выбирался из черного полицейского кабриолета, едва не линчевали его. Толпа охранников притащила старика к Теодору Эйке, который сидел на стуле перед зданием лагерной комендатуры, с неизменной сигарой во рту. Жестом, достойным римского императора, Эйке поднял большой палец правой руки вверх, а потом вниз. Толпа эсэсов-

⁴²⁷ Для данного и следующего абзаца см.: Kershaw, *Hubris*, 499–517. См. также: Longerich, *Himmler*, 180–184; Höhne, *Orden*, 90–124.

⁴²⁸ О цитате и выступлении Гитлера см.: Kershaw, *Hubris*, 514. Об эсэсовцах Дахау и чистке см.: StAMü, StA Nr. 28791/3, BL 5–7: Vernehmung M. von Dall-Armi, May 5, 1949; Там же, BL 61–64: Vernehmung J. Hirsch, June 27, 1949; Там же, BL 103: Vernehmung M. Müller, July 19, 1949; Там же, Nr. 28791/6, BL 406–409: Vernehmung R. Dirnagel, June 3, 1953; Там же, BL 441–42: Vernehmung X. Hammerdinger, July 9, 1953; Там же, Nr. 28791/28, BL 36: Vernehmung T. Dufter, May 6, 1949; Там же, GStA beim OLG München Nr. 2116, LG München, Urteil, May 14, 1957, 18–19; Höhne, *Orden*, 101.

⁴²⁹ StAMü, StA Nr. 28791/28, BL 53–54: KOK Schmitt, Schlussbericht, June 17, 1949; Kershaw, *Hubris*, в частности 159, 208–209.

цев протащила фон Кара через соседние железные ворота в новый бункер Дахау. Вскоре прогремел выстрел⁴³⁰.

Убийства продолжались до глубокой ночи, на грузовиках и на легковых автомобилях в лагерь подвозили из Мюнхена все новых и новых «изменников». Большинство из них нашли смерть, как и фон Кар, в нескольких шагах от эсэсовского бункера или же в самом бункере, но как минимум двух штурмовиков расстреляли при ярком свете прожекторов на стрельбище. Заключенные Дахау, запертые в бараках, слышали выстрелы, сопровождаемые ревом эсэсовцев, одуревших от крови, шнапса и пива – по распоряжению весьма торжественно настроенного Эйке дармовое пиво текло рекой, из громкоговорителя гремели бравурные марши⁴³¹. Вакханалия СС периодически прерывалась выстрелами, часть арестованных забивали и затаптывали ногами насмерть⁴³².

Но не все, кому в ту ночь суждено было погибнуть, доставлялись в Дахау из Мюнхена или его окрестностей. В своем безумии эсэсовцы Дахау казнили пятерых осужденных на длительные сроки заключенных лагеря, как минимум двое из них были немецкими евреями. В отличие от предыдущих убийств, когда эсэсовцы действовали по приказам свыше – Эйке, полиции или СД (эсэсовской службы безопасности), – расправа над заключенными не была санкционирована никем, а эсэсовцы играли роль и судей и палачей. Желая покрыть преступников, Эйке и его подчиненные, очевидно, доложили обо всем Гиммлеру, выдвинув заведомо ложную версию о том, что, дескать, расстрелянные каким-то образом выразили солидарность с Рёмом и подстрекали заключенных к бунту. Весть о казни заключенных мигом облетела лагерь⁴³³.

После бесконечной ночи разгула насилия Теодор Эйке, опасаясь паники среди заключенных, ранним утром 1 июля 1934 года объявил им о чистке партийных рядов и о том, что, дескать, Рём будет скоро повешен прямо в лагере⁴³⁴. Но когда конвой Эйке возвратился из Штадельхайма вечером под вой сирен, Рём был уже мертв, он был застрелен Эйке и Липпертом. Однако Эйке был все еще полон решимости продолжить экзекуции в Дахау. Он лично доставил в лагерь четырех младших чинов штурмовых отрядов. Сначала их провели в эсэсовскую столовую, где они дожидались, пока соберут зрителей их публичной казни. Охранники СС собрались возле бункера у стрельбища. Заключенные смотрели из-за проволочного ограждения на отдававшего приказы Эйке. Когда приговоренных по одному вывели из столовой, Эйке объявил им смертный приговор, а эсэсовцы из расстрельного взвода, вскинув винтовки, прицелились. После каждого залпа толпа еще не успевших протрезветь охранников СС дико вопила «Хайль!»⁴³⁵.

После завершающего этапа бойни в Дахау на следующее утро – в лесном массиве к северу от плаца для построений СС – все наконец кончилось. В тот же день, 2 июля 1934 года, Гитлер официально объявил, что чистка завершена и спокойствие на территории рейха восстановлено⁴³⁶. К тому времени в лагере Дахау и его окрестностях было убито свыше 20 человек⁴³⁷.

⁴³⁰ StAMü, StA Nr. 28791/28, Bl. 39–41, 42–44: Vernehmung J. Steinbrenner, May 12, 1949, May 25, 1949; Там же, Nr. 28791/6, Bl. 398–402: Vernehmung J. Steinbrenner, June 1, 1953.

⁴³¹ StAMü, StA Nr. 28791/3, Bl. 5–7: Vernehmung M. von Dall-Armi, May 5, 1949; Там же, Bl. 57–58: Vernehmung A. Pleiner, June 22, 1949; Там же, Nr. 28791/6, Bl. 398–402: Vernehmung J. Steinbrenner, June 1, 1953.

⁴³² DaA, Nr. 24658, Bestattungsamt Munich, Ordner: Poliz. Opfer allg., без указания даты, Abschrift.

⁴³³ StAMü, StA Nr. 28791/46, GStA Munich, EV, January 28, 1952, здесь 11; Там же, Nr. 28791/6, Bl. 403–405: Vernehmung W. Noetzel, June 2, 1953; Там же, Nr. 28791/28, Bl. 35: Vernehmung A. Stadler, May 5, 1949; BayHStA, StK 6299/2, Bericht des Politischen Polizeikommandeurs Bayerns, May 7, 1935.

⁴³⁴ StAMü, StA Nr. 28791/3, Bl. 61–64: Vernehmung J. Hirsch, June 27, 1949; Там же, Bl. 68–69: Vernehmung H. Reis, June 21, 1949; Там же, Bl. 70: Vernehmung L. Schmidt, June 30, 1949.

⁴³⁵ StAMü, StA Nr. 28791/6, Bl. 441–442: Vernehmung X. Hammerdinger, July 9, 1953; Там же, Nr. 28791/3, Bl. 5–7: Vernehmung M. von Dall-Armi, May 5, 1949; Там же, BL 12–13: Vernehmung J. Lutz, May 11, 1949; Там же, Bl. 72–75: Vernehmung W. Noetzel, June 28, 1949; Там же, Bl. 92: Vernehmung J. Klampfl, July 15, 1949.

⁴³⁶ Domarus, Hitler, vol. 1, 405. Об убийствах 2 июля в Дахау см.: StAMü, StA Nr. 28791/46, GStA Munich, EV, January 28, 1952, здесь 11.

Они стали жертвами убийств из мести, в их числе представители элиты СА, ближайшие соратники Рёма (как, например, его личный шофер), подруга предполагаемого изменника (единственная женщина среди убитых), несколько писателей-диссидентов, а также несогласных с нацистами политиков. Эсэсовцы казнили и музыкального критика доктора Шмида, которого баварская полиция спутала с его однофамильцем-журналистом. Поняв, что ошиблись, исполнители тут же срочно созвонились с Эйке в Дахау, но доктор Шмид был уже убит⁴³⁸.

Чистки СА лета 1934 года послужили водоразделом в истории Третьего рейха. Одним ударом численность штурмовых отрядов, представлявших наибольшую угрозу для Гитлера, значительно уменьшилась. Кроме того, упразднение СА как главного соперника армии способствовало сближению Гитлера с благодарным ему генералитетом. Но не одни только генералы приветствовали Гитлера. Вся Германия была ему благодарна за то, что он восстановил в стране порядок и нравственность, избавившись от содомита Рёма и его головорезов. Нацистская пропаганда всю муссировала версию о гомосексуальности предводителя штурмовиков, что в общем-то было и известно без вмешательства СМИ. Одним словом, могущество Гитлера, как вождя нации, усилилось. А в августе 1934 года после смерти президента Гинденбурга Гитлер и вовсе стал недосягаем – отныне он присвоил себе титул «фюрер и рейхсканцлер»⁴³⁹.

Чистка в рядах нацистов послужила также важнейшим моментом в истории лагерей. Она способствовала установлению на постоянной основе системы незаконного заключения в концентрационные лагеря СС. Кроме того, ускорила создание профессионального корпуса эсэсовских охранников, связанных круговой порукой творимых сообща преступлений. Учиненная в Дахау резня за три дня унесла столько же жизней, сколько за весь предыдущий год, и в значительной степени повлияла на ментальность лагерных эсэсовцев. «Эти события произвели на меня впечатление», – вспоминал Ганс Аумаер, в ту пору 27-летний новобранец с опытом лишь нескольких месяцев службы в Дахау, впоследствии дослужившийся до должности начальника лагеря (с января 1942 года по 18 августа 1943 года) Освенцим⁴⁴⁰.

⁴³⁷ Поименно известны 22 жертвы; Zámečník, *Dachau*, 70. Как минимум еще трое были убиты неподалеку от лагеря предположительно служащими эсэсовской охраны; StAMü, StA Nr. 28791/46, GStA Munich, EV, January 28, 1952, здесь 13–15.

⁴³⁸ StAMü, StA Nr. 28791/46, GStA Munich, EV, January 28, 1952, здесь 11–16; Там же, Nr. 28791/32, KOK Schmitt, Schlussbericht, June 20, 1949.

⁴³⁹ Kershaw, *Hubris*, 517–526. См. также: Там же, «Myth», везде.

⁴⁴⁰ USHMM, 1998.A.0247, reel 15, Bl. 184–193: statement H. Aumeier, December 15, 1947 (translation from Polish by Katharina Friedla). См. также: BArchB (chern. BDC), SSO, Aumeier, Hans, 20.8.1906.

Постоянство перемен

Чистка СА и ликвидация Рёма стали звездным часом Теодора Эйке. И возможностью поднять статус подчиненных ему эсэсовских охранников. Отныне они считались не просто охранниками, а «надежной опорой, столпами» нацистского государства, как похвалялся он несколькими неделями ранее, готовыми «сплотиться вокруг нашего фюрера» и защитить его, «яростно атаковав» врагов рейха⁴⁴¹.

Эйке мгновенно уловил всю выгоду чистки СА, и не ошибся. Впоследствии он не упустил случая напомнить Гиммлеру о «важности задач», решенных его людьми, продемонстрированной ими «верности, бесстрашия и готовности выполнить любой приказ»⁴⁴². Дахау стал главными подмостками, на которых разыгрывалось смертоубийственное действо, хотя от него не отставали и другие эсэсовские лагеря, где заключенные содержались в нечеловеческих условиях⁴⁴³. И, что самое важное, Эйке лично устранил коварного лидера «заговора» против Гитлера Эрнста Рёма. Именно это и стало его своего рода визитной карточкой в кругах СС. В день празднования зимнего солнцестояния в Дахау примерно полтора года спустя Эйке, по свидетельству очевидцев, воскликнул: «Я горжусь, что собственноручно пристрелил этого пидора, эту свинью»⁴⁴⁴.

Гитлер не забыл услугу, оказанную ему Эйке и его подручными. Всего лишь несколько дней спустя после чистки он присвоил Эйке звание группенфюрера (генерал-лейтенанта) СС, то есть поднял его так высоко, что от рейхсфюрера СС Гиммлера Эйке теперь отделяли всего два звания. Рост статуса СС как самого безотказного инструмента гитлеровского террора отразился в приказе от 20 июля 1934 года, наделявшим «охранные отряды» особым статусом автономии (прежде СС находились в подчинении штурмовых отрядов СА). Глава СС Гиммлер понимал основополагающую роль чистки. Без малого десятилетие спустя он доверил своим людям «поставить к стенке тех, предал своих»⁴⁴⁵. Но фактически главным бенефициарием резни был сам Гиммлер. Его звезда уже восходила, но чистка ускорила процесс обретения им могущества, которое, в конечном итоге, обеспечит ему всю полноту власти над немецкой полицией и лагерями, хотя главные сражения за обретение власти были еще впереди⁴⁴⁶.

Инспекция концентрационных лагерей

«Как грибы после дождя» – так Гиммлер описал формирование политической полиции во время нацистского захвата власти⁴⁴⁷. Первоначально земли Германии сами управляли своими войсками. Но вскоре силы были скоординированы, и тем, кто их поставил под единое командование, был Гиммлер. С конца 1933 года он расширил полномочия, ограничивавшиеся одной только Баварией, и за несколько месяцев целеустремленный рейхсфюрер СС подчинил себе силы политической полиции фактически всех германских земель. Последней из оказавшихся в тисках Гиммлера была самая крупная земля – Пруссия, где шла ожесточенная борьба за первенство управления террористическим аппаратом. В конце концов глава Прус-

⁴⁴¹ Приказ Эйке по Лихтенбургу, 2 июня 1934 г., NCC, doc. 148.

⁴⁴² Eicke to Himmler, August 10, 1936, NCC, doc. 152.

⁴⁴³ Endlich, «Lichtenburg», 32; Schilde and Tucheit, *Columbia-Haus*, 35, 123–125; StAMü, StA Nr. 28791/7, Vernehmung K. Launer, May 23, 1949.

⁴⁴⁴ StAMü, GStA beim OLG München Nr. 2116, LG München, Urteil, May 14, 1957, 56–59, цит. по 55.

⁴⁴⁵ Имеется в виду антигитлеровский заговор 20 июля 1944 г. (*Примеч. пер.*)

⁴⁴⁶ Цит. в IMT, vol. 29, Rede bei der SS Gruppenführertagung in Posen, October 4, 1943, ND: 1919-PS, здесь 145. См. также: Longerich, *Himmler*, 184; von Papen, *Papen*, 30.

⁴⁴⁷ Цит. в Breitman and Aronson, «Himmler-Rede», 345.

сии Герман Геринг 20 апреля 1934 года согласился назначить Гиммлера инспектором тайной государственной полиции Пруссии. Руководитель эсэсовской службы безопасности (СД) Рейнхард Гейдрих был назначен Гиммлером новым главой прусского гестапо с 600 служащими в Берлинском главном управлении и еще 2 тысячами по всему рейху. На бумаге Геринг оставался главой прусского гестапо и на первых порах продолжал играть значительную роль. Но впоследствии его непрерывно уменьшавшееся влияние не шло ни в какое сравнение с таковым его куда более проницательных подчиненных⁴⁴⁸.

Назначение Гиммлера главой политической полиции Германии – то есть доступ его к по сути неограниченной власти, если это касалось превентивных арестов, – послужило Гиммлеру трамплином для того, чтобы прибрать к рукам и власть над концентрационными лагерями. Гиммлер, в отличие от многих своих собратьев по партии, прекрасно понимал значимость лагерей и еще с конца 1933 года нацелился на них⁴⁴⁹. И, заполучив полномочия управления политической полицией, понял, что настало время действовать⁴⁵⁰.

Для реализации своих планов Гиммлер обратился к Теодору Эйке. В мае 1934 года, незадолго до чистки СА Рёма, Гиммлер приказал Эйке осуществить «фундаментальную реформу организационных структур» системы лагерей, начав с Пруссии. Гиммлер стремился похоронить несовершенную прусскую модель, заменив ее отточенной в Дахау системой СС⁴⁵¹. Первым реформированию подлежал Лихтенбург. Эйке, позиционировавший себя как «инспектор концентрационных лагерей», прибыл 28 мая 1934 года и взял под свой контроль лагерь, до этого управлявшийся гражданским директором, чиновником полиции Фаустом, которому номинально подчинялись эсэсовские охранники Лихтенбурга. На следующий день Эйке арестовал Фауста по сфабрикованным обвинениям (бывший директор вскоре по распоряжению Гиммлера был подвергнут превентивному аресту сначала в Берлине, а затем был переведен в Эстервеген). Эйке уволил и двоих полицейских управляющих, бывших подчиненных Фауста. Доверие он решил оказать одиозной личности – коменданту охранников СС. В целях ужесточения режима содержания заключенных Эйке 1 июня 1934 года установил новые правила наказаний заключенных, по сути ничем не отличавшиеся от введенных им в Дахау⁴⁵². На следующий день перетряска завершилась первой оформленной в письменном виде директивой охранникам Лихтенбурга: «До сих пор ваше начальство было чиновничьим, а ваш директор – коррупционером, теперь же за вас и за условия вашей службы в ответе будут люди военные. Совместными усилиями мы постепенно заменим плохие кирпичики на хорошие»⁴⁵³.

Вдохновленный перестройкой Лихтенбурга, стремительно осуществлявшейся на протяжении следующих недель, Гиммлер тем временем планировал следующие шаги. В июне 1934 года он устремил взор на Заксенбург (Саксония) и на Эстервеген, самый крупный из государственных лагерей Пруссии. Этот проект был куда более амбициозным, ибо оба лагеря до сих пор охранялись штурмовыми отрядами. Эстервеген должен был стать первым, и Эйке уже планировал прибрать его к рукам в статусе коменданта – даже дата была намечена – 1 июля 1934 года, но тут возьми и начнись кровавая чистка, ускорившая захват эсэсовцами первых

⁴⁴⁸ Longerich, *Himmler*, 165–179, 192–196; Gerwarth, *Heydrich*, 102.

⁴⁴⁹ Tuche, *Konzentrationslager*, 319.

⁴⁵⁰ Первые распространявшиеся на всю территорию рейха указы о применении превентивных арестов имперского министерства внутренних дел апреля 1934 г. подтверждали центральную роль гестапо при решении о помещении подвергнутых превентивному заключению лиц для содержания под стражей в концентрационных лагерях; Wachsmann, «Dynamics», 20–21.

⁴⁵¹ Цит. в Himmler to district president in Merseburg, June 15, 1934, in Tuche, «Theodor Eicke», 65. Относительно даты распоряжения Гиммлера см.: BArchB (ehem. BDC), SSO, Eicke, Theodor, 17.10.1892, Lebenslauf, March 15, 1937.

⁴⁵² Tuche, *Konzentrationslager*, 162–163; Mette, «Lichtenburg», 144; BArchB (ehem. BDC), SSO, Eicke, Theodor, 17.10.1892, Eicke to Chef des SS-Amtes, June 2, 1934.

⁴⁵³ Приказ Эйке по лагерю Лихтенберг, 2 июня 1934 г., NCC, doc. 148.

лагерей⁴⁵⁴. СС обосновались не только в Эстервегене и Заксенбурге, как первоначально планировалось, но и еще в двух лагерях СА – Хонштайне и Ораниенбурге⁴⁵⁵. Сфера влияния СС продолжала расти, и за ближайшие недели Теодор Эйке был официально назначен инспектором концентрационных лагерей, это произошло 4 июля 1934 года, то есть всего три дня спустя после расстрела Рёма⁴⁵⁶.

Захват Ораниенбурга, самого древнего и самого заметного лагеря СА, символизировал новую гегемонию – СС. 4 июля 1934 года, спустя несколько дней после того, как подразделения полиции разоружили большую часть штурмовиков Ораниенбурга, Эйке торжественно вошел в лагерь. Формирования СС под его командованием (часть из них перебросили сюда из Дахау) окружили лагерь; если верить очевидцу, Эйке прихватил с собой уверенности ради даже пару танков. Но перепуганные штурмовики и не думали давать отпор. Эйке в двух словах объявил о переходе лагеря под начало СС, посоветовав прежним охранникам из СА подыскать себе другую работу. Так что всевластие СА в Ораниенбурге завершилось вздохами разочарования. Новые хозяева между тем решили отметить свое воцарение в лагере Ораниенбург убийством самого известного заключенного Эриха Мюзама. Сначала они попытались довести его до самоубийства. Не вышло. Мюзам хладнокровно раздал личные вещи поддерживающим его заключенным, ясно сознавая, что убийцы могут прийти за ним в любое время. Ночью с 9 на 10 июля 1934 года тщедушного Мюзама увели охранники. Вскоре он был обнаружен повесившимся на бельевой веревке в одной из лагерных уборных – неуклюжая попытка нацистов инсценировать самоубийство. Похороны Эриха Мюзама прошли в Берлине 16 июля, почтить память покойного отважились лишь несколько самых мужественных его друзей и сторонников. Жены Мюзама, Крешенции, все время пытавшейся спасти его, на похоронах не было; она как раз покидала Германию. Оказавшись за границей, она предала огласке факты издевательств нацистов над ее мужем⁴⁵⁷.

⁴⁵⁴ BAArchB (ehem. BDC), SSO, Schmidt, Bernhard, 18.4.1890, Eicke to Chef des SS-Amtes, June 21, 1934.

⁴⁵⁵ О Заксенбурге и Хонштайне см.: Baganz, *Erziehung*, 251–252; OdT, vol. 2, 132. Дата захвата Эстервегена точно не установлена: новый комендант Лориц должен был приступить к выполнению обязанностей 9 июля 1934 г. (Riedel, *Ordnungshüter*, 98), но, скорее всего, прибыл к новому месту службы ранее (Drobisch and Wieland, *System*, 189).

⁴⁵⁶ О назначении Эйке на новую должность см.: BAArchB (ehem. BDC), SSO, Eicke, Theodor, 17.10.1892, Gesamtdienstbescheinigung, March 30, 1943.

⁴⁵⁷ Von Papen, *Papen*, 25–30; Tuchel, *Konzentrationslager*, 184–186; Mühsam, *Leidensweg*, 43–48; Kreiler, «Tod», 106; Hirte, *Mühsam*, 311.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.